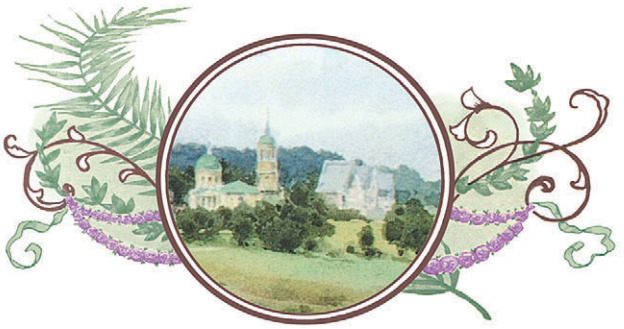
Дворянские усадьбы России



ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ РОССИИ

Елагин дворец.

Акварель К. П. Беггрова. 1823 г.

Дворянские усадьбы России

Москва «Эксмо»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.5(2)
Д 24

Научный консультант — канд. искусствоведения Марина Панова

Дизайн книги Натальи Литовченко

Оформление переплета Елены Шамрай

Д 24 **Дворянские** усадьбы России. — М. : Эксмо, 2009. — 248 с. : ил.

ISBN 978-5-699-32889-5

В эту книгу вошли два знаменитых труда начала XX века — «Старые усадьбы» барона Н. Н. Врангеля (1880—1915) и «Художественные сады» А. Регеля. Барон Н. Н. Врангель, младший брат знаменитого русского военачальника, талантливый историк искусства, устроитель знаменитых художественных выставок, блестящий литератор, был и тонким знатоком русской усадебной культуры. С беспристрастием судьи и изяществом художника барон Врангель изучил и описал быт и устройство дворянских усадеб. Во многом благодаря подвижническим усилиям Н. Н. Врангеля русская усадебная культура была признана неотъемлемой частью историко-культурного наследия России. Арнольд Эдуардович Регель, сын знаменитого немецкого ботаника, интеллектуал, тонкий знаток искусства сада, написал едва ли не лучшую книгу о русских садах, усадьбах, парках и по теории садоводства. По мнению этого практичного немца, искусство русской усадьбы — это поэзия: страсть, азарт, художественный вкус, это восторг жизни, которая не имеет ничего общего с ремесленным шаблоном и жизненной прозой.

УДК 94(47)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-699-32889-5

© Текст, комментарии, дизайн. Издательство «Око», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякая книга о прошлом является и книгой о действительности. Только сравнивая и сопоставляя, можно оценивать события и факты; только тогда можно любить прошлое, когда видишь нити, связующие его с современностью.

Судьба авторов «Дворянских усадьб России» — во многом повторяет судьбу их уникальных работ. Книгу открывает труд искусствоведа барона Николая Николаевича Врангеля (1880—1915). Он был представителем именитого древнего рода, берущего начало от обрусевших потомков Тевтонского ордена. В генеалогическом древе Врангелей было семь фельдмаршалов, семь адмиралов, мореплаватель Фердинанд Врангель; в XIX в. этот род породнился с правнучкой полководца Абрама Ганнибала; а сам Николай Врангель был внуком троюродной сестры А. С. Пушкина. Пожалуй, подобная родословная могла вызвать как чувство гордости, так и чувство большой ответственности перед предками и потомками.

Интерес к искусству, истории и литературе появился у Н. Врангеля еще в детские годы, чему способствовало как его обучение в Петербурге, так и пребывание в Италии — маленьких городках и во Флоренции, где Врангель изучал итальянский язык и литературу и искусство эпохи Возрождения. Вернувшись в 20-летнем возрасте в Петербург, Н. Врангель попал в атмосферу «мирискусников». Квартира Врангелей на Бассейной всегда была «набита прекрасными вещами», которые отец, Николай Егорович, приобретал не только у частных коллекционеров, но и находил на Александровском рынке. Все это — увлечение отца, семейные традиции, знакомство с Александром Бенуа и Сергеем Дягилевым, бесконечные разговоры о путях развития русской и европейской культур — влюбило Николая Николаевича в искусство.

Он не получил специального образования, но кропотливая работа по организации художественных выставок «Мира искусства», поиск и собирание по всему миру выставочных экспонатов, работа в Русском музее императора Александра III и Эрмитаже помогли Н. Н. Врангелю стать настоящим знатоком искусства. К тому же он был непревзойденным лектором и блестящим литератором, автором каталога русской живописи за 150 лет.

В «Старых усадьбах» Врангеля описывается жизнь русской усадьбы, с ее неожиданностями, непоследовательностями, иногда новыми, но всегда несходными со вчерашним, и крайностями против крайностей, вычурами против простоты, гениальностью против убожества, т. е. характерными чертами, так верно названными «русским самодурством». Вместе с этим, русская усадьба — это целый мир взаимоотношений и традиций. Усадьба — это и удивительная галерея образов, вдохновлявших художников, скульпторов, поэтов:

...Как мало в жизни тех людей,
Кто б целовать умел как надо,
Кто понимал бы бред страстей
И пил до капли чашу яда.

О! Сколько милых, женских лиц,
Но нет страстей на этих лицах.
Как много в клетках диких птиц,
Но не летают эти птицы!

(*Н. Врангель*)

Основав в 1909 г. Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины, Н. Врангель вместе с А. Бенуа, Н. Рерихом, А. Щусевым стремился следовать принципу: «спасти дорогие останки старины, сохранить и уберечь от окончательной гибели красивые воспоминания». Вся деятельность данного Общества была направлена на охрану художественных ценностей архитектурных строений, памятников, картин, скульптур из бронзы, изделий из фарфора, гравюр и пр. Участники общества стали организаторами многочисленных выставок, публичных лекций, авторами печатных изданий, посвященных теме — «открыть Россию России». Летом 1915 г. Н. Врангель, тяжело заболевший, скоропостижно скончался, не дожив до 35 лет.

По мнению второго автора книги, сына известного берлинского ботаника, Арнольда Регеля, разведение садов, разбивка парков, даже создание клумб возможны исключительно при одном условии — бескорыстной любви к подобным занятиям. Собирая свои материалы более 15 лет, А. Регель сумел написать и издать блестящую работу — «Изящное садоводство»,— большинство глав которой (о русских садах, усадьбах, парках и теории художественного садоводства) вошли в данное издание. По мнению автора, искусство «русской усадьбы» — это и любительство, и спорт, и художество, которые не имеют «ничего общего с ремесленным шаблоном и с жизненной прозой». Снабдив свою работу прекрасным иллюстративным материалом, А. Регель показал, как в усадьбах, садах и парках искусственная симметрия сменилась естественностью и равновесием, как «мрамор и бронза уступили первое место царству Флоры», как, наконец, композиционным элементом садостроительства стала «не пластика, а живопись».

Но всегда и везде, говоря о художественной культуре, приходилось говорить и о том фоне, на котором она зарождается. А писать об искусстве и говорить о быте — разве не есть это уничижение первого? В представленной книге видно, как скачками, нелогично и часто нелепо развивалась наша история, но даже в этих непоследовательностях можно уловить некую преемственную связь. Тогда понятным становится многое, что не вполне усваивалось; тогда в хаосе явлений четко и явственно вырисовывается основная черта русского характера, русской истории и русского искусства.

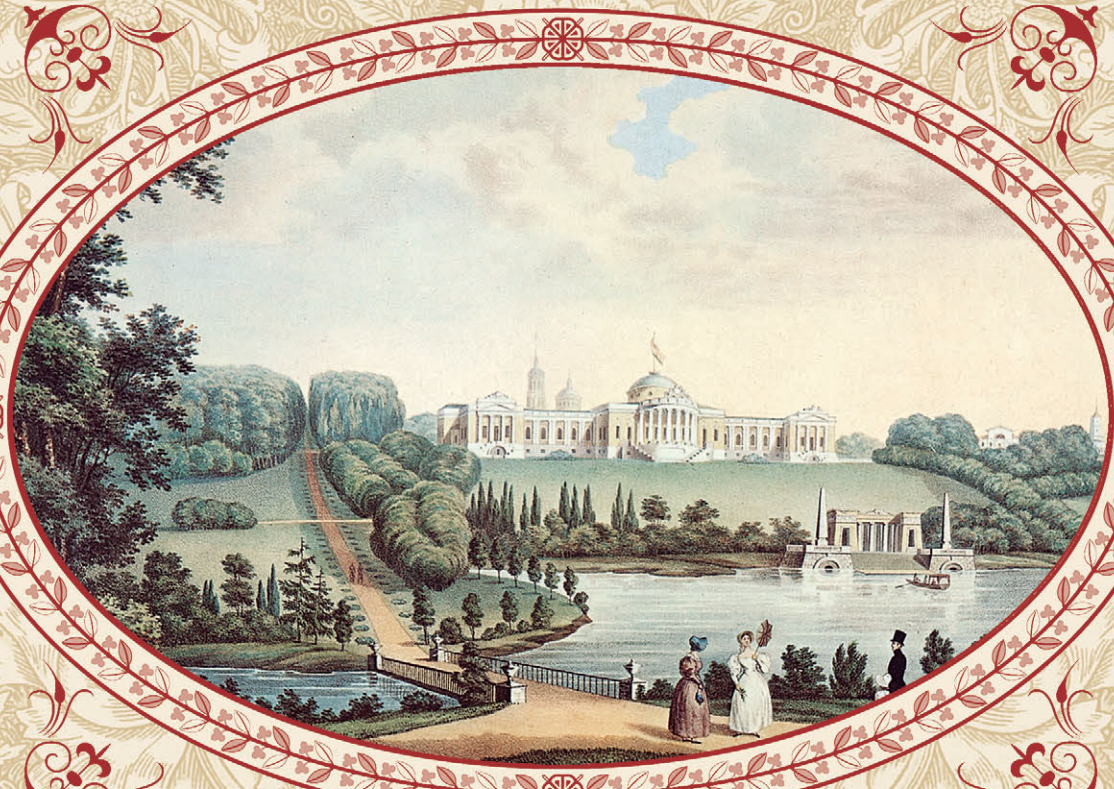
Почему до сих пор при упоминании словосочетания «русская усадьба» нам представляется некий легкий и загадочный шлейф? Манит ли нас таинственная судьба их обитателей, восторгаемся ли мы прекрасной территориальной разбивкой, находим ли удивительное в сочетании предметов интерьера... несомненно одно — мы не остаемся равнодушными к нашему наследию, и груз его — не «венок с шипами» на забытом надгробии, а живой и трепетный полевой букет, обладание которым позволит нам разглядеть свои очертания в вечном зеркале истории, ибо мы не только наследники, но и продолжатели ее бескорыстных эстетических традиций.

Настоящее издание продолжает более чем столетнюю традицию и вновь открывает России Россию, возможно, где-то забытую и не до конца понятую, но несомненно живую, трепетную, настоящую — вобравшую в себя то, что мы называем Отечеством.

Наталия Соломадина

Н. Н. Врангель

Старые усадьбы



Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты -
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

К. Бальмонт

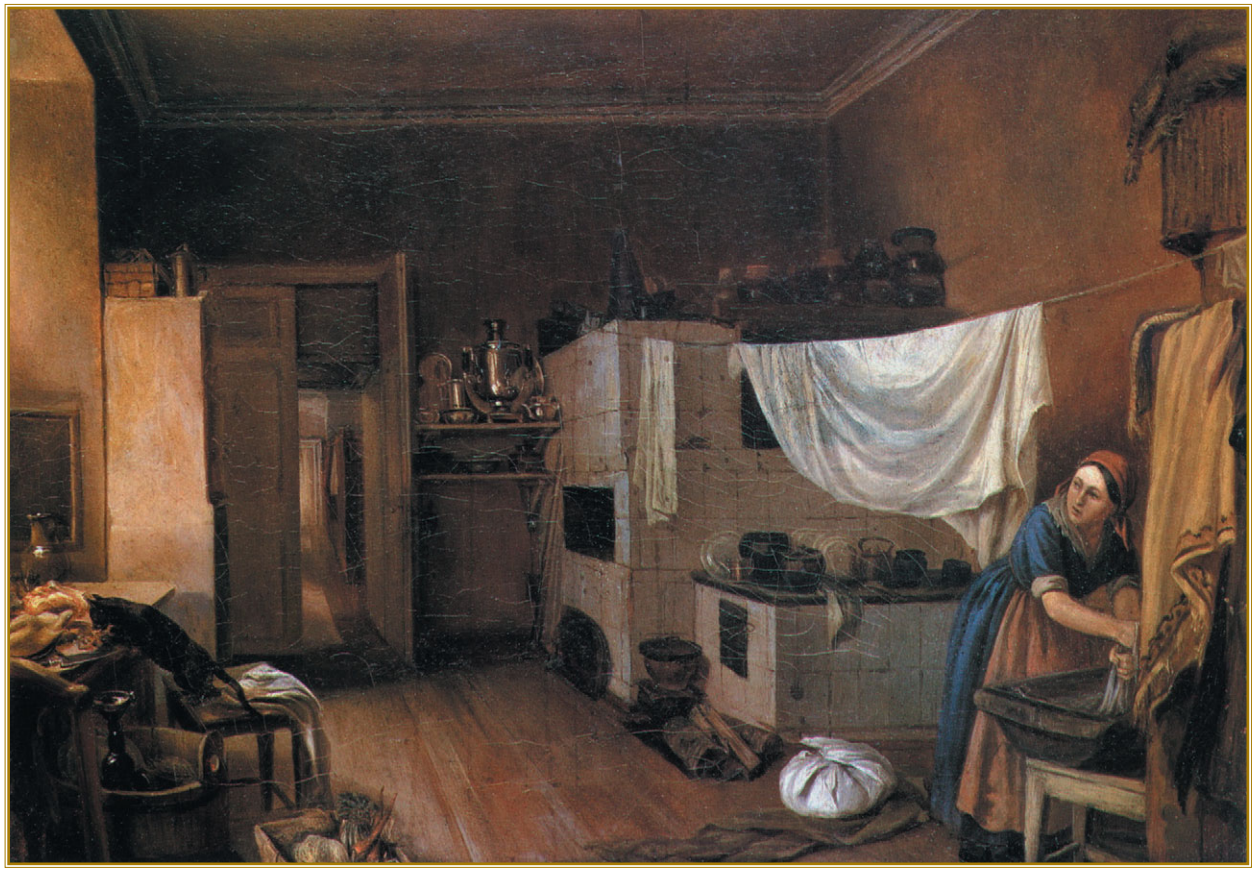
Сознание «исторических грехов» русского дворянства не должно заслонять от нас значительности его вклада в национальную культуру. Целый период в 150 лет будет отмечен печатью государственного и культурного творчества, высокими духовными поисками, произведениями общенационального и общечеловеческого значения, созданными в недрах русской дворянской культуры и одновременно вошедшими в историю общечеловеческой духовной жизни. Мы говорим о «дворянской революционности», и это парадоксальное сочетание лучше всего выражает то противоречие, о котором идет речь. Как это ни покажется, может быть, читателю странным, следует сказать, что и крепостное право имело для истории русской культуры в целом некоторые положительные стороны. Именно на нем покоилась, пусть извращенная в своей основе, но все же определенная независимость дворян от власти — то, без чего культура невозможна.

Ю. Лотман

ПОМЕЩИЧЬЯ РОССИЯ

В тенистой чаще деревьев белые дома с колоннами; сонные, пахнущие тиной пруды с белыми силуэтами лебедей, бороздящих летнюю воду; старые нянюшки, снимающие пенки с варенья; жирные, обжорливые моськи, ворчащие от сахара и злости; девки-арапки, отгоняющие мух от спящей барыни; Митька-казачок, таскающий длинные чубуки для раскуривания гостям; мухи — летающие, жужжащие, назойливые, кусающиеся, скучные, противные мухи, мухи, засиживающие окна, и стены, и книги, и все; петухи, кричащие на задворках; мычащие коровы; блеющие овцы; бранящиеся хозяева-помещики; бабушки в чепцах, никому не нужные, штопающие чулки; старые лакеи; босоногие девки, сенные девушки; крепостные актрисы, живописцы, форейторы, музыканты, борзые псы, художники, карлики, крепостные астрономы. Внутри, в комнатах,— чинные комфортабельные стулья и кресла, приветливые круглые столы, развалистые бесконечные дива-

Неизвестный художник.
Усадьба Райково (Щелковский район, берег реки Клязьмы).
Первая половина XIX в. Фрагмент
Владельцы усадьбы: Давыдов, Абазы, Кондрашевы из Фрязина, Некрасовы, Четвериковы



К. П. Чернышев. **Кухня.** *Начало 1850-х гг.*

ны, хрипящие часы с ржавым басистым боем, и люстры, и подсвечники, и сонетки, и ширмы, и экраны, и трубки, трубки до бесконечности. И опять мухи — сонные, злые, назойливые, липнущие, кусающие и засиживающие все.

Вот она, крепостная Россия прошлого, от которой остались только мухи и домашняя скотинка, старые нянюшки, хозяйская воркотня и быль и небылица о крепостной жизни, о роскоши, о красоте быта, о чудачестве дедушек и бабушек. Вот крепостная Россия обжорства и лени, добродушного послеобеденного мечтания, чесания пяток на ночь и игры на гитаре при луне. Вот страна «Евгения Онегина», потом «Мертвых душ», потом «Детства» и «Отрочества», потом «Оскудения» Сергия Атавы. Вот помещичья Россия от Петра Великого и до Царя-Освободителя, полтора века особой жизни, культуры, занесенной из чуждой страны, сделавшейся родной и опять чуждой. Старая повесть о самодурах-помещиках, засекающих крестьян, о тех же помещиках, в часы досуга занимающихся меценатством так же охотно, как ловлей зайцев и лисиц, как заказом вкусного обеда или поркой провинившихся девок. Странное дело, но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Все — на фоне античных храмов с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического или коринфского ордеров. Пляска русских босоногих малашек и дунек в «Храме Любви», маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности. Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии — девки-арапки с восточными опахалами на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее?

Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормоз ее, выразилось как нельзя ярче в быте помещичьей России. Безудержная фантазия доморощенных меценатов создала часто смешные, чудаческие затеи,

М. А. Кошелев. **Первое число.** *1862 г.*

часто курьезные пародии, но иногда и очаровательные, самобытные и тем более неожиданные волшебства. Вся эта культура, весь этот быт, все это прошлое, столь близкое по времени, теперь с каждым годом, кажется, будто удаляется на несколько столетий. И как чужда, непонятна и далека казалась людям Екатерининского века быль их прадедов времен Алексея Михайловича, так навсегда безвозвратно ушел быт крепостной России, живший полтора столетия. И потому, быть может, нежно ласкает и манит нас старая повесть о дедушках и бабушках, об арапах и крепостных, о мебели красного дерева и о домах с колоннами на берегу сонных прудов?

В России никогда не было своей последовательной, наследственной культуры. Все созданное варягами, пришедшими княжить в Россию, было уничтожено татарским игом. Потом опять новая смешанная культура Востока и Запада, пышно расцветшая в царствование первых Романовых, была вырвана с корнем тем, кого потомство окрестило именем Великого Преобразователя России. И через полтора столетия помещичья крепостная культура, давшая столько нежных и красивых цветков искусства, сменилась опять новой, совсем другой жизнью, которая до сих пор еще не улеглась в определенное русло. Естественно, что и искусство, не имевшее предков, развивалось в России так же случайно, неожиданно и капризно. Но «крепостной период» в истории нашей живописи, и главным образом архитектуры и прикладного

искусства, дал много весьма занимательного, характерного, а иногда даже и подлинно красивого. Конечно, не в смысле grand art (*фр.*) — высокого искусства, но все же интимного, так ярко и цветисто рисующего дух и вкусы своего времени. А эта картина быта уже свидетельствует о том, как живо и жизненно запечатлевали художники в своих созданиях свои робкие мечты.

В этой массе среднего уровня, в бесконечном количестве любопытных и дорогих нам, но все же заурядных в смысле художественном помещичьих усадьбах, встречаются иногда и создания высокого мастерства. Понятно, это редкость. Только крупные помещики времени Екатерины, а главным образом ее фавориты, могли создать волшебные сказки из своих имений, не только не уступающих, но даже превосходящих грандиозными затеями то, что было сделано в эту же эпоху на Западе. Русские люди всегда были самодурами, а в искусстве самодурство не раз помогало им. Но, по странной насмешке судьбы, созданное столь быстро распалось еще быстрее.

Фантастические дворцы Потемкина, имения князя Зубова, дворец Завадовского, подмосковное Ноево Дмитриева-Мамонова, дворцы елизаветинских любимцев Разумовских — все погибло.

Разорены и обветшали торжественные дома с античными портиками, рухнули храмы в садах, а сами «вишневые сады» повырублены. Сожже-

Неизвестный художник.
Ахтырка. Вид дома и пристани. *Первая половина XIX в.*

Владельцы усадьбы: Панины, В. Н. Татищев, Трубецкие, С. М. Матвеев.
В Ахтырке бывали многие знаменитые музыканты, среди них братья Антон и Николай Рубинштейны, профессора Московской консерватории Лауб, Гербер, Иоахим, Фитцвенгаген, Гржимали, гостил здесь и П. И. Чайковский

ны, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы бесчисленные богатства фаворитов русских императриц: картины и бронза, мебель и фарфор и тысячи других великолепий. По странной игре судьбы, любимцы государынь не оставили мужского потомства, дошедшего до нас. Вспомните Шувалова, Румянцева, Разумовских, Потемкина, Зорича, князя Зубова, Александра Ланского, Мамонова, Завадовского. А для них строили дворцы Ринальди и Деламот, Менелас и Кваренги; им дарились лучшие портреты государынь, присылались лучшие художники и служили сотни тысяч крепостных. Даже в фаворитизме у нас не сохранилось традиций.

Но не одна судьба зло подшучивала над Россией. Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды.

Ведь культурным было русское дворянство от Екатерины Великой и до освобождения крестьян, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались над тем немногим, о чем могли бы говорить с гордостью, и, бог весть, придет ли день, когда снова об этом вспомнят?

Всюду в России: в южных губерниях, на севере и в центре — можно наблюдать тот же развал старого, развал не только денежный, но развал культурный, невнимание и нелюбовь к тому, что должно украшать жизнь. Тогда как в Европе из рода в род много столетий переходят и хранятся имения и сокровища предков, в России наперечет несколько поместий, находящихся двести лет в одной семье. И нет ни одного примера дошедшей до нас целиком сохранившейся помещичьей усадьбы XVII века. Только в Покровском княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой часть дворца — еще дореформенной Руси. Даже от Петра, от Анны Иоанновны, даже от Елизаветы дошли до нас жалкие остатки; нет имения, целиком сохранившегося с тех времен.

От Екатерины лучшее также погибло, и только эпоха Александра I еще ярко и жизненно глядит из усадеб дворянских гнезд. Но и тут Грузино Аракчеева — полуразвалившееся, обкраденное, запущенное, с призраком убитой Настасьи и образом «обезьяны в мундире», засекающей крестьян...

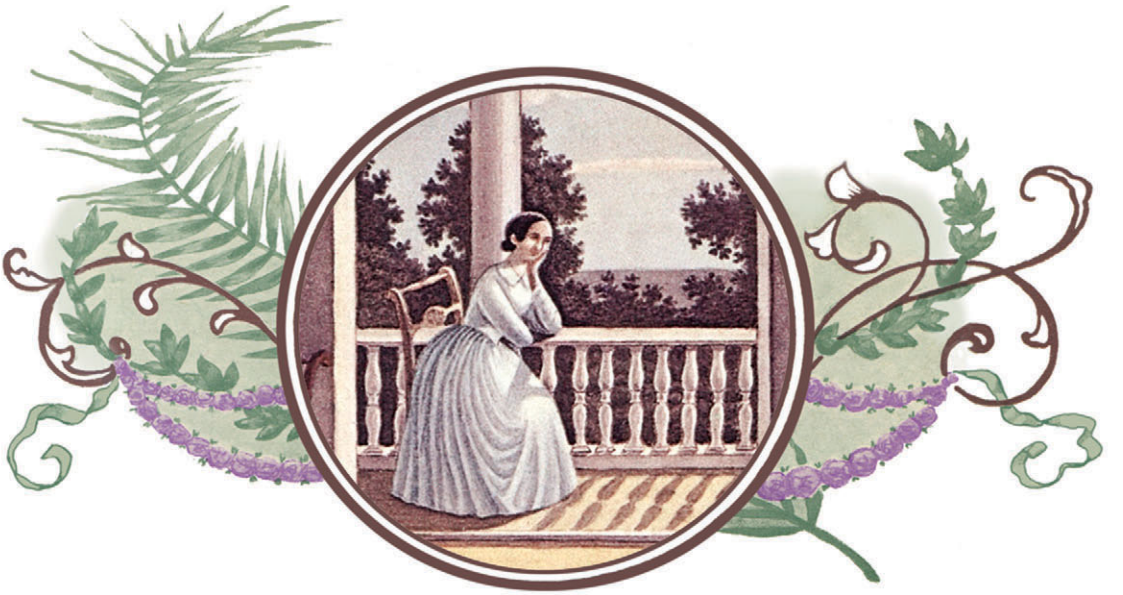
Неизвестный художник.
Усадьба Райково.
Первая половина XIX в. Фрагмент

По легенде, увидев бывшее село Иванково, проезжавшая здесь императрица Екатерина II назвала его райским местом. С тех пор, якобы, и стало называться оно Райково или Райки

Так, быть может, ничего и не осталось от волшебных чудачеств крепостной России; быть может, не стоит и говорить о том, что у нас есть?

Нет, еще стоит. Еще можно спасти дорогие остатки старины, сохранить и уберечь от окончательной гибели красивые воспоминания, плесневеющие в грязных деревнях, в провинциальной глуши отдаленных губерний. Еще стоит подумать, прежде чем рушить дома, прежде чем продавать скупщикам картины и предметы убранства. В России еще есть старое искусство, пока целы Дубровицы, Кузьминки, Архангельское, Останкино, Кусково, Петровское, Марьино, Ольгово, Белая Колпь, Быково, Покровское-Стрешнево, Полотняный Завод, Очкино, Диканька, Суханово, Андреевское, Воронцовка, Ивановское, Братцево, Никольское-Гагарино и Никольское-Урюпино, Большие Вяземы, Дугино, Яготин, Качеровка, Корсунь, Гомель, Отрада, Белая Церковь...

Неизвестный художник.
Вид из парка на усадьбу. *Конец XVIII в.*



УСАДЬБЫ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

При слове «усадьба» нам обыкновенно рисуется белокаменный дом Екатерининского или Александровского времени, тенистый сад, «храмы Любви и Дружбы», мебель карельской березы или красного дерева. Благодаря тому что все, сохранившееся до нас, редко насчитывает более ста — ста пятидесяти лет, такое представление о русской усадьбе совершенно понятно. Но ведь и до Екатерины, и даже в дореформенной Руси была помещичья жизнь, были деревенские дома, обитаемые князьями и боярами.

На основании отрывочных сведений писцовых книг и любопытных описаний заезжих иностранцев можно в общих чертах нарисовать себе тип среднего помещика и дворянской усадьбы в XVI и XVII столетиях. Те представления о пышности и роскоши «боярской жизни», которые держатся у большинства, решительно ни на чем не основаны.

Земельная Россия в дореформенное время была по отношению к Западной Европе вроде того, что теперь Полинезия для России. И все путешественники, приезжавшие в Московию, описывают ее именно как диковинную варварскую страну. «Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нра-

Г. В. Сорока.
Вид на озеро Молдино в усадьбе Островки.
Конец 1840-х гг. Фрагмент

Владельцы усадьбы: Потемкины. Н. К. Рерих назвал Островки «лишь одним характерным местом» за всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга

вов и образа жизни,— пишет Олеарий,— то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам».

Естественно, как и у всех варваров, русский быт делился на две части: роскошную и прихотливую пышность наиболее знатных вельможгорожан и грязную и почти убогую, скудную жизнь среднего дворянина.

В подмосковных дворцах Романовых царило великолепие. В Измайлове был чудесный дворец, «регулярный сад» с разными затеями; еще прихотливее был

Российский Вифлеем,
Коломенско село,
Которое на свет
Петра произвело.

Недаром Симеон Полоцкий называл эти имения царей московских «восьмым чудом света, Соломоновою прекрасною палатою». Но бесконечно далеки от такой роскоши были дворянские усадьбы.

«Помещики XVI века, времен Грозного, жили бедно и неприхотливо. Богатейшие дети боярские выслуживались до придворных чинов, попадали в списки московских дворян, жильцов и т. д. Менее счастливые, все беднея, опускались до владения 20—10 десятинами, скоро исчезли в толпе вольных людей, казаков и однодворцев».

Если богатому землевладельцу и удавалось выстроить более роскошные палаты, то почти всегда через несколько лет они погибали от огня. Страшные пожары уничтожали дотла деревянные постройки, а в старину дома, даже у очень богатых людей, строились из дерева. Флетчер, посетивший Россию в 1588 году, ужасается опустошениям, которые огонь каждый год производит в России. «Пожары там случаются очень часто,— пишет он,— и бывают очень страшны по причине сухости и смолы, за-

Н. Мартынов.
Дворец в Коломенском

Расцвет Коломенского связан
с царствованием Алексея Михайловича.
Коломенское было его любимой резиденцией.
В 1667 г. возводится великолепный деревянный
дворец, имевший 270 помещений;
дворец окружен оградой и садом,
со зданиями приказов, воротами
с башенными часами

ключающейся в дереве, которое, раз загоревшись, пылает подобно факелу, так что трудно бывает потушить огонь, пока все не сгорит».

Вследствие этих причин, а главным образом из-за отсутствия потребностей к роскоши и удобствам, русские люди в XVI и XVII веках жили очень просто и даже грязно. Об убранстве домов Олеарий говорит: «Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды,— разве чарки для водки и меду. Не привыкли они также прилагать много труда к чистке и полировке посуды. Даже великокняжеские серебряные и оловянные сосуды, из которых угощали послов, были черные и противные на вид, точно кружки у некоторых ленивых хозяек, немытые год или более того».

Болотов в своих любопытных «Записках» рассказывает жизнь своих предков в царствование Михаила Федоровича. На одном помещичьем дворе, в клетях и избах, жили семьи двух женатых братьев. На деревне у них было всего-навсего два крестьянских двора: один пустой, а в другом крестьянин с двумя племянниками, да в двух меньших дворах сидело по одному бобылю. На всю помещичью семью приходилось пять взрослых работников, и вполне естественно, что помещики жили чуть ли не впроголодь, работали в поле наравне со своими крестьянами.

Н. Мартынов.
Ворота в Коломенском

Историческое ядро Коломенского — Государев двор — был обнесен частично каменной, частично деревянной оградой с двумя проездными воротами: Передними, или Дворцовыми,— парадным въездом в царскую усадьбу, и Спасскими, или Задними

Неизвестный художник.
Доклад управляющего своему помещику. *1810-е гг.*

Так было в варварской России XVII века, после эпохи Возрождения в Италии и накануне феерического расцвета французского величия времен Короля-Солнца!

Поразительная неурядица и отсутствие порядка были всегда характерны для русской жизни. В XVII веке крестьяне зачастую покидали помещиков, оставляя на произвол судьбы все имение и хозяйство.

Даже богатые родовитые семьи разорялись благодаря этому и не могли совладать с крестьянами. В. Б. Шереметев жаловался царю Алексею Михайловичу:

«Некто недруг мой внес в люди на Москве, что будто я, холоп твой, в неприятельских нечестивых руках в Крыме умер. И, слыша то, холопы мои учинились непослушны сынишку моему, в домишку его объявилось от холопей воровство великое... И в деревнишках хлеб мой они покрали и мужичонков разогнали, а иных мужичонков моих раздали и распродали. Из нижегородских моих деревнишек человек мой, Войка, правил деньги, рублев по сороку и по пятидесяти, неведомо, по каким варварским записям. Человек же мой, Мишка Збоев... воровал, надругался над крестьянами, впрягал в сохи и на них пахал, и от сох крестьяне помирали. И такова поруганья над крестьянами и в нечестивой стороне бусурманского закону и злого народу не бывает».

Так жаловался Шереметев, один из именитейших помещиков! Что же тогда происходило у средних и мелких землевладельцев? Они были всецело во власти грубой и безудержной толпы своих же рабов, которые, собираясь шайками, грабили помещиков.

«В августе месяце, когда убирают сено, из-за этих рабов крайне опасны дороги по сю сторону Москвы миль на двадцать,— рассказывает Адам Олеарий в 1636 году,— здесь у бояр имеются их сенокосы, и они сюда высылают эту свою дворню для работы. В этом месте имеется гора, откуда они могут издали видеть путешественников; тут многие ими были ограблены и даже убиты и зарыты в песок. Хотя и приносились жалобы на этих людей, но господа их, едва доставляющие им, чем покрыть тело, смотрели на эти дела сквозь пальцы».

И. И. Шишкин. **Уголок заросшего сада. Сныть-трава.** *1884 г. Этюд*

Понятно, что пожары и разбои уничтожали помещичьи дома: усадьбы сгорали через каждые два-три года, и гибла та незатейливая обстановка, которая составляла убранство сельских домов. О внешнем виде этих усадеб мы можем судить по рисунку времен Алексея Михайловича, находящемся в известном альбоме барона Мейерберга 1661—1662 годов. Деревянный дом с покатыми крышами и узенькими окошками окружен простым деревянным забором. Во второй этаж ведет деревянная лесенка. Это средний тип «boiaren Hof» (*нем.*) — боярский двор, зарисованный заезжим иностранцем.

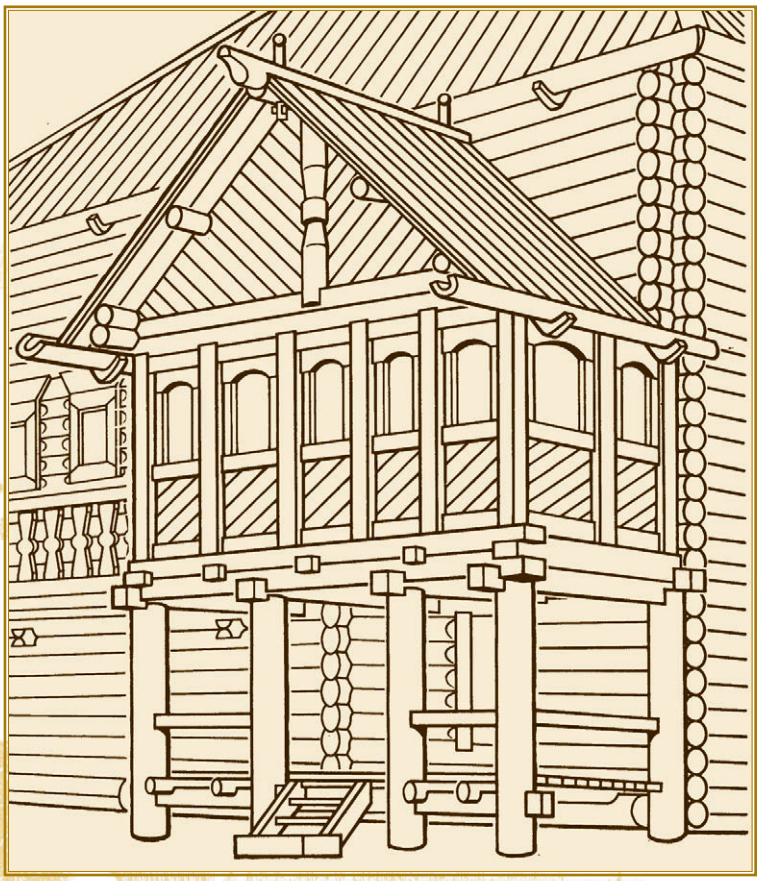
О внутреннем устройстве дворянской усадьбы в последние годы XVII века и о быте дворян также встречаются сведения в записках иноземцев. В интереснейшем «Дневнике путешествия в Московию» Иоганна Корба находятся некоторые краткие указания о помещичьих домах и жизни их обитателей. Недалеко от Можайска находилась в 1698 году усадьба.

«Боярин Иванов,— пишет Корб,— *владеет хорошо устроенным поместьем; есть там огород со многими грядами, насаженная роща с там и сям искусственно насыпанными горками. Довольно уютные комнаты соблазнили нас здесь пообедать».*

Великорусский дом с избой и сенями в Новгородской губернии.
Гравюра XIX в.

В дневнике того же И. Корба от 28 июля 1698 года записано:

«Два дня тому назад князь Голицын просил господина посла, чтобы тот не поставил себе в труд посетить его поместье. По этой причине и желая показать, что он высоко ценит расположение этого князя, господин посол выехал туда на рассвете. Поместье называется „Дубровицы" (Dobroviza). Оно отстоит от столицы на 30 верст, или шесть немецких миль. Мы добрались до места ко времени обеда. Сам князь, ожидая с господином архиепископом нашего приезда, осматривал все окрестности с колокольни церкви, роскошно выстроенной на княжеский счет. Церковь имеет вид короны и украшена снаружи многими каменными изваяньями, какие выделывают итальянские художники. По окончании обеда, приготовленного с большою роскошью, мы предались приятным разговорам в восхитительной беседке, выстроенной в прелестнейшем саду. Беседа затянулась до вечера, когда внимание гостей привлек к себе приготовленный нам там усердием слуг ужин».



Образец жилища Новгорода.
Реконструкция крыльца

Это было уже при Петре Великом, когда многие бояре начали усваивать обычаи и вкусы культурных европейцев. Но все же и теперь, и еще долгие годы захолустная помещичья Россия жила по старым обычаям и в обстановке своих де-

По «Запискам» Тимофея Болотова можно нарисовать себе в общих чертах обстановку домов у помещиков среднего достатка. «Усадьба широко раскидывалась по обеим сторонам деревенского проезда: по одну сторону — барский двор, по другую — овины, скирдник, конопляник и пруды. Дом стоял среди двора и отделял чистую переднюю половину от заднего двора. Одноэтажный, без фундамента, он вмещал очень мало жилых комнат; огромные по-старинному сени и кладовые занимали большую часть его».

дов. Можно смело сказать, что до царствования Анны Иоанновны, то есть до середины XVIII века, русская глухая провинция и деревня почти не изменились с конца XVI столетия, и сельский быт среднего помещика был таким же, как в дореформенной Руси.

Передние и задние сени отделяли три жилых покоя от двух холодных кладовых; из передних дверь вела в переднюю же комнату, зал; самая большая из всех, эта комната была холодная, без топки, и в ней никогда не жили; ее тесовые стены и потолок почернели и закоптились от времени, что при маленьких окошечках придавало комнате мрачный вид; вдоль темных стен по-старинному тянулся стычной стол, покрытый ковром...

Изразец. *Россия. Фаянс. XVII в.*

Вторая, угольная, комната была главным, почти единственным жильем хозяев; в ней было больше окон и свету, а огромная печь из разноцветных кафлей давала много тепла. Здесь опять сияло много образов; древний киот с мощами и неугасимой лампадой занимал передний угол. Несколько стульев и почерневший комод одни напоминали Европу. Здесь же стояла и кровать...

Третья, меньшая, комната имела много назначений; она сообщалась с задними сенями и служила одновременно девичьей, лакейской и детской». Вот и все. А если так жили зажиточные помещики, то что же делалось у более мелких? — Их жизнь и обстановка были, вероятно, беднее и неуютнее теперешнего жилья богатого крестьянина. Впрочем, бывали и исключения: некоторые помещики жили более богато и даже украшали предметами роскоши свое жилье.

В одном деле Калужского губернского архива сохранилось любопытное описание разгрома

разбойниками имения помещика Домогацкого. Из этого дела видно, каков был обиход зажиточного дворянина и как много вещей погибло в России благодаря погромам и грабежам.

В списке вещей, награбленных разбойниками у Домогацкого, упоминаются: кружка серебряная, 12 серебряных стаканов обыкновенного размера, 3 стакана серебряных с крышками, 3 серебряные солонки, 24 серебряных чаши для вина, 5 золотых перстней с алмазами и яхонтами, серебряная вызолоченная чарка, 6 золотых колец, золотые запонки, четверо серег золотых с алмазами, трое серег золотых с яхонтами, черепаховая с серебром табакерка, 8 ниток крупного жемчуга, 30 кошельков, шитых золотом, и длинный список великолепных одеяний: камзолов и кафтанов, шитых золотом, перчаток, шуб, шапок, белья и кружев.

Вот в общих чертах жизнь среднего помещика дореформенной Руси и первой половины XVIII века.

Серьги.
Россия XVI—XVII вв.

С воцарением Анны Иоанновны Россия вступила на новый путь поклонения пышной красоте и торжественной роскоши. Нет слов описать празднества, которые давались при дворе и которым все старались следовать. Те же иностранцы, которые полвека назад отзывались о России как о стране варварской, называют ее волшебной, а праздники царицы и ее приближенных — неподражаемыми. «Великолепие, введенное у двора,— пишет князь М. М. Щербатов,— понудило вельмож, а следуя им, и других, умножить свое великолепие. Уже вместо сделанных из простого дерева мебелей стали не иные употребляться, как аглинские, сделанные из красного дерева мегагения; домы увеличились, и вместо малого числа комнат уже по множеству стали иметь, яко свидетельствуют сие того времени построенные здания; начали дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойным иметь ком-

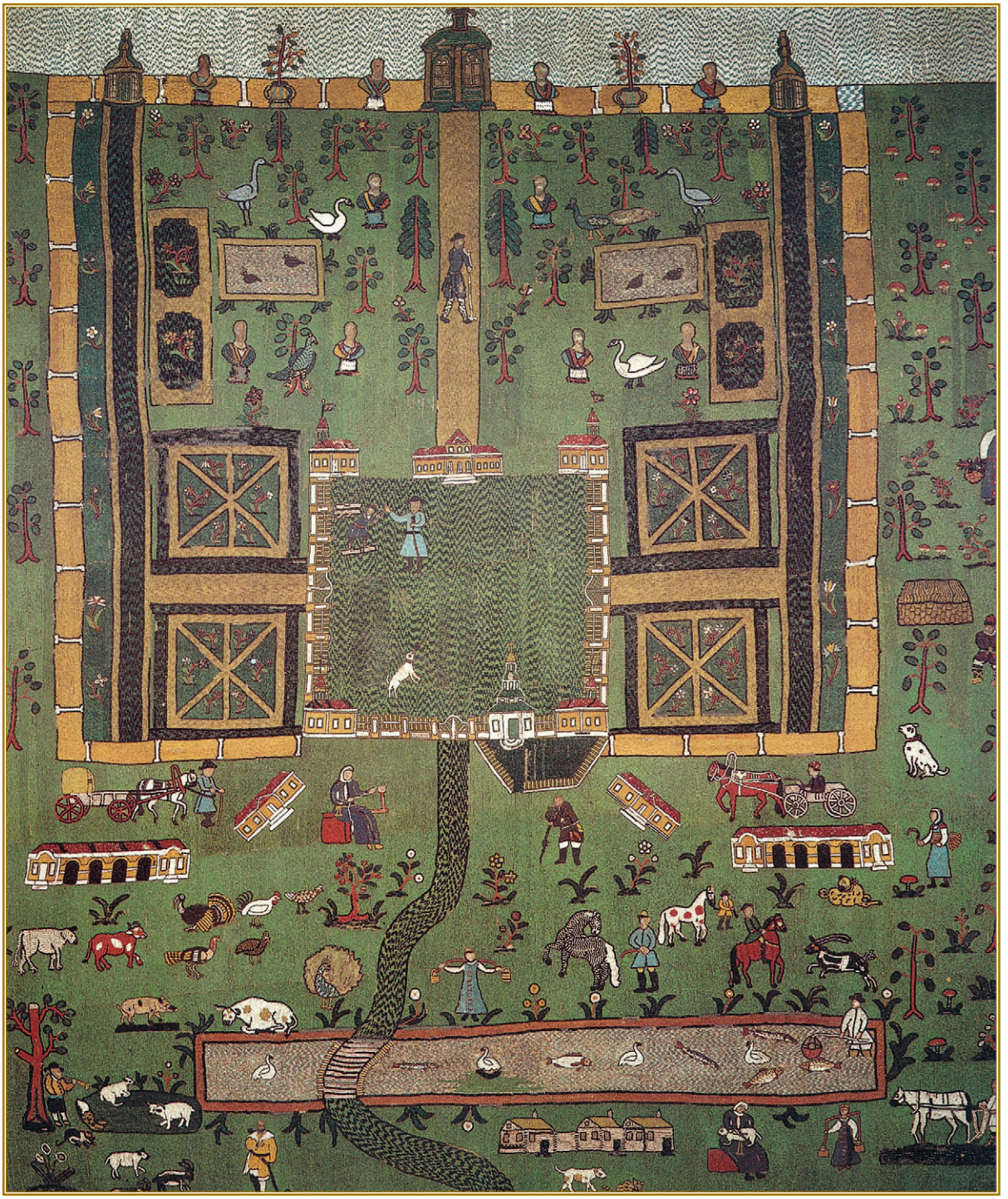
В. И. Якоби.
Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны. *1872 г.*

К. Ф. Кнаппе.
Кирпичный завод в поместье.
1798 г.

наты без обоев; зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большие стали употреблять». Придворной моде следовали сперва наиболее знатные горожане, но вскоре и помещики захотели перенести в свои имения ту роскошь, которой пользовались в городе. Герцог де Лирия писал: «Здесь все, от скипетра и до посоха, только и мечтают о сельских развлечениях».

Такова была жизнь русских придворных времен Анны и Елизаветы, и провинция, как и всегда, с некоторым опозданием, следовала городской моде. Но вся первая половина XVIII века осталась до сих пор загадкой в истории русских помещичьих усадеб. До нас не дошло целиком сохранившихся деревенских домов этой эпохи; можно полагать, что внешняя роскошь, привитая Анной, главным образом касалась горожан, и «опоздание», с каким следовала за ними деревня, надо считать десятками лет. Часто очень родовитые и знатные люди жили без удобств.

Когда князю Белосельскому досталось имение Киасовка Тульской губернии от отца жены его, урожденной Наумовой, то он «не мог довольно надивиться старику господину Наумову, которому вся волость прежде принадлежала, и село все было настоящим его жилищем, как он мог сгородить такой вздорный и глупый для себя дом и как мог жить и располагаться в оном. Пуще всего дивились мы тому, что во всем верхнем и лучшем этаже не было ни одной печи». Вигель рассказывает о жизни пензенских помещиков 1760-х годов: «Чтобы судить о неприхотливости тогдашнего образа жизни дворян, надобно знать, что ни у одного из них не было фаянсовой посуды, у всех подавали глиняную, муравленую, зато человек, хотя несколько достаточный, не садился за стол без двадцати четырех блюд, похлебок, студеней, взваров, пирожных.



Ковер с изображением усадьбы.
Шитье бисером. Середина XVIII в.

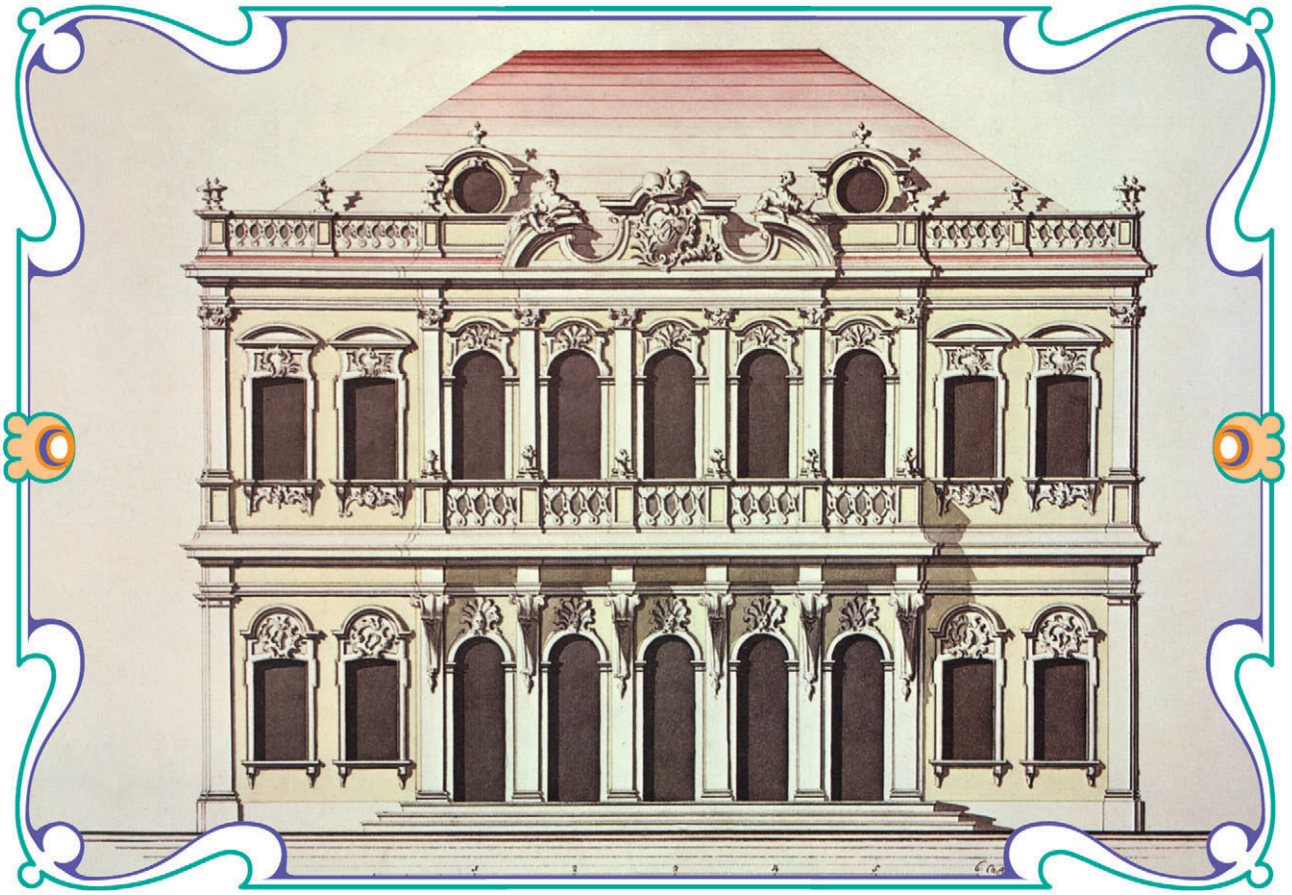
У одного только Михаила Ильича Мартынова, владельца тысячи душ, более других гостеприимного и роскошного, было с полдюжины серебряных ложек; их клали перед почетными гостями, а другие должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дворня, псарня и конюшня поглощали тогда все доходы с господских имений».

Болотов, человек по своему времени культурный, сообщает столь наивные сведения об убранстве домов, что, весьма вероятно, и другие помещики жили так же, как и он,— невзыска-

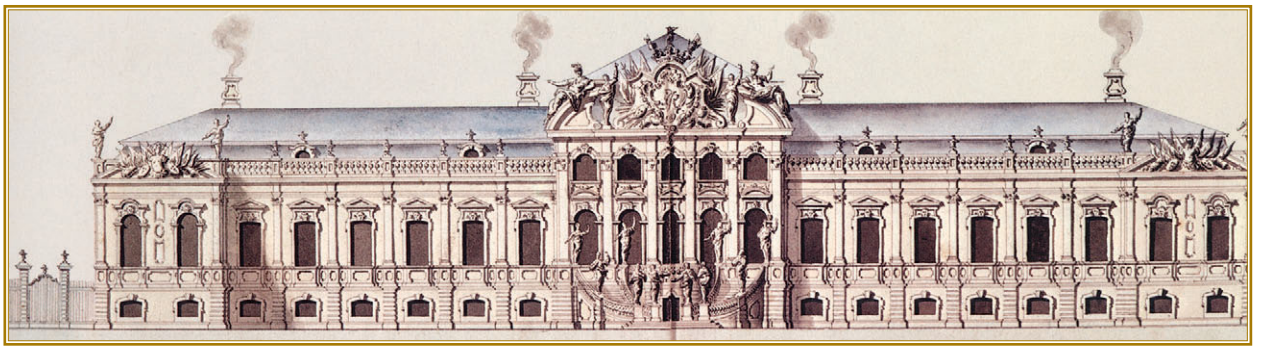
тельно и просто. В его дневнике под 1773 годом записано: «Теперь надобно мне одну учиненную около сего времени выдумку сообщить. Печь в моем кабинете была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала белил ее все мелом на молоко, и по нем расписывал сперва красным сандалом, раковинами и картушами, но как она замаралась, то выбелили ее около сего времени вновь, и мне вздумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цветочками. Чрез сие получила она еще лучший вид; а в сие время вздумалось мне полощить ее зубом, и я увидел, что сим средством можно и на всю ее навести лоск и придать ей тем красы еще больше. Она стала как фарфоровая и так хороша, что не уступала почти кафленой. Краски распускал я на обыкновенной камедной воде».

Весьма вероятно, что и «камедная вода», и «зуб» были выдуманы Болотовым очень удачно и его печи были действительно хороши, но, во всяком случае, эти «открытия» свидетельствуют, как сравнительно низки были требования помещика средней руки даже в начале царствования Екатерины.

Стиль дворянских усадеб как вполне ясное понятие может быть рассматриваем лишь со второй половины XVIII столетия, так как только с этого времени дошли до нас целиком сохранившиеся помещичьи дома. Я не говорю об отдельных садовых павильонах, маленьких охотничьих домиках или даже более крупных архитектурных постройках. Для характеристики обитателей домов и их вкусов часто важнее мелкие предметы убранства комнат, безделушки, мебель — словом, все то, что составляет такую жи-



Нескучное.
Фасад главного дома со стороны парка.
Лист из альбома чертежей Д. В. Ухтомского
усадьбы Н. Ю. Трубецкого на Воробьевых горах



Перовское.
Фасад дворца, перевезенного в Анненгоф. Проект

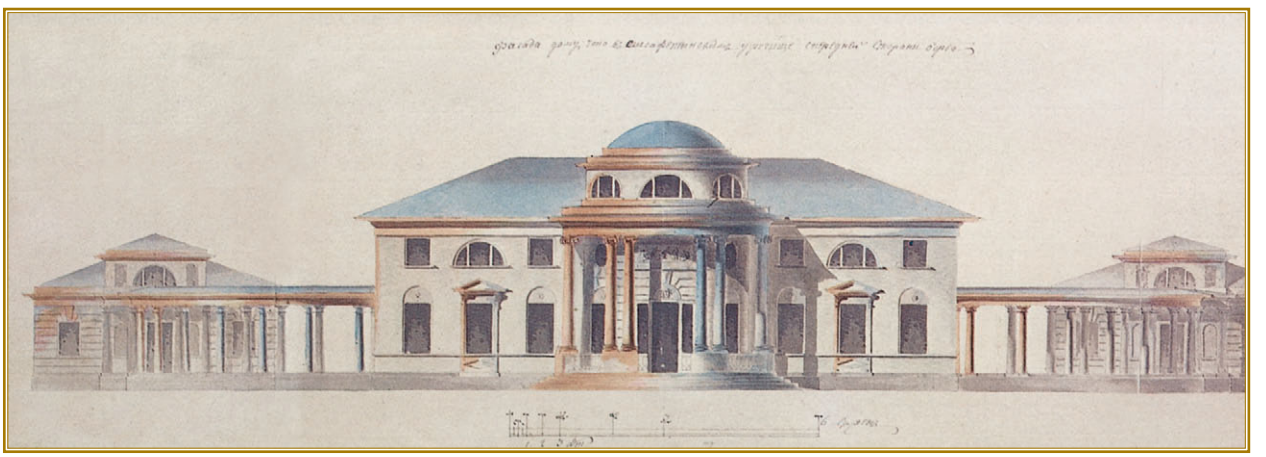
вую рамку домашнего обихода, что говорит не о наружной официальной жизни, а об интимном существовании. Но и внешняя парадная сторона — остовы и фасады домов — интересный материал для истории строительства в России.

Первые крупные дворцы-усадьбы были воздвигнуты заезжими иностранцами, так как они больше русских архитекторов строили в городах и, естественно, получали заказы от богатых вельмож, желающих иметь дворцы среди сельской природы.

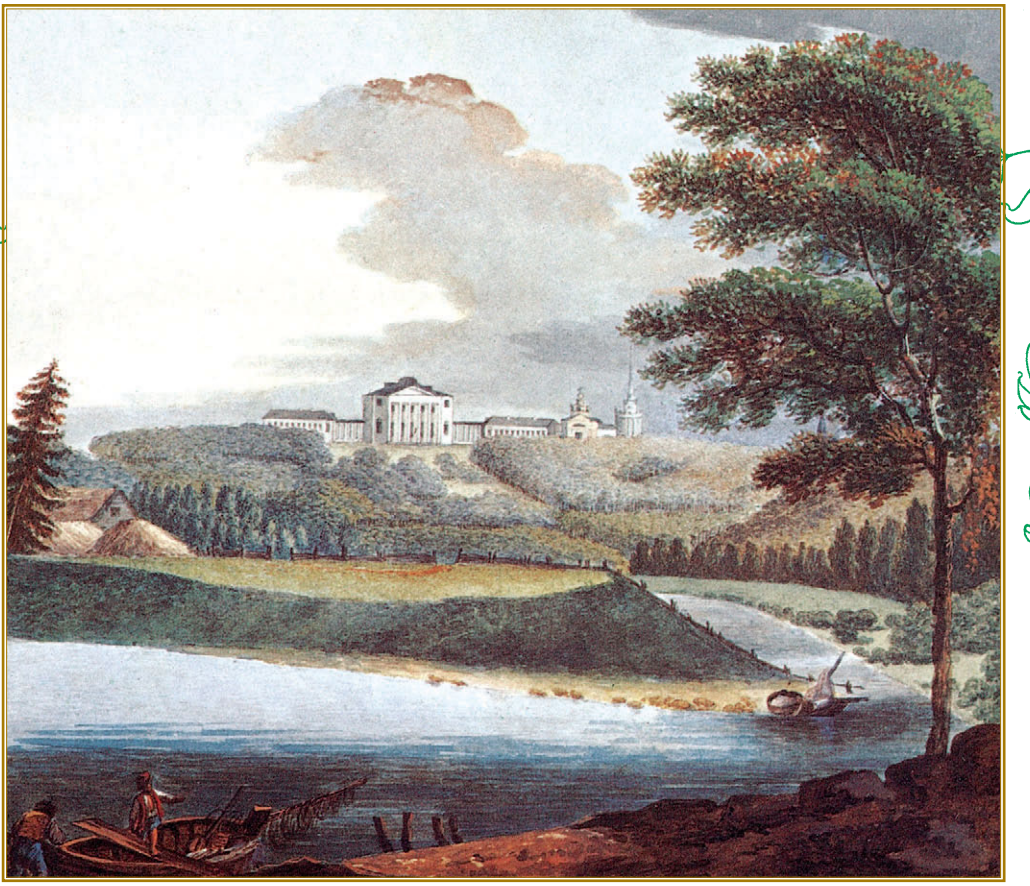
Можно, наверное, сказать, что Растрелли-сын, обстроивший пол-России, должен был иметь заказы и от русских помещиков, хотя большинство теперь приписываемых ему в имениях построек не имеют решительно ничего общего не только с ним, но даже с его школой.

Впрочем, весьма вероятно, что маленький охотничий домик Елизаветино, находящийся по Балтийской дороге недалеко от Петербурга и ныне принадлежащий В. Н. Охотникову, действительно построен автором Смольного, Пажеского корпуса и Зимнего дворца. Но даже и этот очаровательный архитектурный каприз частично изменен и, будучи совершенно переделан внутри, очевидно, не может считаться Елизаветинской усадьбой. От построек иностранцев второй половины XVIII столетия сохранилось больше достоверных сведений. Известно, что Ринальди строил Батурин (1755) для графа К. Г. Разумовского, Деламот — Почеп, Фельтен — дворец Чесменский (1780), Вальи — Кусково (1788), Кваренги — Степановское, Ляличи, Останкино, усадьбу М. П. Миклашевского в его черниговском имении, дачу князя Гагарина, Менелас — Яготин.

К сожалению, большинство этих имений погибло, а то, что сохранилось, частью изменено. Однако почти во всех помещичьих усадьбах замечаются явные черты вполне определенных вкусов их обитателей. Вся вторая половина



Елизаветино.
Фасад главного дома со стороны парадного двора. Проект



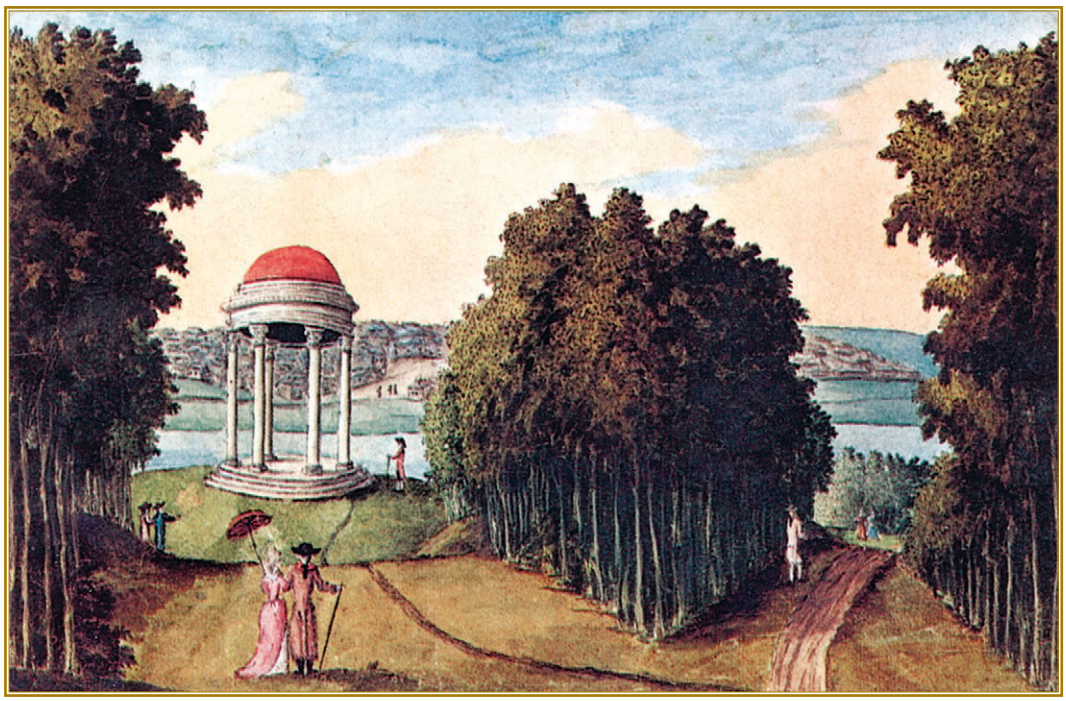
И. И. Подчаский.
Усадьба Введенское. *Вид с берега реки. 1818 г.*
Владельцы усадьбы: Пожарские, Лопухины, Якунчиковы, Шереметевы, Гудовичи

XVII века и все царствование Александра I были господством стиля empire, и тогда все дома не только в городах, но и в имениях строились в этом типе. При этом далеко не всегда русские самодуры считали нужным обращаться к опытным архитекторам за советом. Часто дома строили сами помещики, без помощи архитектора, «как придется». Вигель рассказывает, что его отец был одержим манией строительства и, не имея никаких познаний по архитектуре, сам строил у себя и церковь, и дом.

В книге «Начертание художеств», изданной в 1808 году, помещен любопытный анекдот, характеризующий отношение помещиков к архитектурным постройкам в их имениях: «Один русский художник чертил план зданию для зажиточного помещика и несколько раз перечерчивал; ибо помещик находил тут худой вид кровли, там — столбы не хороши.

"Да позвольте вас спросить,— говорит зодчий,— какого чина или ордера угодно вам строение?"—„Разумеется, братец,— ответствует помещик,— что моего чина, штабского, а об ордене мы еще подождем, я его не имею"». Тутто зодчий увидел, что имеет дело с невеждою упрямою и тщеславною». Этот рассказ, приведенный как анекдот, в сущности, вполне правдоподобен. Ведь построил же помещик Дурасов свой подмосковный дом Люблино в виде ордена Св. Анны и со статуей этой святой на крыше — в память получения им давно желаемого отличия. И, что всего курьезнее, дом вышел совсем красивый и до сих пор является одним из милых подмосковных памятников не только русского чудачества, но и вкуса.

Параллельно с увлечением строгими формами классицизма, так оригинально и в то же время хорошо идущими к русской природе, в по-



А. Т. Болотов.
Вид в имении графов Бобринских в Богородицке. *1790-е гг.*

Родоначальник фамилии А. Г. Бобринский при воцарении Павла был пожалован титулом графа, домом в Петербурге (на Галерной улице) и двумя тульскими имениями в Бобриках и Богородицке

следней четверти XVIII века стали возводиться во множестве постройки более экзотического характера, так как все, что шло вразрез с прямыми линиями empire, казалось тогда замысловатым, причудливым и сказочным. В типе готики a la Louis XVI, если можно так выразиться, построена Чесма (1780) Орловым, Вишенки (1769) — Румянцевым, Островки — Потемкиным. В 30-х годах XIX столетия, при увлечении романтизмом, множество помещичьих усадеб были также построены в так называемом «рыцарском» стиле, наподобие замков феодальных, но все же русское дворянское гнездо всегда мерещится нам античным зданием с рядом белых колонн, греческим храмом в саду, и тем же языческим храмом представляется нам захолустная помещичья церковь в старых имениях. И, как ни странно, но этот прежде чуждый нам стиль привился и сроднился с реформированной Россией ближе и дружнее, чем «боярские хоромы», которые умерли со смертью Алексея Михайловича. И вся Древняя Русь манит и влечет нас только как красивая и причудливая загадочная сказка, которая когда-то снилась наяву.

В стиле домов разбивались и сады помещичьих усадеб. Георги пишет: «Все большие сады имеют знатный лес, древнейшие — в голландском вкусе, с прямыми, частью покрытыми дорожками аллеями, и новейшие — по аглинскому расположению, с извивающимися дорожками в лесу и кустарнике, с каналами, островами и пр. Большее число оных имеют подле увеселительных лесков также открытые увеселительные, великолепные и, частью, плодоносные сады, иные с оранжереями и пр.».

В царствование Елизаветы, в пригородных дачах графини Бестужевой и барона Вольфа, проводились аллеи и стриглись деревья еще по традиции Ленотра, потом появились прихотливые капризы Надеждина, «бриллиантового князя», потом уютные и самодурные бессистемные помещичьи затеи...

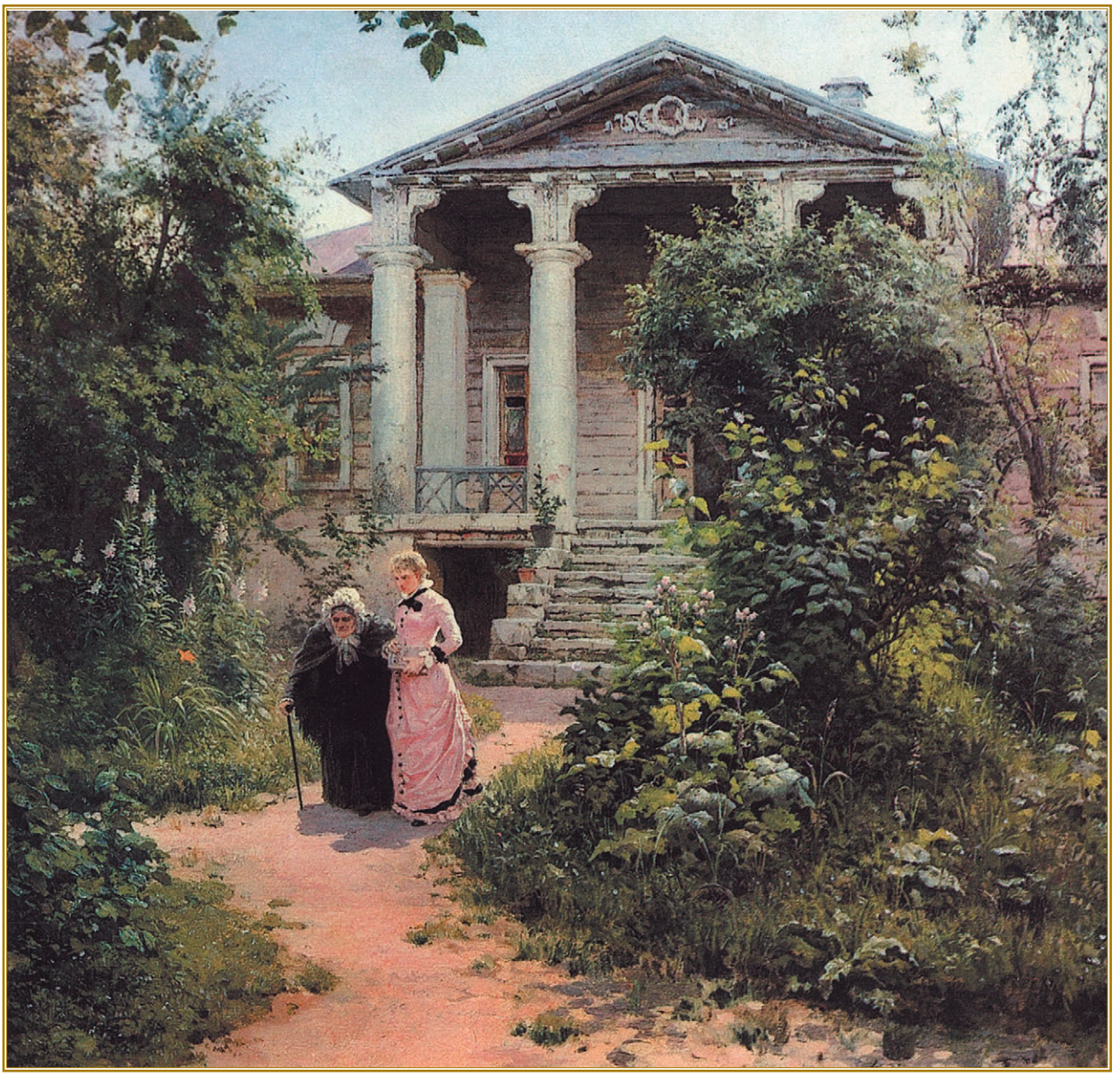
Любовь к земле, к саду, к деревьям — ко всей природе — была всегда сильна у русского человека. Ленивые помещики никогда не ленились, когда дело доходило до садов, и все приказания, сохранившиеся в «домовых конторах», показывают, как Румянцев, Разумовские, Шереметевы и даже бездушный Аракчеев любили, холили, берегли природу и заботились о своих садах. В 1816 году Александр Воейков перевел «Книгу о садах» Делиля и дополнил ее описанием русских парков.

Неизвестный художник. **В усадьбе.** *1814 г.*

Пример двора священ вельможам, богачам;
Во всех родилась страсть изящная к садам:
В Архангельском сады, чертоги и аллеи —
Как бы творение могущей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой.
Село Кусково, где боярин жил большой,
Любивший русское старинно хлебосольство,
Народны праздники и по трудах спокойство.
Люблино милое, где легкий, светлый дом
Любуется собой над сребряным прудом.
Нескучное, отколь с чертогами, с церквами
Великая Москва лежит перед глазами
С Кремлем, возвышенным во образе венца;
Пред взорами Москва — и нет Москвы конца.
О Муза! Зрелищем роскошным утомленны,
В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет,
Древ тенью Савинских укрывшись от забот;
Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться;
Сюда манит лесок, туда приятный луг;
Тут воды обошли роскошные вокруг;
Там Юнг и Фенелон, вдали кресты, кладбище
Напоминают нам и вечное жилище,
И узы жизни сей; умеют научать,
Не разрывая их, помалу ослаблять.
Здесь памятник Гюён, сея жены почтенной,
Христовой ратницы святой и исступленной,
Которая, сложа греховной плоти прах,
До смерти, кажется, жила на небесах,
Которая славна и у врагов закона
Примерной жизнию и дружбой Фенелона.

УБРАНСТВО КОМНАТ И ЛЮБИМЫЕ ПРЕДМЕТЫ

От прежних домов старосветских помещиков до сих пор веет теплым уютом и благодушием. Высокие колонные залы в два света, приветливые диванные, помещичьи кабинеты с коллекциями древнего оружия и бесконечным рядом трубок, низенькие приземистые антресоли для детей и гувернеров, тесные людские и обширные псарни — все это, жившее еще накануне, теперь кажется далеким миром какой-то совсем другой страны. Кажутся стародавними бисерные вышивки терпеливых бабушек или крепостных девок, диваны и ширмы с турками в чалмах, костяные чесалки от блох, «блошницы», часы, играющие «Коль славен». И часто в теплых, как-то особенно мило хлебом и вареньем пахнущих старых комнатах нам мнится все это дорогим и вновь желанным. Трудно порой разобраться в том, что подлинно красивого, вечного в этом ушедшем быте, что только хорошо, потому что безвозвратно ушло. Трудно понять и высказаться, есть ли хоть частица искусства в криволицых портретах бригадиров, глядящих из облупившихся рам, в пестрой живописи букетов, намалеванных крепостным-самоучкой. Но во всем этом милом хламе, дорогом нам воспоминаниями детства и курьезами своей неповторяемости, несомненно, есть своя особая интимная поэзия, та теплота дворянского гнезда, что так завершенно вылилась во всем творчестве последнего «писателя-помещика» Тургенева. И как ни любить и ни желать воскресить эту наивную безыскусственность прежней жизни,— все же никогда больше она не вернется в Россию. Эпоха детской, почти смешной веры «всерьез» во все то, что теперь кажется нам ребяческой забавой,— вот что таила эта помещичья жизнь «в комнатах». И потому теперь всякий, даже



В. Д. Поленов.
Бабушкин сад. *1878 г.*

мелкий предмет этого безвозвратно ушедшего времени является для нас не простой курьезной забавой «любителей редкостей», но драгоценной реликвией старых заветов, каким-то талисманом, о котором мы еще грезим по детским воспоминаниям. И если вместе с этой интимной поэзией в помещичьей жизни прошлого встречаются создания подлинного искусства, то тем более вдвойне дороги и нужны они нам.

А следы высокой культуры Екатерининского века и «дней Александровых прекрасного начала» все еще сохранились, несмотря на страшную разруху помещичьих усадеб. То в виде целых архитектурных построений комнат, то в живописно-декоративных украшениях, то в старинных картинах иностранных и русских мастеров, в бронзе, мебели и фарфоре сказывается изысканный вкус и толковое понимание красоты, которое в России было еще сравнительно так недавно. Это понимание высказалось, во-первых, в том, что [было] заказано специально для украшения стен. Я говорю о фресковых узорах на потолках и стенах, о живописной росписи комнат. Иногда это пейзажные виды холмов, лесов и речек, иногда узорные «а ля грек», иногда веселые амуры или барельефы en grisaille, в серых

Г. Робер.
Павильон Аполлона и обелиск.
Настенное панно в зале Гюбера дворца в Архангельском

тонах (*фр.*). Превосходные фрески-пейзажи сохранились в доме купца Прохорова в Полотняном Заводе; быть может, они сделаны тем же искусным живописцем, что расписал в Калуге стены дома Кологривова.

Очаровательна роспись кисти отличного мастера в Никольском Московской губернии; особенно хороша она в старом доме Екатерининского времени, в комнате, где орнамент на золотом фоне.

Я не говорю уже о великолепных, вполне европейского уровня росписях таких загородных дворцов, как Ляличи, Кусково, о тех исключительно интересных фресках, что прекрасно сохранились в Медном под Петербургом, в бывшем доме Саввы Яковлева. Часть (увы, ничтожная!) росписи видна и в руинах Горенок, бывшем имении Разумовского под Москвой.

Но это только жалкие остатки, там и сям проглядывающие на обветшалых стенах разва-

Неизвестный художник XVIII в.
Плафон «Диана» в Большом зале Итальянского домика в усадьбе Кусково

Чудесно написаны «серые с белым» барельефы в стиле empire в подмосковной Люблино, прекрасен плафон Скотти в том же доме.

лившегося гиганта-дворца, дворца, превращенного в фабрику и потом опустелого, с выбитыми окнами, штукатуркой, облупившейся со

Малиновая гостиная.
Мебельный гарнитур русской работы. 1760-е гг.
Справа — канделябр «Путти» итальянской работы. XVII в.
Парадные портреты, в числе которых портрет П. Б. Шереметева, работы французского художника Н. Деляпьера

стены, с дрожащими ступенями расшатанных лестниц... В старых усадьбах красивы были печи: то белая, кафельная, с рельефными фигурами и орнаментами, то расписанная вазами a la Louis XVI или гирляндами и цветами — синими по белому фону.

Отличные печи сохранились еще во многих усадьбах Калужской губернии — в Полотняном Заводе, в Сивцево (Е. В. Миллер), в подмосковной Голицыных, Петровском. Мебель, которою обставлены комнаты русских усадеб, в общем, довольно однообразна по стилю. Это почти всегда мебель empire, реже — в стиле Людовика XVI и еще реже — более ранней эпохи. Но зато превосходно и как нигде разработаны эти формы empire'a,— бесконечные варианты греческих орнаментов. Иногда попадаются более ранние предметы: итальянские кессоны XVII столетия в Богородицке Тульской губернии и отличный

Картинная в Итальянском домике в Кусково

голландский шкаф с инкрустированной фигурой Петра Великого там же; хорошие шкафы и диван в Рябове под Петербургом, прелестное бюро a la Louis XV в Елизаветино В. Н. Охотникова, два чудных шкафа с медальонами уэджвуд в Никольском Московской губернии, петровские стулья в Полотняном Заводе и в Богородицке, красивые золоченые зеркала в Ясной Поляне, доставшиеся графу Льву Николаевичу от Волконских. Бронзы и фарфора еще меньше, если не считать дивных вещей в подмосковных Шереметевых и в Архангельском, превосходных часов в голицынском Петровском, фарфора сакс — в Богородицке. Но это все редкие предметы; большинство помещиков или увезли лучшие вещи в город, или, что чаще, продали их заезжим скупщикам. Множество вещей просто погибло: переделано «на новый стиль», изломано и даже, как ни дико сказать, сожжено.

Одна пожилая помещица Калужской губернии рассказывала мне, как в молодости, лет сорок назад, ею было получено в наследство старинное имение, все битком набитое мебелью. Но «старая» обстановка не нравилась новой владелице, которая хотела иметь ее более «модною». Таковая была заказана в соседнем городе и привезена. Но так как помещичий дом был невелик, то не знали, куда девать старую мебель. Дом от железной дороги находился на расстоянии шестидесяти верст, и нашли, что так далеко везти для продажи «рухлядь» не стоит. Ее просто сожгли, устроив огромный костер, где долго горели и не хотели сгорать старинные диваны, столы, стулья, шкафы, бюро и ширмы...

К. А. Зеленцов.
В комнатах. Гостиная с колоннами на антресолях

Картин в русских усадьбах теперь также сравнительно мало. От старых времен до Петровского времени естественно, что ничего не осталось: во-первых, пожары, съедавшие все усадьбы, во-вторых, то странное отношение, которое было ко всему достоянию предков.

На предметы искусства в России было всегда какое-то непонятное гонение. Разрушали все, что могли, и просто из любви к разрушению, свойственной русским, и по принципу. Даже

А. А. Бобров.
Проказы кошки. *1866 г.*

иконы — священные реликвии, дивные, вдохновенные, экстазные лики Бога и Его святых — яростно уничтожались русскими. «Когда их иконы становятся старыми,— говорит Адам Олеарий,— так что моль их поедает (sic!), они их или опускают в текущую воду, давая им плыть, куда им угодно, или же на кладбище, или в древесном саду закапывают их глубоко в землю».

Что же касается картин европейских школ, мода на которые пошла со времен Петра Великого, то такого рода собрания зачастую составлялись без всяких знаний и случайно. Самодуры-помещики, зараженные примером двора и близких к нему лиц, покупали без разбора по совету ловких комиссионеров-иностранцев, часто оптом, целые галереи. Конечно, были знато-

Неизвестный художник. **Комната в усадебном доме**

Можно себе представить, сколько иконных картин погибло таким образом в России. Сколько скрыто на дне бегущих рек или в сени покосившихся крестов кладбищ прекрасных русских примитивов. Вот почему даже в старинных помещичьих гнездах, даже у уцелевших старых семей сравнительно мало икон древнейшего времени.

ки, подобно И. И. Шувалову, графу А. С. Строганову, А. Н. Оленину, А. Р. Томилову, собравшие чудесные коллекции, но большинство картин в русских усадьбах посредственны или плохи. Хорошие собрания имелись также у графа Вязмитинова, отличные картины на прежней Мятлевской даче под Петербургом, в Полтавской губернии в Яготине, позже — имении князя

Н. В. Репнина. О галерее Яготина находятся сведения, записанные А. Глаголевым в 1823 году.

«В доме,— пишет он,— богатое собрание картин, оставшихся после графа Алексея Кирилловича Разумовского. Из произведений итальянской школы лучшее есть Тицианова „Даная”; обнаженные прелести ее груди, полнота членов и роскошное положение тела обворожают зрение. К ней сходит Юпитер в виде золотого дождя, а перед нею в тени — испугавшийся Купидон. Эта „Даная” достойна примечания потому, что она служила образцом многим другим картинам как древних, так и новых художников. „Мать, кормящая детей”, произведение Лазарини (1665); „Велизарий с мальчиком” неизвестного художника; две новые картины:

А. М. Гребнев.
Интерьер картинной галереи В. О. Кокорева. *1864 г.*

Для размещения галереи В. О. Кокорев пристроил к своему дому двухэтажный корпус, отделанный в русском стиле. В 1870 из-за финансового просчета Кокорев был вынужден продать сначала особняк, где она размещалась, затем — саму коллекцию. Основная часть собрания — 166 работ русских мастеров — была приобретена Министерством императорского двора. Картины украсили Александровский дворец в Царском Селе и Аничков дворец в Санкт-Петербурге, а позднее влились в коллекцию Русского музея. Часть картин попала в собрание П. М. Третьякова и Д. П. Боткина

П. Богомолов. **Книги.** *1737 г.*

Работа из уникальной коллекции русских натюрмортов 1730—1740-х гг., представленной графом П. Б. Шереметевым в диванной комнате его дворца в Кусково

„Слепец с мальчиком и св. Магдалина" и „Травля кабанов" Снейдерса также составляют украшение галереи».

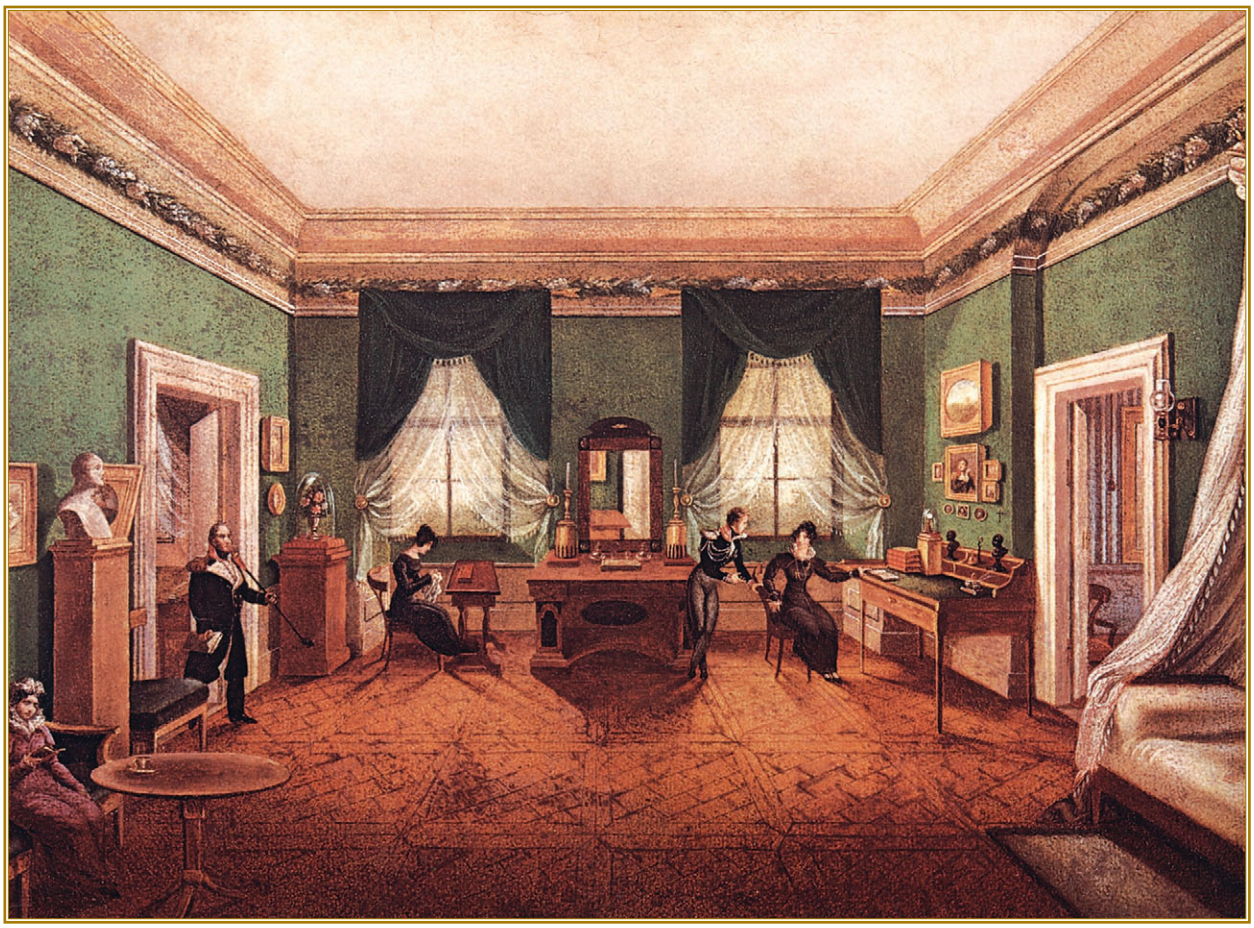
Английский путешественник Кларк, бывший в России в начале XIX века, восторгается русскими собраниями картин, особенно теми, что он видел в московских коллекциях.

«Число картин, находящихся в Москве, в самом деле значительно. Четверо или пятеро помещиков в этом городе владеют обширными коллекциями; дворцы знати буквально ломятся от [произведений искусства]; между тем нет ни единого, кто не продал бы с великой радостью все, чем обладает. Меня убеждали, что, для того, чтобы собрать все эти сокровища, потребовалось обобрать всю Европу. На первый взгляд, залы, украшенные полотнами, производят впечатление помпезное и весьма внушительное; при ближайшем же рассмотрении шарм рассеивается, когда в этих шедеврах угадываются копии, привезенные по большей части из Вены; как я уже замечал выше, русские обладают совершенно исключительным талантом в искусстве подражания; мне рассказывали об одном дворянине, который с необычайной ловкостью умел всучить какому-нибудь помещику копию картины, написанной накануне его же крепостным, несчастным малым, который в обычное время упражнялся в более простом и привычном для него ремесле чистильщика обуви, а плоды своего таланта оставлял в ближайшем трактире.

Так как дворяне редко располагают достаточными средствами, приобретения свои в области изящных искусств, равно как и во всех прочих, они совершают путем обмена. Едва ли найдется что-либо, что они любили бы больше этих торгов. Картину они выменивают на коляску или часть своего гардероба, так же как с врачом рассчитываются табакеркой. В целом они обнаруживают удивительную наивность, подобно детям, которым скоро надоедают купленные им игрушки.

В отношении живописи они предпочитают только сочные, живые краски, прилизанные композиции, блестящие рамы,— что-нибудь яркое, проще говоря, чтобы не повторяться в выражениях. Произведения Ван дер Верфа, Ватто, Иорданса, Берхема и Дж. Доу продаются по более высокой цене; однако произведения мастеров болонской школы спросом не пользуются. Ни одна работа, написанная в темных тонах, сколь бы значительной она ни была, не может считаться достоинством в их глазах. Шедевры Караччи, Зампиери или Микеланджело не встретят здесь своих ценителей.

Так было не только в Москве, но и во всех больших и богатых помещичьих усадьбах. Прихотливый помещик внезапно желал завести себе галерею, и, собранная наскоро, она представляла случайный сброд разнообразных картин, где, наряду с первоклассными произведениями, попадались совершенно безграмотные подделки и копии. Но хозяева были убеждены в редкости и ценности своих вещей, и эта уверенность перешла и к их внукам. Мне довелось видеть галерею, где все картины были каталогизированы как произведения великих мастеров.



Неизвестный художник. **В гостиной усадебного дома**

Эти двести картин оказались, за редкими исключениями, посредственными оригиналами безымянных художников, плохими копиями и подражаниями крепостных. Знаменитая некогда на юге галерея миллионера-чудака И. И. Фундуклея, перешедшая потом через Голицыных и Врангелей к Куракиным и делла Герардеска и находящаяся в Казацком Киевской губернии, также полна курьезов. Рядом с первоклассными произведениями Токке, Мириса, В. Кейна, Эльсгеймера, Левицкого и Лампи здесь находится целый ряд грубейших подделок с явно фальшивыми подписями Гоббемы, Рембрандта, Остаде, Греза и других.

Простодушный помещик-коллекционер, часто даже не видя, понаслышке, покупал картины, и антиквары, иностранные и русские, широко пользовались его щедростью. Вообще, как мне кажется, сильно преувеличено мнение об огромном количестве старинных картин, находящихся в России. В русских имениях, за редкими исключениями, все — посредственные копии или работы третьестепенных мастеров. Почти все лучшее либо вывезено в Москву и Петербург, либо, еще чаще, продано заграничным скупщикам, которые со времен освобождения крестьян и оскудения помещиков партиями вывозили русские сокровища в Европу. Грустно и больно теперь за ушедшие так нелепо богатства, грустно, и мало надежды на то, что кто-либо из современных помещиков станет тем меценатом, какие бывали у нас прежде.

И еще грустнее, что все это было почти что вчера, назад менее чем полвека.

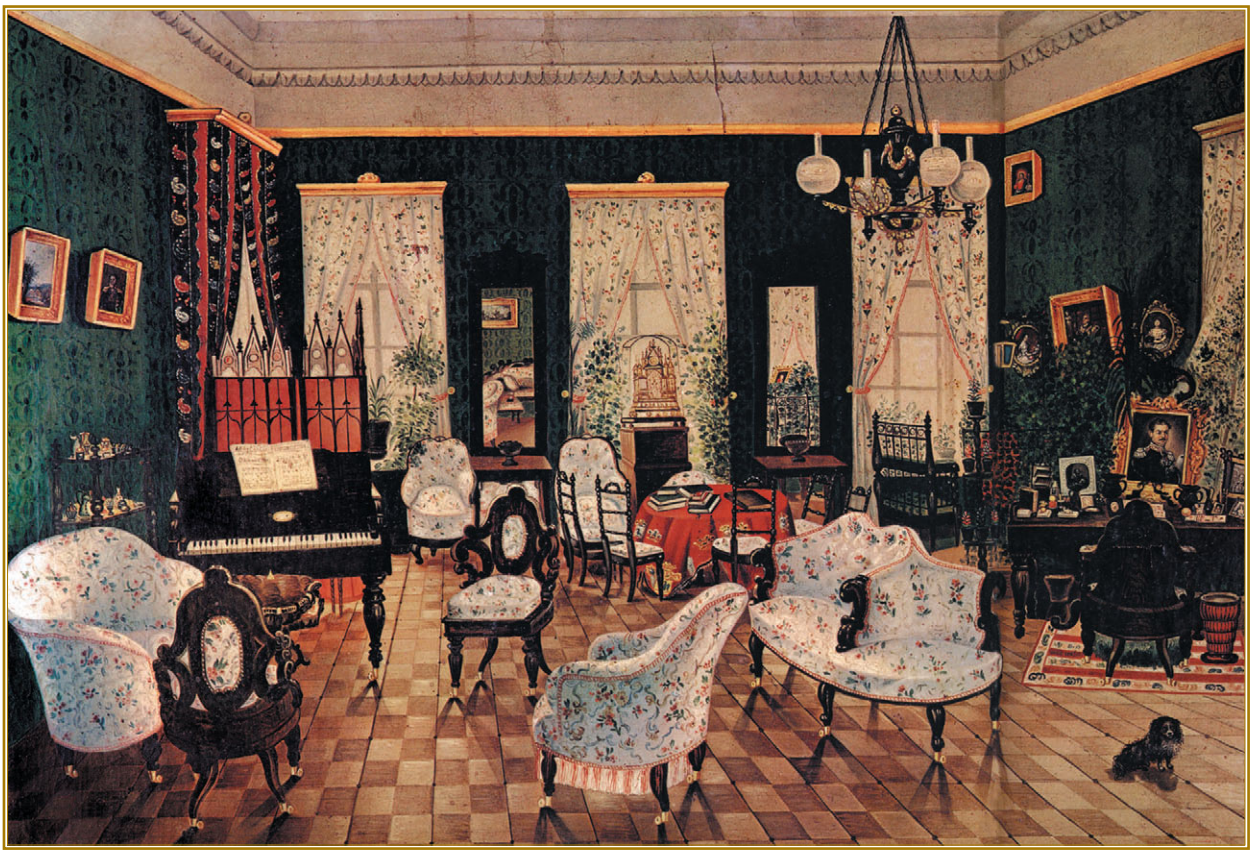
Что же касается оставшихся картин, то их очень немного. Даже в Шереметевских подмосковных их почти нет, вполне первоклассных картин нет даже в Архангельском — в лучших пригородных дворцах-имениях.

Из картин можно, однако, отметить недурного «Курильщика» Брауэра, «Портрет дожа» неизвестного венецианца XVI столетия и «Мла-

денца Иоанна» миланской школы в типе Луини (в Елизаветине В. Н. Охотникова), картину мастерской Рубенса (в Рябово В. П. Всеволожского), хорошего Кастильоне «Пастух с овцами» гр. Ротари и Паламедеса в Петровском под Москвой; три отличные [работы] Гюбера Робера в Богородицке Тульской губернии, картины в Казацком, в Яготине... Вот все немногое, что известно, хотя очевидно, [что] этот краткий перечень не касается десятой доли находящихся в имениях картин.

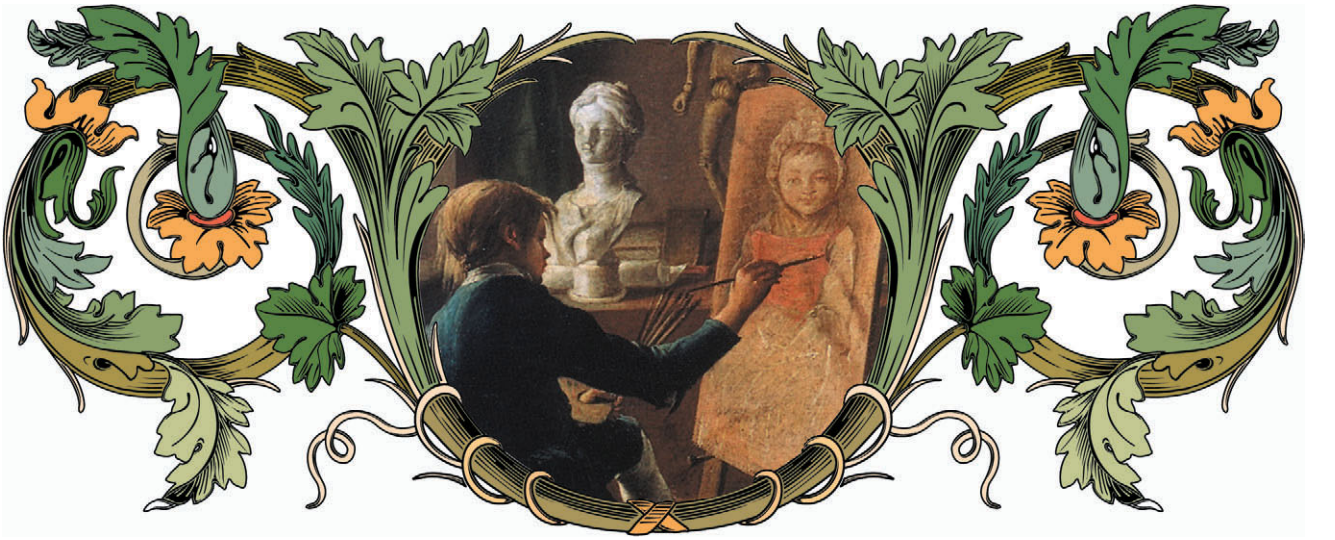
Но все же весьма характерно то незначительное количество хороших произведений, которое приходится на множество посредственных и явно скверных. Зато замечательны в русских усадьбах портреты предков. Даже при продаже почти всего убранства комнат иногда сохранялись в семьях изображения близких, и до сих пор можно найти почти во всех помещичьих семьях работы лучших русских портретистов. Великолепные портреты членов голицынской семьи находятся в подмосковных Дубровицах, в Больших Вяземах князя Д. Б. Голицына, в Петровском, в Андреевском Владимирской губернии у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, в Ивановском Курской губернии, в Яготине, в Гомеле у княгини И. И. Паскевич, в Покровском-Стрешнево. Лучшие русские мастера и иностранные художники во множестве писали прежних помещиков.

Грустно отметить, что очень часто в семьях даже не знают, кто тот или другой «дедушка» или «бабушка», висящая на стене, и путают не только художников, писавших их, но и самих изображенных. Но приятно, что хотя бы под чужим именем, но дошли до нас прежние люди в портретах старых мастеров.



Неизвестный художник.
Знаменское. Кабинет графа Д. А. Толстого. *1870—1880-е гг.*

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) — сенатор, министр народного просвещения, министр внутренних дел, обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (23 июня 1865 — 23 апреля 1880)



ИСКУССТВО КРЕПОСТНЫХ

Русский помещичий быт неразрывно связан с крепостной Россией. Своеобразная поэзия усадебной культуры — острая смесь утонченности европейцев и чисто азиатского деспотизма — была мыслима только в эпоху существования рабов. И год освобождения крестьян, естественно, должен считаться годом гибели крепостных традиций в истории русского искусства. Со свойственной русскому человеку сметливостью, под страхом смертельной порки, крепостные по приказанию барина мгновенно превращались в архитекторов, поэтов, живописцев, музыкантов и астрономов. Конечно, в этом превращении зачастую была огромная доля комизма, и «искусство по приказанию» было часто не только посредственно, но и прямо плохо. Но самое курьезное, что средний уровень художественных вкусов крепостной России был все же несравненно выше последующего «свободного» творчества.

Е. Ф. Крендовский.
Площадь провинциального города.
Начало 1850-х гг.

Л. К. Плахов.
Кучерская Академии художеств

Объясняется это именно тем, что в художники назначались люди из простой среды, а не «полуинтеллигенты», как это было после. Простой же русский крестьянин одарен от природы не только сметливостью, но и особым, совсем бессознательным, но неизменно верным пониманием красоты. Недаром же кустари, еще не испорченные городскими науками, создали подлинно прекрасные ремесла. Вторая причина — это наставники, руководившие начинающими художниками. Огромное количество иностранных живописцев и архитекторов, живших в России, разбрелось по бесчисленным поместьям и создало свой кадр подмастерьев, из которых многие со временем сделались настоящими художниками. Так, например, известно, что Кампорези был у Апраксиных «министр всех ольговских построек», а у графа Орлова в его подмосковной Отраде находился садовник Питерман, живший с 1780 года шесть лет в имении, и оба, несомненно, могли создать школу среди своих помощников-крепостных. Помещики старой России могли легко приводить в исполнение все свои часто чудаческие прихоти.

«У людей достаточных, и не то что особенно богатых, бывали свои музыканты и песенники, хотя понемногу, но все-таки человек по десяти».

У П. М. Римского-Корсакова «были свои мастеровые всякого рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое белье ткали дома, и, кроме того, были ткачи для полотна; был свой кондитер. В комнате людей было премножество, так что за каждым стулом, во время стола, стоял человек с тарелкой».

Эта свора крепостных служила не только дома, но и в дороге. Бурьянов, описывая русский быт 1830-х годов, пишет:

«В деревнях дворяне или помещики любят ездить в гости из одного села в другое, таща с собою в нескольких экипажах почти весь свой причт слуг и служанок, к которому в старину принадлежали непременно дураки и дуры, имевшие право делать с господами своими и с их гостями разные грубые шутки и говорить им всевозможные грубости, доставлявшие смех и веселье. Нынче (1839) у иных помещиков

Неизвестный художник первой половины XIX в.
Усадьба Семеновское-Отрада. *Фрагмент*

Крепостной оркестр из усадьбы Полотняный Завод.
Группа восковых фигур. Макет XVIII в.

Усадьба Полотняный Завод, расположенная на реке Суходрев неподалеку от Калуги,— в прошлом родовое имение семейства Гончаровых. Своему названию усадьба обязана возникшему здесь в начале XVIII века полотняному заводу

еще водится держать этого рода шутов, которых они возят с собою повсюду вместе с любимою моською. Приехав к соседу, помещики-путешественники находят несколько комнат для себя и изобильный стол: весь дом бывает к их услугам; это остатки патриархальной и вместе гостеприимной жизни доброй старины, которая еще не совсем вывелась из наших нравов. У помещиков прислуга бывает большею частью многочисленная и хорошо одетая, то есть довольно великолепно, но, к сожалению, довольно и неопрятно: нередко пальцы слуги проглядывают сквозь лакированные сапоги, а локти — сквозь рукава золотом обшитой ливреи».

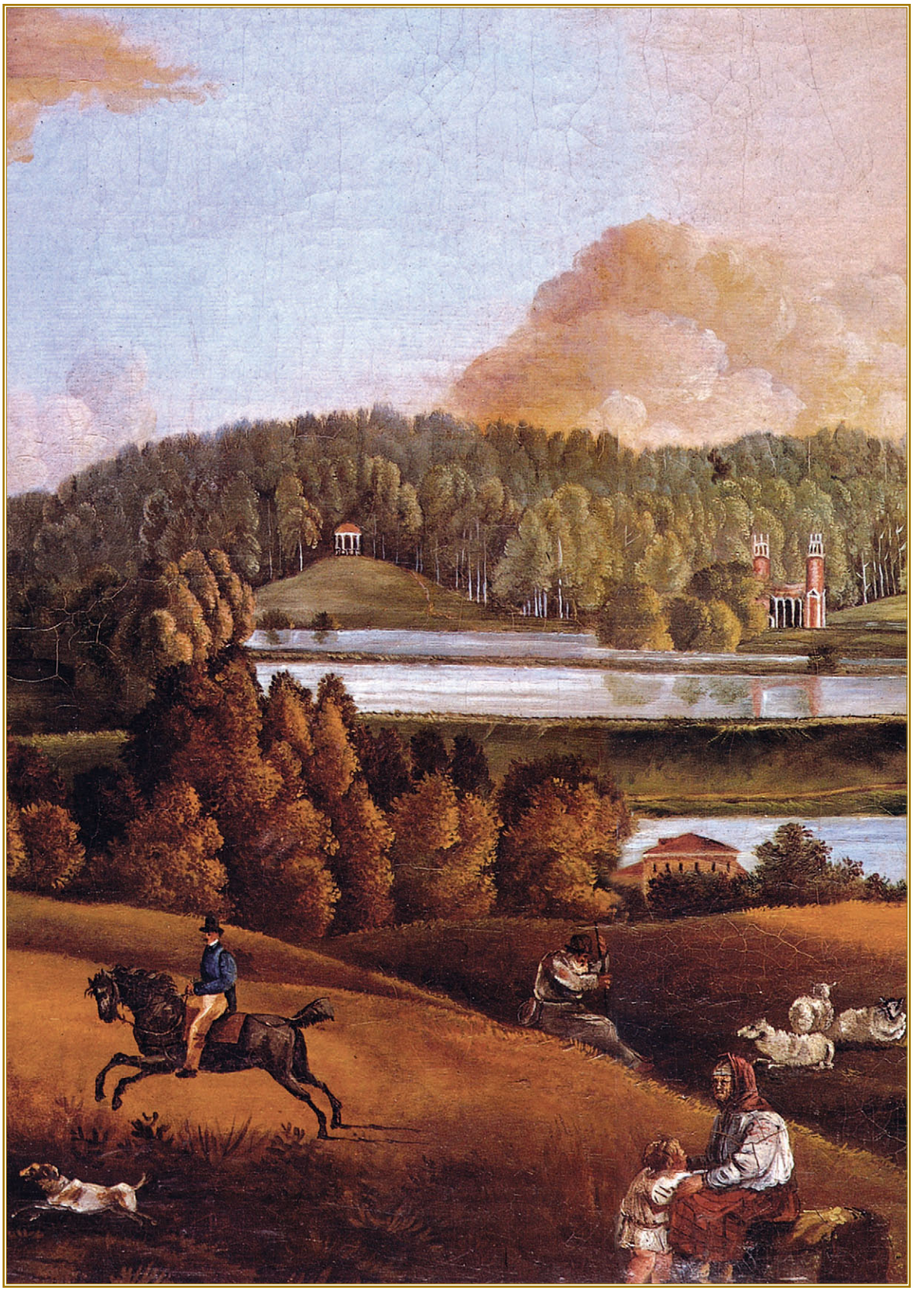
Но не только для забавы служили слуги своим господам. Наряду с шутами и дурами, у всякого богатого помещика был огромный штат людей, обучавшихся живописи, музыке, драматическому искусству. У графа Орлова в Отраде «полезные ремесла были нередко соединяемы с приятными искусствами в одних и тех же лицах: иной, работавший в столярной утром, являлся вечером актером на театре. Музыка играла во время стола, а по субботам, вечером, давались инструментальные и вокальные концерты.

В Отраде, однако, высшие должности не ограничивались музыкою. Между дворовыми людьми находились и архитектор, и живописец... был человек, особо приученный поджидать в определенном часу появления на небе звезды или планеты и о том докладывать; были и доморощенные поэты; наконец, было лицо, исправлявшее должность богослова».

В своих «Записках» Виже-Лебрен говорит:

«Русские проворны и сметливы и оттого изучивают всякое ремесло на удивление скоро; а многие своими силами успешно постигают различные искусства. Однажды я повстречалась с крепостным архитектором графа Строганова. Этот юноша отличался таким талантом, что был представлен графом императору Павлу. Император, ознакомившись с проектами юноши, включил его в число своих архитекторов и повелел руководить постройкой театрального зала по одному из виденных. Завершенного труда я не видела, но говорили, что зал получился очень красив. Что касается меня, то я была не столь удачлива, как граф, работая с художниками-крепостными. Я осталась без помощника — мой находился в Вене,— и граф Строганов предоставил в мое распоряжение одного из крепостных; этот умелец, рассказывал граф, хорошо следил за чистотой палитры и умел приводить в порядок кисти его дочери, любившей забавляться рисованием.

Юноша помогал мне две недели, чем очень облегчил мне труд, и граф по моему настоянию отпустил его для занятий с учениками Акаде-



Неизвестный художник первой половины XIX в.
Усадьба Семеновское-Отрада. *Фрагмент*

Н. В. Неврев.
Торг. Сцена из крепостного быта. Из недавнего прошлого. *1866 г.*

мии, откуда тот писал мне письма презанятного содержания. Уступая моей просьбе, граф говорил: [«Будьте уверены, очень скоро он захочет ко мне вернуться»]. И вот я дарю юноше 20 рублей, граф — тоже небольшую сумму денег, молодой человек бежит покупать форменную одежду, какую положено носить ученику отделения живописи, посещает меня с видом триумфатора. Однако спустя два месяца показывает мне нарисованный им семейный портрет, который настолько дурен, что лучше б я его не видела, да и заплачено за портрет так мало, что бедняга, залезший в долги, лишился 8 рублей своих денег. Так что, как граф и предполагал, надежды юноши не оправдались, и он отказался от обманувшей его свободы» (*перевод с фр.*).

Умение русского человека быстро схватывать всякую мысль и ремесло единогласно отмечается всеми заезжими иностранцами. Фабр, живший в России, так характеризует русского простолюдина: «Русский народ одарен редкою смышленостью и необыкновенною способностью все перенимать. Языки иностранные, обращение, искусства, художества и ремесла — он все схватывает со страшною скоростью.

Мне нужен был слуга, я взял молодого крестьянского парня лет семнадцати и велел домашним людям снять с него армяк и одеть в ливрею. Его звали Федотом. Признаюсь, будь мне нужен секретарь, метрдотель, повар, рейткнехт, я бы все из него, кажется, сделал — такой он был ловкий и на все способный.

На другой день уж я не мог узнать его; он пришел ко мне в комнату в чисто вычищенных сапогах, с белым галстухом на шее, в казакине и с головою, очень тщательно завитою и причесанною. Он подал мне чай с видом несколько озабоченным, но спустя неделю он делал это уже с ловкостью, стараясь подражать камердинерам того знатного дома, где я жил. Этого

В. Е. Маковский.
Наем прислуги. *1891 г.*

мало: он мастер на все; я заставал его вяжущим чулки, починяющим башмаки, делающим корзиночки и щетки; и раз как-то я нашел его занимающимся деланием балалайки из куска дерева при помощи лишь простого ножа. Он бывал при нужде моим столяром, слесарем, портным, шорником. Нет народа, который бы с большею легкостью схватывал все оттенки и который бы лучше умел их себе присваивать. Барин наудачу отбирает несколько крепостных мальчиков для разных ремесел: этот должен быть сапожником, тот — маляром, третий — часовщиком, четвертый — музыкантом. Весной я видел сорок мужиков, присланных в Петербург для того, чтобы из них составить оркестр роговой музыки. В сентябре же месяце мои деревенские пентюхи превратились в очень ловких парней, одетых в зеленые егерские спенсеры и исполнявших музыкальные пьесы Моцарта и Плейля. По разным частям у нас есть несколько имен, снискавших себе знаменитость и известность повсеместную. К числу этих людей принадлежат: Семенов, славный скрипач; Захаров, резчик необыкновенный; Курбатов, которого ружья равняются с отличнейшими французскими и немецкими; Чурсинов прославился деланием отличных клеенчатых ковров и вощанок, помогающих в простудных болезнях; Мурзин, сибирский живописец, пишущий отменно хорошо и схоже портреты; Батов, скрипки которого заслужили похвалы знаменитого скрипача Липинского, который удивляет своею игрою всю Европу, и пр. и пр.».

Как же относились помещики к своим крепостным, украшавшим с таким искусством их усадьбы и услаждавшим их деревенское ничегонеделание? Многие любили своих людей и заботились о них, но случались и обратные явления — полного пренебрежения и злого безразличия к этим часто весьма талантливым дворовым.

Помещик просто приказывал: начертить план, вылепить статую, написать картину, композировать музыку, и, если почему-либо ему не нравилось выполнение его затей, крепостной художник наказывался тут же розгами.

У М. Н. Неклюдовой в Орловской губернии были швеи, «и она заставляла их вышивать на пяльцах, а чтобы девки не дремали вечером и чтобы кровь не приливала им к голове, она придумала очень жестокое средство — привязывала им шпанские мухи к шее, а чтобы девки не бегали, посадит их за пяльцы у себя в зале и косами их привяжет к стульям,— сиди, работай и не смей с места вставать». Или вот другой пример: наблюдал за постройкой дома графа Владимира Орлова в имении Отрада Московской губернии некий Бабкин, но так как граф был им недоволен, то в домовом приказе его от 1796 году читаем: «Высечь Бабкина за то, что он, несмотря на запрещение, снял кружала из-под свода и вторично уронил свод в кузнице».

Аракчеев, имевший в Грузине отличного крепостного архитектора, «профессора Академии» Семенова, сек его за малейшую неисправность.

«По рассказу калужской помещицы, очень образованной женщины К. И. Карцовой, один

В. А. Тропинин.
Кружевница. *1823 г.*

художник, находившийся в таком положении, повесился в саду. Другой, по рассказу академика живописи Андрея Акимовича Сухих, бывший ему товарищем по Академии, утопился в господском пруду. Этот несчастный, с истинным призванием к искусству, за непокорность своему господину вынужден был красить полы, крыши и, наконец, пасти свиней. Хорош переход из академических зал, наполненных высокими художественными образцами!» Если и не все помещики так обращались со своими крепостными художниками, то все же жизнь последних была нелегкой.

Их заставляли и писать картины, и работать в кухне или у стола, и учить своему искусству дочерей, сыновей, племянников и племянниц хозяйки.

Известный Василий Андреевич Тропинин, находившийся крепостным у графа Моркова, «был в то же время и учителем рисования пятерых дочерей и сыновей своего господина и дочери гувернантки. Оригиналы должен был Василий Андреевич добывать откуда хочет или рисовать их сам. Всего жалованья с женой и сыном он получал в год 36 рублей и харчевых 7 рублей ассигнациями».

В. А. Тропинин.
Девушка с горшком. *1850 г.*

Когда живописец не был более нужен для дома, его продавали вместе с попугаями, свиньями, лошадьми, моськами. Так, «у Дмитрия Александровича Янькова был весьма даровитый художник Озеров, отлично писавший иконы и картины. Впоследствии этого живописца Дмитрий Александрович продал с женой и дочерью Обольянинову по невступной его просьбе за 2000 рублей ассигнациями».

Такая цена за живописца, да еще с дочерью и женой, считалась по тому времени весьма хорошей.

Впрочем, некоторые владельцы художников более гуманно относились к ним и делали все возможное, чтобы облегчить их участь. Благодаря таким меценатам, как И. И. Шувалов, граф А. С. Строганов и графы Шереметевы, многие крепостные их кончили Академию художеств и сделались знаменитыми. Всем известен крепостной Строганова А. Н. Воронихин, строитель Казанского собора, Федор Аргунов, строивший у графа Шереметева в Кускове, Шибанов — крепостной Потемкина.

«У Е. П. Яньковой был также свой архитектор — брат камердинера ее мужа, Александр Михайлович Татаринов. Он строил не только хозяйственные постройки, но и церкви».

Крепостные архитекторы Аракчеева, Семенов и Минут, сделали также немало для украшения Грузина.

Еще более важную роль играли крепостные в тех декоративных работах, которые требуют, главным образом, природной сметливости и чувства красоты: в резьбе мебели, росписи стен орнаментами, вышивании. Великолепно резали по дереву шереметевские крестьяне, отличными художниками-столярами были крепостные князя Безбородко, убравшие мебелью своей работы весь его пышный московский дом. Виже-Лебрен, посетившая его, рассказывает:

Н. И. Аргунов.
Портрет крепостной балерины Т. В. Шлыковой.
1789 г.

Неизвестный художник.
Портрет крепостной актрисы П. И. Ковалевой в костюме Элианы, героини оперы Гретри «Самнитские браки». *1780-е гг.*

«К крепостным в его поместьях всегда относились с большой добротой и многих обучали различным ремеслам. Когда я побывала у него, мне было показано множество предметов мебели, изготовленных знаменитым мебельщиком Дагером; причем некоторые из них являлись копиями крепостных мастеров, но отличить их от оригинала было практически невозможно. Я не могу не сказать, что русские крестьяне — необычайно способный народ, они быстро схватывают и делают свое дело талантливо. Принц Линь (Ligne) писал: "Я встречал русских крестьян, которым их хозяева велят стать матросами, обувщиками, музыкантами, инженерами, художниками, актерами; видел тех, кто готов петь и танцевать в канаве, нырять в снег или грязь, не боясь ружей и пушек,— и каждый ловок, рачителен, почтителен и послушен!"» (*перевод с фр.*).

Л. К. Плахов.
Дворницкая Академии художеств. *1830-е гг.*

Отличные образцы мебели работы крепостных имеются в Полотняном Заводе Гончаровых. Это два круглых стола маркетри с подписью мастера: «П. Т. Олимпиев. 1839». Кроме резчиков и столяров, у всех помещиц были рукодельницы, так забавно работавшие шелками и бисером. Турки и турчанки с огромными трубками,

Сцена в парке.
Середина XVIII в. Шитье бисером и стеклярусом

какие-то фантастические воины с кривыми саблями, «храмы любви», воркующие голуби и собачки верности — вот персонажи, излюбленные вышивальщицами-крепостными. Отлично шили они и бисером — с нечеловеческим терпением — двухаршинные трубки, люстры, кошельки, чернильницы, аквариумы для рыб, туфли для господ, ошейники для собак и много всего нужного и ненужного. Крепостные девки работали не только сами, но обучали своему искусству и хозяек-барышень. В деревенском безделии такие занятия убивали массу времени, а папаши и мамаши были всегда рады бисерным туфлям для себя и ошейникам для любимых мосек.

В первой четверти XIX века барышни занимались вышиванием шелками и бисером, мозаи-

Помещица в кресле.
Середина XVIII в. Шитье бисером и стеклярусом

кой и рисованием. «Рисование по бархату было в большом употреблении,— говорит современница,— и английский бумажный бархат оттого очень вздорожал. Тогда рисовали по бархату экраны для каминов, ширмы, подушки для диванов, а у некоторых богатых людей, бывало, и всю мебель на целую комнату; делали рисованные мешки для платков, или ридикюли, которые стали употреблять после того, как вышли из моды карманы, потому что платья стали до того узить, что для карманов и места не было».

Очень богатые помещики содержали даже свои специальные мастерские и заводы для выделки материи.

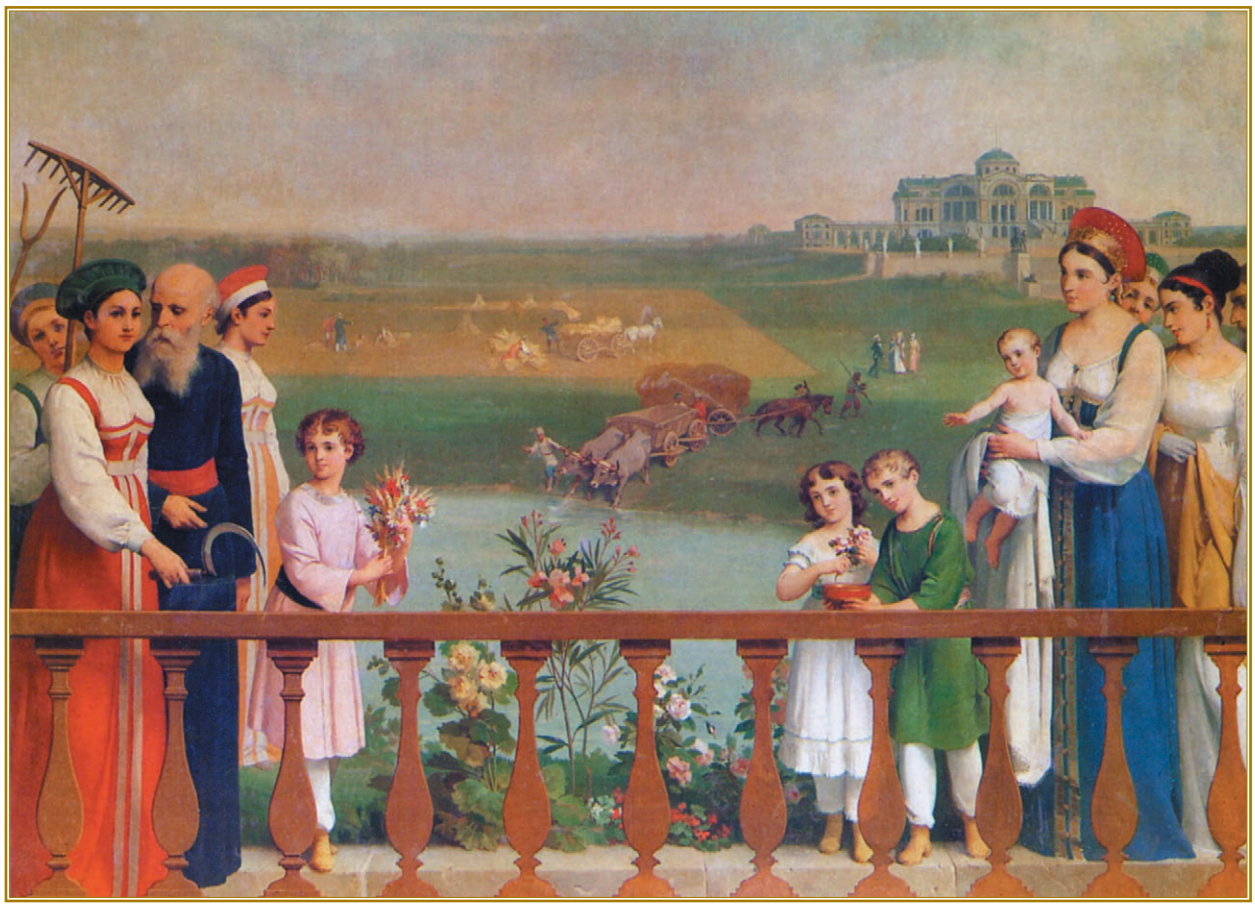
«На подмосковной фабрике Юсупова (Куннавна),— пишет мисс Вильмот,— производство

шалей и шелковых тканей прекрасной выделки доведено до великого совершенства, такие же образцы материи для мебели, нисколько не уступающие тем, которые мне случалось видеть в Лионе».

Живопись в истории крепостной России дала нам наиболее выдающиеся таланты. Портретное искусство было необходимой частью помещичьего быта — всякий хотел иметь изображение свое и близких. Эта настойчивая прихоть создала множество если и не всегда хороших художников, то весьма занимательных бытописателей. Кривые и косые, неуклюжие и неумелые портреты работы крепостных имеют для нас драгоценную прелесть подлинных документов. Это не льстивые оды в живописи, что писали любезники-иностранцы, это не парадные портреты, представляющие человека в его «приятнейшем виде». Бесхитростные изделия крепостных, почти кустарное творчество,— милое нам, как милы рисунки детей или наивные стихи в бабушкином альбоме.

Прошка или Федька писал этих бригадиров, городничих и накрахмаленных старух — нам нет дела. Искусство крепостных незначительно в каждом отдельном образце его, неинтересно как индивидуальное проявление творческого духа. Это соборное искусство, близкое к песням, вышивкам, кружевам, ко всему, что принято называть художественной промышленностью. И если нельзя признать работы крепостных за музейную или галерейную живопись, то все же это, несомненно, чисто декоративное искусство; декоративное, как вышивки с турками, как корявые квасники или лубочные картины. В комнате красного дерева, среди раскоряченных кресел и диванов-увальней, портреты кисти прошек, федек и гаврил выглядят очень кстати.

К тому же среди сотен анонимов или ничего не значащих имен встречаются заслуживающие большого внимания. Таковы Михаил Шибанов, крепостной Потемкина,— автор дивных портретов Екатерины II и ее фаворита Мамонова, известный В. А. Тропинин, крепостной гра-



Неизвестный крепостной художник.
Дворец в Марьино. *1816 г.*

И. И. Фирсов.
Юный живописец. *Между 1765 и 1768 гг.*

фа Моркова, двое Аргуновых, Иван и Николай,— крепостные Шереметевых, и некоторые другие. Все они начали с простых ремесленников и лишь потом выработались в крупных мастеров. Многие другие навсегда так и остались неизвестными, работая над украшением домов своих господ. Благово описывает расписанную крепостными усадьбу Римских-Корсаковых Боброво Калужской губернии:

«Все парадные комнаты были с панелями, а стены и потолки затянуты холстом и расписаны краской на клею. В зале нарисована на стенах охота, в гостиной — ландшафты, в кабинете тоже, в спальне стены были расписаны боскетом; еще где-то драпировкой или спущенным занавесом. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но, впрочем, очень недурно, а по тогдашним понятиям — даже и хорошо».

Ф. Славянский.
В комнатах у А. А. Семенского в Тверской губернии. *1840-е гг.*

Неизвестный художник.
Отражение в зеркале. *Вторая четверть XIX в.*

Целую школу крепостных живописцев подготовил в XIX веке А. В. Ступин, устроивший в Арзамасе Художественное училище, где обучалось множество учеников. В дошедших до нас списках воспитанников Ступина постоянно значится «крепостной», «отпущенный на волю», а иногда и более коварно: «обещана свобода». Некоторые из них достигли известности и были впоследствии освобождены от крепостной зависимости; другие, вероятно, навсегда остались в усадьбах писать помещиков и их дома. Из крепостных, бывших учениками ступинской школы, в истории русской живописи остались: Василий Раев — крепостной Кушелева, Кузьма Макаров, Зайцев — автор любопытных «Записок», Афанасий Надеждин (Степанов), основатель Художественной школы в Козлове. Правда, среди этих имен нет ни одного выдающегося в истории искусства, но, быть может, как это часто случается среди забытых, то и были самые занимательные. Ведь только редкий случай помогал крепостным получать отпускную, и часто тяжела была их жизнь.

Известный Василий Андреевич Тропинин (1776—1857) был также крепостным и лишь сорока семи лет от роду отпущен на волю. Тро-

В. А. Тропинин.
Автопортрет на фоне окна с видом на Кремль. *Около 1846 г.*

пинин «принадлежал сперва графу Антону Сергеевичу Миниху и жил в его селе Карпове Новгородской губернии. Отец Тропинина был управляющим графа». «Тропинин, не имея никаких руководств, доставал у школьных товарищей кое-какие лубочные картинки и с них копировал самоучкой; но вместе со страстью к искусству не замедлили явиться и препятствия: по выходе из школы Тропинин был взят в господский дом на побегушки; но и тут находил он время рисовать, с разрешения верховых девушек, которые за его кротость и услужливость несколько потворствовали его художнической страсти. Когда господа выезжали из дому, он срисовывал все, что находилось в их комнатах мало-мальски художественного.

Впоследствии Тропинин достался графу Ираклию Ивановичу Моркову, в приданое за дочерью Миниха, Натальей Антоновной. Граф Морков не был ни знатоком, ни любителем живописи и потому смотрел равнодушно на проявлявшееся в мальчике дарование. Отец просил графа отдать его в ученье к живописцу, но получил в ответ: „Толку не будет",— и Тропинин был

И. М. Прянишников.
В мастерской художника. *1890 г.*

отдан в дом графа Завадовского, в Петербург, в ученье к кондитеру». Здесь обучался он до 1804 года «конфектному мастерству». Вернувшись в деревню к своему барину, «он, соученик Кипренского и Варнека, вынуждаем был нередко красить колодцы, стены, каретные колеса.

В 1815 году Василий Андреевич написал большую семейную картину, также для своего господина. В то время, когда эта картина писалась, графа посетил какой-то ученый француз, которому предложено было от хозяина взглянуть на труд художника. Войдя в мастерскую Тропинина, бывшую во втором этаже барского дома, француз, пораженный работою живописца, много хвалил его и одобрительно пожимал ему руку. Когда в тот же день граф с семейством садился за обеденный стол, к которому приглашен был и француз, в многочисленной прислуге явился из передней наряженный парадно Тропинин. Живой француз, увидев вошедшего художника, схватил порожний стул и принялся усаживать на него Тропинина за графский стол. Граф и его семейство этим поступком иностранца были совершенно сконфужены, как и сам художник-слуга. Вечером того же дня граф Морков обратился к своему живописцу:

— Послушай, Василий Андреевич, твое место, когда мы кушаем, может занять кто-нибудь другой».

Однако Тропинину все же посчастливилось, и он в 1823 году — хотя уже сорока семи лет — получил отпускную. Трагичнее была судьба другого художника — Александра Полякова, дворового человека помещика Корнилова.

«Поляков, по рассказу академика живописи Егора Яковлевича Васильева, был учеником отца академика, Якова Андреевича Васильева, который, понадеясь на данное слово помещика

М. И. Лебедев.
Васильково. Имение инспектора Академии художеств А. И. Крутова. *1833 г.*

На холсте представлена во всех подробностях усадьба Сахаровых-Крутовых: мельница, господский дом с башенкой, хозяйственные постройки, «увеселения» на «спуске с горы на луговое место». Вдали видна колокольня только что возведенного храма, в лодке на реке художник изобразил себя и детей Крутова. Из всех построек сохранилась плотина мельницы и церковь, поэтому только благодаря таланту пейзажиста мы сможем представить себе усадьбу полтора столетия назад

относительно будущей участи мальчика, с особенною заботливостью занимался художественным образованием его, так что Поляков, показав замечательные успехи, получил академические медали, ознакомился с образованным обществом, писал портреты в петербургских лучших домах и получал за них в то время по 400 рублей ассигнациями». В 1822 году Поляков отдан своим владельцем «на выучку» к Доу, который был занят портретами генералов для Галереи 1812 года. «Поляков так перенял его манеру, что некоторые портреты его работы сходили за повторение самого Доу. Рассказывают, что Доу просто подписывал своим именем портреты,

В. Е. Раев.
Вид пруда, церкви и дворца в подмосковной усадьбе графов Шереметевых Останкино при утреннем освещении. *1858 г.*

В 1743 году деревня Осташково была отдана в приданое дочери князя Черкасского Варваре, вышедшей замуж за сына графа Шереметева, сподвижника Петра I. Таким, Останкино перешло во владение графов Шереметевых

написанные Поляковым, и что будто бы по этому поводу в комитете Общества поощрения художников даже был составлен доклад о его предосудительных действиях. Очевидцы рассказывают, что Поляковым был написан в шесть часов поясной эскиз портрета Мордвинова «Но вдруг барин потребовал к себе Полякова навсегда. Добрейший, доверчивый, но обманутый помещиком, Яков Андреевич Васильев пришел в негодование... наконец подал по этому случаю прошение в Академический совет; но в собрании Совета могли лишь постановить правилом для всех членов Академии не принимать впредь в ученики людей крепостного звания». И даже Оленин, президент Академии, находил ненужным заботиться об этого рода людях, ибо «из крепостных ни один не остался порядочным человеком».

«Поляков, по настойчивому приказанию своего господина, сопровождал его на запятках кареты по Петербургу, и ему случалось выкидывать подножки экипажа перед теми домами, в которых произведения его, красуясь в богатых раззолоченных рамах на стенах, составляли утешение и радость семейств и где сам он прежде пользовался почетом как даровитый художник. Поляков вскоре спился с кругу и пропал без вести».

Впрочем, как писал Поляков, я не знаю, так как ни разу мне не пришлось видеть его вполне достоверных работ.

Также загадкой остался Григорий Озеров, крепостной Дмитрия Александровича Янькова, расписавший иконостас для его церкви в Боброве Калужской губернии. «Озеров был из дво-

А. Г. Венецианов.
Утро помещицы. *1823 г.*

ровых людей и с детства имел способность к рисованию. Видя это, Дмитрий Александрович отдал его куда-то учиться, а после того заставлял много копировать и так доучил его дома. И хотя этот крепостной художник и не был особенно талантлив, но умел отлично копировать».

Однажды Озеров так искусно скопировал четыре картины «Кочующие цыгане», что никто не мог отличить оригиналов от копий. «Но все, что Григорий писал из своей головы, никуда не годилось, выходило аляповато и нескладно, а лица какие-то криворотые, фигуры долговязые и пренеуклюжие». Неизвестно также, как писал Иван Зайцев, крепостной Ранцева, а также его отец, о котором Зайцев рассказывает: «Отец мой был хороший живописец; он,

по фантазии своих господ, выполнял их приказания: красил полы, комнаты, расписывал потолки, писал портреты, целые иконостасы и даже такие картины, которые не дозволяется смотреть открыто; эти картины были слишком гадки и неприличны. Отец скрывал их в одном чулане под замком; но для нас, детей, то-то и интересно, что запрещается, и я ухитрялся поглазеть на них и до сих пор еще помню всех этих бахусов, вакханок и силенов».

Отличным живописцем был Федор Андреевич Тулов, крепостной графа Бенкендорфа, «живший в Пропойске и занимавшийся астрономией». Прекрасно нарисован, ярко и выпукло написан им портрет семьи Шаховских, где в трогательном единении изображены четырнадцать членов семьи: старики, молодые и дети. Этот портрет, по своей меткой характеристике и приятной темной гамме красок,— отличный образец крепостного искусства. Значительно хуже, и даже совсем плохи, но чрезвычайно курьезны, две работы крепостных Шереметева, находящиеся в Останкино. Это пребезобразные nature morte забавляли только тем, что они подписаны Григорием Тепловым и Трофимом Дьяковым, которые «строчили» эти картины. Несколько учеников-крепостных было и в школе Венецианова, и много отдельных сведений попадается в архивных делах и книгах, но жизнь почти всех этих художников, а также их работы нам неизвестны. Большею славой пользовались Аргуновы — отец и сын, Воронихин, но они, хотя и бывшие крепостные, но все же не представители «крепостной живописи». Культурное отношение к ним их владельцев и серьезная художественная школа, которую они прошли, заставляют считать их скорее воспитанниками помещиков, чем их подневольными слугами. Чудаческие затеи и самодурные выдумки доморощенных меценатов не оставили отпечатка на них. Но потому на их спокойном творчестве и не запечатлелась та азиатская дурь, что так пряно хороша на лубочных изделиях.

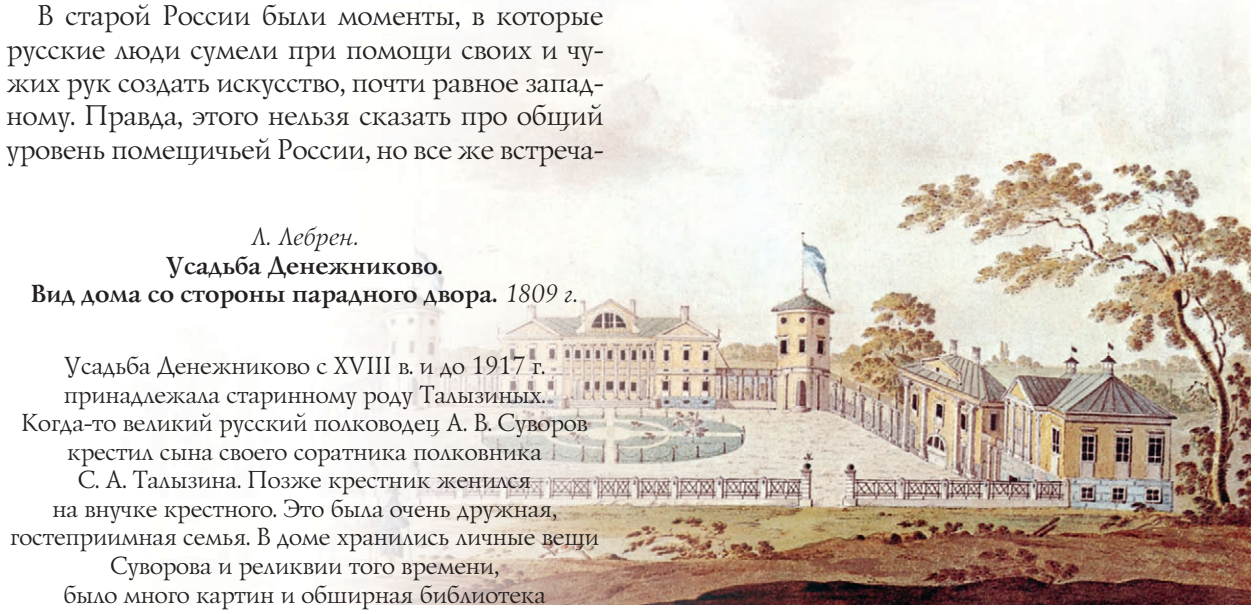
Образцы такой скорее курьезной, чем красивой живописи сохранились в Медном под Петербургом, в бывшем имении Саввы Яковлева. Кто автор этих в рост человеческий портретных фресок, где малашки и дуньки, федьки и ваньки представлены богами мифологии: кучер — Парисом, коровница — Еленой, босоногие девки — богинями? Несомненно, это крепостной. Лишь «домашний художник» по приказанию барина мог намалевать столь дикие, но все же не лишенные прелести живописные курьезы. Среди часто скучных, хотя и неплохих живописных работ русских академиков начала Александрова века, такие произведения говорят о несомненном даровании хотя и неумелого, но все же даровитого и чувствующего краску дикаря. Столяры и мебельщики, резчики, рукодельницы, маляры и крепостные живописцы,— может быть, придет время, и все станут любить вас, как полюбили деревенского кустаря или анонимных творцов народных песен!..

Ж. Э. Свебах. **Прогулка в парке**

В БЫЛОЕ ВРЕМЯ

При чтении старинных описаний России, составленных отечественными и заезжими путешественниками, ясно видишь, как высока была культура Екатерининского века и как страшно низко пали мы с тех пор.

В старой России были моменты, в которые русские люди сумели при помощи своих и чужих рук создать искусство, почти равное западному. Правда, этого нельзя сказать про общий уровень помещичьей России, но все же встречались исключения, которых теперь нет. И даже скептические иностранцы, называвшие в XVII веке и называющие теперь русских варварами, в XVIII столетии единогласно признавали умение этих дикарей до обмана притворяться куль-



Л. Лебрен.
Усадьба Денежниково.
Вид дома со стороны парадного двора. *1809 г.*

Усадьба Денежниково с XVIII в. и до 1917 г. принадлежала старинному роду Талызиных. Когда-то великий русский полководец А. В. Суворов крестил сына своего соратника полковника С. А. Талызина. Позже крестник женился на внучке крестного. Это была очень дружная, гостеприимная семья. В доме хранились личные вещи Суворова и реликвии того времени, было много картин и обширная библиотека

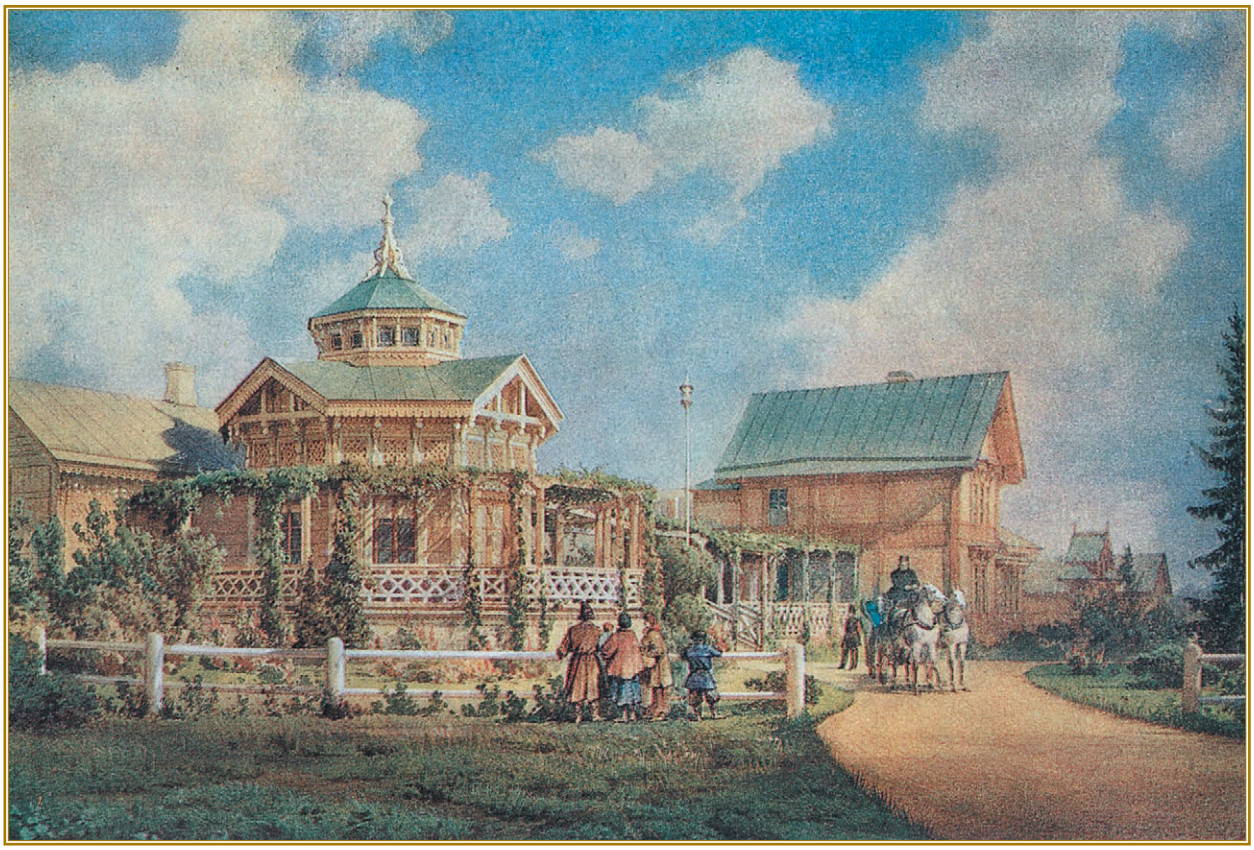
Неизвестный художник.
Екатерина II, путешествующая в своем государстве в 1787 г. *Конец XVIII в.*

турными. Эта игра в европейцев была так хороша, что даже с теперешним историческим оглядом она кажется нам почти действительной жизнью, а не бутафорской постановкой. Но и там, где видишь это театральное действо, любишь и ценишь его за его подлинную талантливость и самобытную красоту.

В устройстве помещичьих домов наиболее ярко выявились вкусы и мечты их обитателей. Действительно, эти дома, хотя и не имевшие исторических традиций, очень скоро становились родовыми гнездами, обживались и приобретали ласковый уют. Многие помещики, дабы не нарушать своего спокойного созерцания любимых предметов, строили почти одинаковые жилища, как в деревне, так и в городе. «У одного графа Толстого,— пишет Благово,— было два совершенно одинаковых дома: один — в Москве, другой — в деревне. Оба были отделаны совершенно одним манером: обои, мебель — словом, все как в одном, так и в другом. Это для того, чтобы при переезде из Москвы в деревню не чувствовать никакой перемены».

Эта любовь к привычной обстановке, а с другой стороны — тщеславие заставляли почти всех богатых людей строить в глуши своих деревень дома-дворцы, ничем не уступавшие городским. Огромный штат крепостных мастеров, руководимых иностранными художниками, позволял русским меценатам-самодурам воздвигать в деревне грандиозные сооружения. Так было не только возле обеих столиц, но и в глухой провинции.

Южная Россия со времен Разумовского и Румянцева стала центром художественных затей. Здесь Елизаветинские фавориты строили свои архитектурные громады, здесь при Екатерине были воздвигнуты Ляличи, и отсюда вышли два лучших русских художника — Левицкий и Боровиковский. В старинных книгах не раз встре-



Л. О. Премацци. **Усадьба.** *1885 г.*

чаются описания великолепных поместий и пригородных домов прежней России. Самые старые из этих построек находились вблизи Петербурга, где со времен Петра сосредоточилась придворная жизнь. Лучшие пригородные усадьбы принадлежали знатным иностранцам, которые были более избалованы, привыкли к роскоши за границей. Но и русские вельможи с чисто азиатской пышностью и великолепием украшали свои загородные жилища.

По гравюрам Махаева мы можем составить себе представление о фантастически-прекрасных дачах барона Вольфа или графини Бестужевой, урожденной графини Беттингер.

Дом последней находился вблизи города, на Крестовском острове. Столь же феерично-прекрасны были дачи Шувалова и Строганова на Петергофской дороге. Кем строились эти великолепные дворцы, сказать трудно. Но весьма вероятно, что авторами их являлись иностранцы, так как и городские дома поручались им. В царствование Екатерины Великой постройка дач сделалась всеобщей манией, которая продолжалась до 50-х годов XIX века.

Георги упоминает о ряде загородных дворцов, существовавших в 1794 году в окрестностях Петербурга. Близ Екатерингофа, на круглом лесистом острове, стояла усадьба Резвого «с знатными деревянными жилыми строениями».

«По Рижской, или Петергофской дороге находятся, начиная от градских ворот, по обеим сторонам дороги до Черной речки,— сады с деревянными и каменными жилыми и летними домами и между оными преимущественно бывший графа Строганова, ныне Императорский, сад у самых ворот по левой стороне дороги. Сад расположен по аглинскому вкусу, и в оном есть каменный жилой дом в 2 этажа, с большим бельведером. В прошедшее лето жительствовал в оном принц Курляндский».

«На Карельской стороне, близ Охты,— сад графа Безбородко и некоторые другие, так как и пониже, на Выборгской стороне и на правом берегу Невки, сады графа Строганова и графини Головкиной с их дворцами и павильонами.

В Охтинском уезде, между помещичьими мызами, есть в Парголово принадлежащий графу Шувалову и находящийся на Выборгской до-

роге, в 15 верстах от Санкт-Петербурга, сады преимущественные, как ради местоположения, так и ради искусственного расположения оных. В Мурино, российской деревне графа Воронцова, находящейся на правом берегу Охты, в восьми верстах выше охтинских пороховых заводов, есть знатные господские каменные жилые строения, прекрасный сад с валами и наипрекраснейшая каменная церковь». Тут же была и «Мория», имение барона Фредерикса.

На левом берегу Невы, при впадении Тосны, в 35 верстах от Петербурга находилась мыза Пелла.

«Пелла был прежде загородный дом тайного советника и сенатора Неплюева. Ее Императорское Величество купила оный в 1784 году и повелела под смотрением Старова и Козелова (sic!) начать строение Императорского увеселительного замка, богато и великолепно заложенного; оное уже довольно успело, прерывалось, однако же, войнами и в декабре месяце 1793 года еще не было совершено.

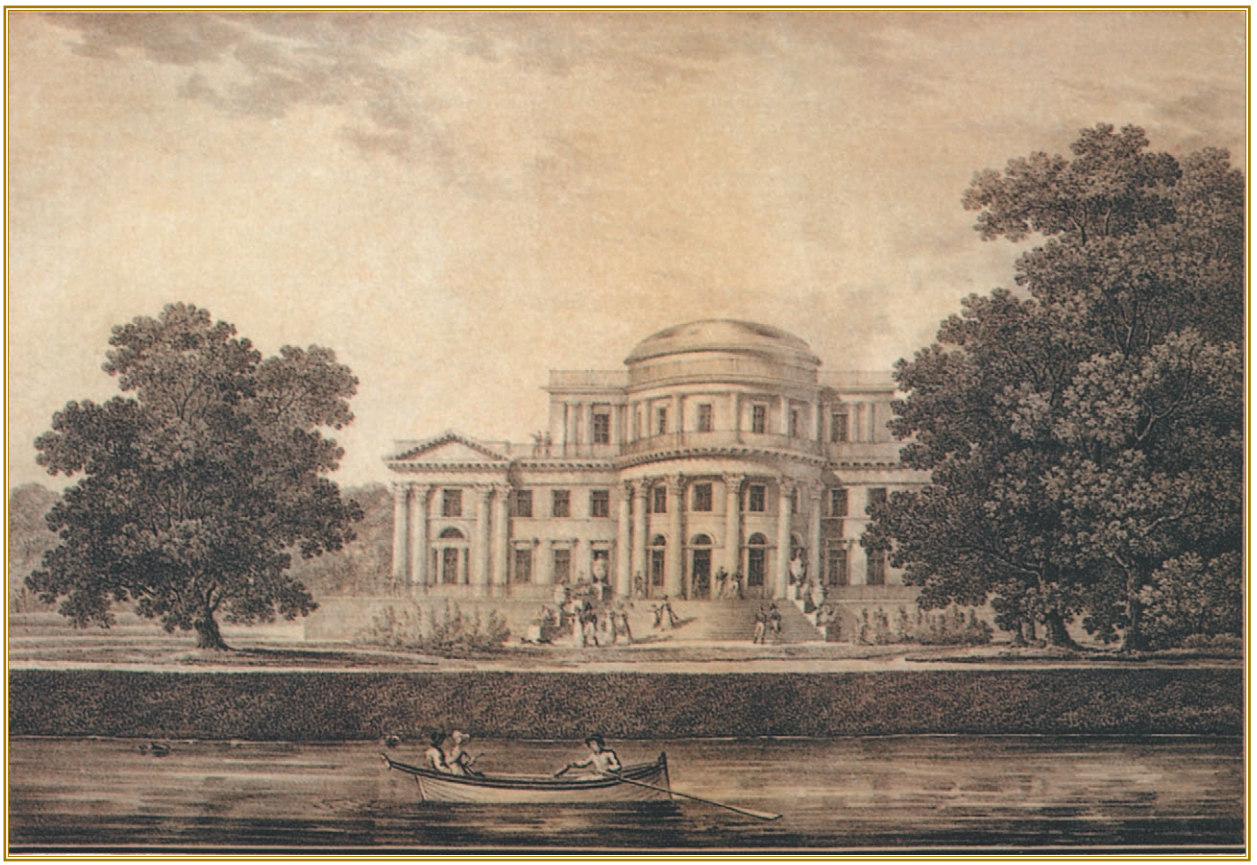
Пелла состоит из некоторого числа отдельно стоящих строений или павильонов различного виду, положения и величины, между коими отличаются пять, ради архитектурных своих украшений. Два из оных стоят у берегу, из коих одно определено для пребывания Ее Императорского Величества, а другое — для Императорского дому. Между оными стоит самое большое, или главное, строение. Оно имеет чрезвычайно великий зал, украшенный наподобие залов в римских банях и снабженный всеми потребностями для больших торжеств. Кухни, оранжереи, сараи, конюшни суть на весьма большом открытом, еще не разделенном месте. Разные из сих строений соединены аркадами, галереями или колоннадами таким образом, что они со стороны земли, с которой к оным приезжают, составляют нечто целое, содержащее в себе разные дворы и сады.

Дача графа А. С. Строганова.
Гравюра с картины А. Н. Воронихина

В 1794—1796 гг. Воронихин строит для графа А. С. Строганова в Новой Деревне дачу, обращенную главным фасадом к реке Большая Невка. Дача представляла собой большой загородный усадебный дом для парадных приемов, обедов и одновременно служила оформлением главного входа в парк, омываемый на большом участке Черной речкой

Последние еще не заложены, должны, однако же, быть расположены по аглинскому вкусу со многими картинными переменами».

Императрица очень любила Пеллу и часто туда ездила. В дневнике Храповицкого постоянно встречаются записи: «Поход в Пеллу к обеду»; «ездили в Пеллу для венчания Михаила Сергеевича Потемкина с Т. В. Энгельгардт»; «Приказано ехать в Пеллу, где был ночлег. Здание прекрасное, и сад не терпит колифише» (безделушка, украшение — *искаж. фр.*); 1789 год — «по собственным отметкам приказано, чтобы Гваренги сделал рисунки обелискам для Пеллы, на победы нынешней войны».



А. Х. Шух. **Вид Елагина дворца.** *1823 г.*

В Софийском уезде, на левом берегу Невы до реки Тосны, находились Озерки. «Когда покойный князь Потемкин Таврический получил Озерки, то построен был на одном из озерков великолепный увеселительный фрегат, в лесу — деревянный для балов дом. Дом для балов, подаренный князем, стоит ныне (1794) по Петергофской дороге». На 11-й версте находился знаменитый некогда Александровск — «место пребывания вдовствующей супруги покойного г-на генерал-прокурора и кавалера Александра Алексеевича Вяземского простирается на целую версту. С 1780 года сделаны в оном разные учреждения с изящным вкусом».

«Знатный, в 3 этажа вышины выстроенный господский дворец находился на левой стороне дороги, на левом берегу Невы. Перед дворцом есть сад замка со многими теплицами, оранжереею и пр., и подле оного находятся четыре для домоводства украшенные строения, из коих каждое маленькую башню имеет». Далее был затейливый, «весьма увеселяющий аглинский сад».

Чесменский замок слишком известен, чтобы говорить о нем подробно. Меньше сведений осталось об имениях Демидовых. «В стране вне Гатчинского уезда находятся разные достопамятные деревни. В Сиворицах, мызе г-на барона (sic!) Петра Григорьевича Демидова, и Тай-

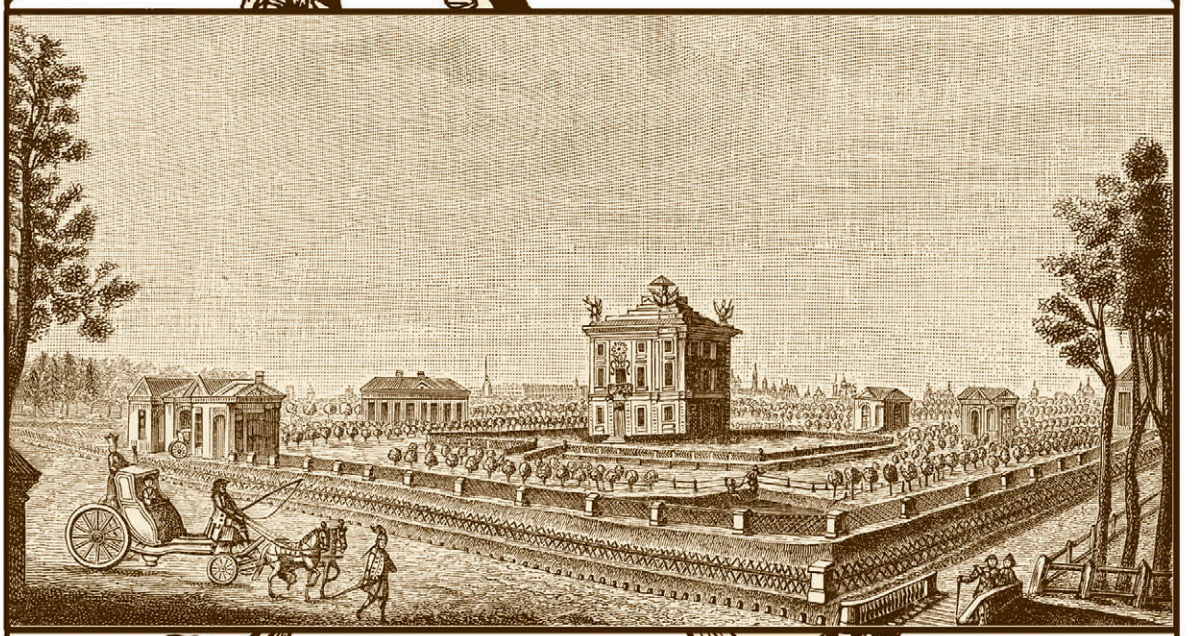
Г. Гульельми.
Апофеоз царствования Екатерины II.
Эскиз росписи плафона. 1767 г.

Этот блестящий эскиз к несостоявшейся росписи в Царскосельском Екатерининском дворце был в России проводником «расточительно-пышного» живописного стиля, который требовал от исполнителей многогранных умений в архитектуре, в портретописи и умения превращать всякий сюжет в эффектное живописное зрелище

цах г-на барона (sic!) Александра Григорьевича Демидова находятся знатные и со вкусом по начертанию г-на Старова выстроенные господские каменные дворы и превосходные увеселительные сады».

Дальше, близ деревень Екатерингоф, Аннингоф и Елизаветгоф, были опять пригородные имения. «Проехав несколько садов, простирающихся от Петергофской дороги до залива, находится у воды знатный каменный загородный дом с большим лесом и садом, принадлежащий князю Вяземскому; оный, однако же, не содержится в хорошем состоянии, и сад совсем одичал. Подалее находился деревянный загородный дом князя Трубецкого с принадлежащим к оному местом у берегу. Из оного соделали купцы сахарный завод».

В Ораниенбаумском уезде также было множество дач. «Сии мызы возведены мало-помалу по построении императорских увеселительных замков. Число загородных домов по сей большой дороге умножается еще беспрестанно; ибо достаточных особ, имеющих нужду по прошествии долговременной зимы воспользоваться летним воздухом, увеселениями и сельскими приятностями, здесь много, такожде и приписывается пребывание в летнем доме к изящному образу жизни».



Загородный дом графа А. С. Строганова. *Гравюра XIX в.*

«Где большая дорога идет через мост, из тесаного дикого камня через речку Черную сделанный, находится по левой стороне большой дороги бывший Чичерина загородный дом, принадлежащий ныне армянскому заводчику Маничару. Строения суть деревянные и так, как и сад, не содержатся в хорошем состоянии.

Бывший графа Скавронского, потом Воронцова загородный дом, принадлежащий ныне купцу Северину, простирается от правой стороны дороги до залива. Знатные деревянные строения и плодоносный и увеселительный сад содержатся в хорошем состоянии, и оный еще аглинским садом увеличен и украшен.

Дачи статской советницы Убри и купца Бетлинга на две версты, суть на две части разделенное место, каждая по правой стороне дороги на 500 сажен поперечнику, и простираются, так как и все следующие, от правой стороны дороги до залива. Обе имеют деревянные загородные домы и перед оными увеселительный и плодоносный сад... Бетлингова дача содержится в наилучшем состоянии, имеет покрытые аллеи с обсеченными деревьями, плющевые беседки, цветные грядки, плодоносные деревья, теплицы и огороды.

Дача содержателя пансиона Палмиера, по правой стороне дороги, имеет 100 сажен ширины, два деревянных загородных дома и расположена так, как обе прежде описанные.

Бывшая Соймонова, ныне Измайлова, дача по правой стороне дороги, на 3-й версте, недавно заложена. Перед знатным деревянным домом в 2 этажа и с бельведером находится у дороги знаменитый пруд с перевозом и позади дома — увеселительное место для прогулки, с каналами, дорожками, храмами, беседками

Дача княгини Е. Р. Дашковой «Кир и Анова».
Гравюра XIX в.

Княгиня Дашкова подробно описывает основание дачи в своих мемуарах:
«Между Петербургом и Красным Кабаком
на расстоянии 10 верст протянулись болота и густые леса. Кто-то посоветовал Петру III раздать эти земли.
Многие богатые вельможи осушили полученные участки, превратив их в прелестные дачи;
один из наделов был отдан некоему ораниенбаумскому голштинцу, который, испугавшись предстоящих расходов
и трудов, предоставил правительству отдать его любому желающему. Отец [Р. И. Воронцов] захотел,
чтобы я непременно взяла эту землю... он решительно настаивал на своем,
пообещав построить мне небольшой деревянный дом. Я подчинилась желанию отца...»

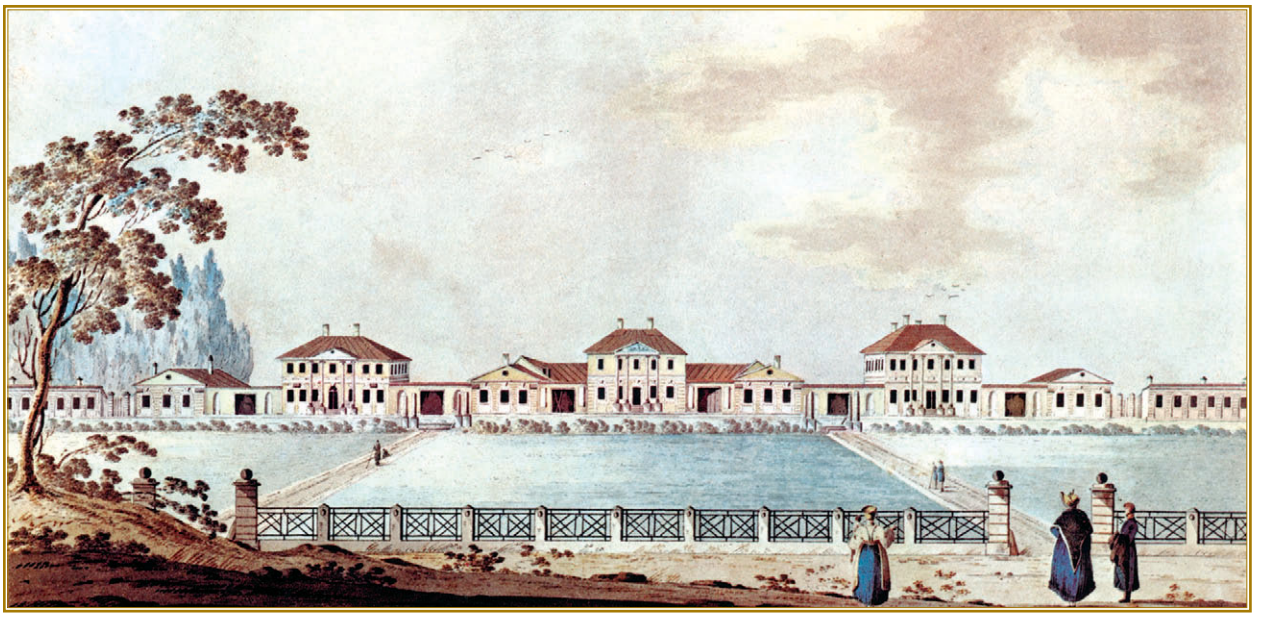
и пр., до залива простирающееся и имеющее также при оном два деревянных загородных дома.

Дача обер-шенка Ее Императорского Величества Александра Александровича Нарышкина, Красною Мызою называемая, на 4-й версте, имеет по левой стороне дороги деревянный летний дворец, окруженный деревнею, в голландском вкусе построенною, садом и аглинским лугом. Главный сад простирается по правой стороне дороги на 200 сажен, и от дороги до морского залива на 1 версту отстоящего. Оный состоит в увеселительном саду в аглинском вкусе, с широкими рвами и многими островками, холмиками, домом для балов, круглым храмом, разнообразными домиками и беседками, качелями и пр.

Каналы снабжены плотами и прекрасными гондолами, такожде находятся в оных пеликаны, лебеди, чужестранные утки.

Одна часть леса составляет небольшой зверинец для красных зверей. Многие в нечаянное удивление приводящие предметы суть причиною, что оный обыкновенно российским восклицательным названием “Ба! Ба!” именуется.

Дача княгини Екатерины Романовны Дашковой “Кир и Анова” подле “Ба! Ба!” простирается по большой дороге на 100 сажен и от оной до залива. Она была смешанный, болотный лес и приведена в нынешнее состояние самою княгинею без помощи архитектора или садовника как в заложении, так и в точном исполнении всех предприятий. Знатные каменные строе-



Э. Л. Виже-Лебрен.
Усадьба Денежниково. Вид служебных построек. *1809 г.*

ния составляют с флигелями открытый двор, до большой дороги простирающийся и при оной различными деревьями насажденный. Подле строений находится плодоносный сад с теплицами. Позади строений есть смешанный лес с знатным лугом, подле ручейка и знатных каналов, окружающих также небольшой остров с банею. В лесу идут прямые извилистые дорожки к морскому заливу, при котором находятся два каменных дома, и между обоими — главный вход.

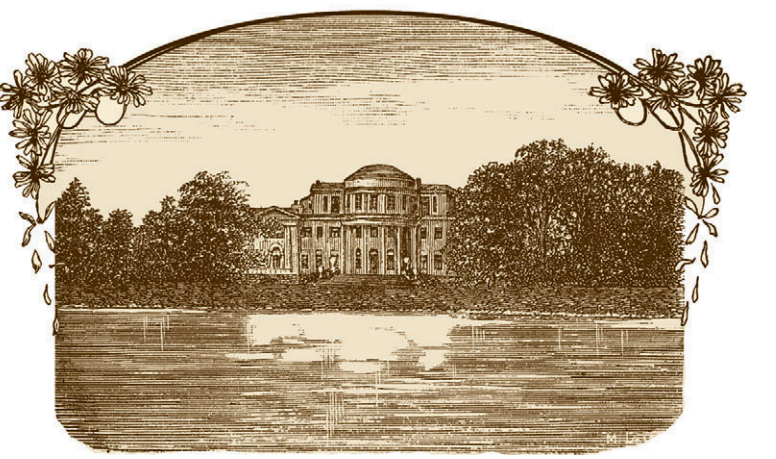
Бывшая Мордвинова дача, по правой стороне дороги, подле Дашковой, принадлежит ныне купцу Болину. Она имеет деревянный, в 2 этажа вышины выстроенный дом с бельведером, перед оным великие луга, с двумя небольшими загородными домами, и на стороне залива — место для прогулки».

Дальше, по направлению к Ораниенбауму, по большой Петергофской дороге находились: «Деревянный загородный дом наследников Марии Павловны Нарышкиной, по левой стороне дороги на возвышенной плоскости, принадлежал сперва императорскому лейб-медику Лестоку и, подобный оному, в близости находящийся, нарышкинскому дому.

“Левенталь” называется загородный дом и “Ага! Ага!” (российское восклицательное название) — сад обер-шталмейстера Ее Императорского Величества Льва Александровича На-

Дворец на Елагином острове.
Гравюра XIX в.

Дворец, названный Елагиным по имени своего первого владельца, сохранял это название при всех последующих хозяевах. Предполагается, что архитектором, построившим дом для И. П. Елагина, был Д. Кваренги. В начале XIX в. дворец был выкуплен Александром I для своей матери императрицы Марии Федоровны, которой было уже тяжело ездить в царские загородные резиденции Павловска и Гатчины



рышкина, на 6-й версте большой дороги. По левой стороне дороги находится, так как и в “Ба! Ба!”, знатный жилой дом в 2 этажа с садом, а по правой — главный сад, простирающийся до морского залива. Оный состоит в увеселительном лесу в аглинском вкусе, с прудом, храмом, великолепным китайским мандаринным двором, одним российским и одним голландским крестьянским двором, жилищем пустынника, беседками. Перед жилым домом находится столб, сооруженный в память императорского посещения. Сей увеселительный сад также беспрестанно открыт для публики.

Дача вице-канцлера графа Ивана Андреевича Остермана, на 7-й версте, принадлежала сперва графу Сиверсу, а потом князю Потемкину.

Она имеет по левой стороне дороги на скате возвышенной плоскости, у берега залива находящейся, каменный дворец в 2 этажа вышины, с четвероствороннею отсеченною башнею, снабженною бельведером и боевыми часами. Главное строение соединено с каждой стороны помощью колоннады с отделенным флигелем. Позади дворца есть большой плодоносный и увеселительный сад с теплицами, оранжереею, каналами, увеселительными домиками, беседками. Насупротив по другой стороне дороги есть боль-

ший аглинский сад, с каналами, прудом, гротами, водопадом, беседками.

Все до Стрельны следующие мызы находятся по левой стороне большой дороги, на возвышенной плоскости, кой скат у берега расположен для прогулок или употреблен на передние сады.

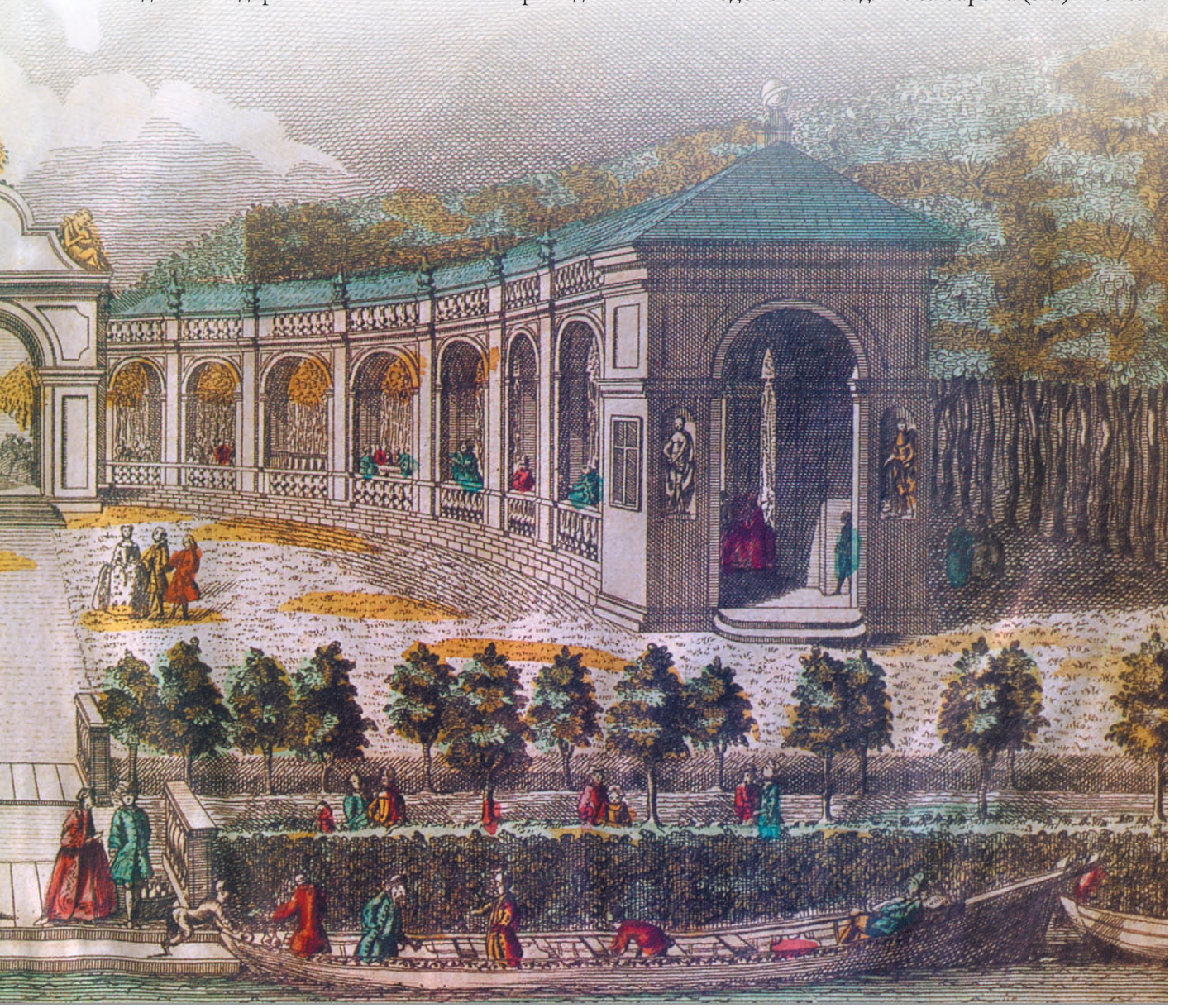
Бывший Чулкова загородный дом деревянный, имеет токмо малый сад и принадлежит купцу Бахерхорту.

Дача графа Панина, подле Воронцовой, принадлежала сперва вице-канцлеру графу Никите Ивановичу Панину, потом князю Мещерскому, а ныне графу Петру Ивановичу Панину. Жилой дом есть деревянный и состоит из трех зданий в один ряд, соединенных между собою колоннадами. Сад такой же, как выше описанный Остермановый.

Мыза графа Чернышева имеет каменный дворец и, кроме сего, во всем подобна Паниновой.

Деревня Лигово, принадлежавшая сперва князю Орлову, а ныне генерал-майору Буксгевдену, в одну версту от левой стороны дороги, имеет каменный господский дом с бельведером, садом и знатною водяною мельницею.

Бывший Олсуфьева загородный дом на 10-й версте есть деревянный и имеет попереди оного цветник и луг,— голландский великолепный и плодоносный сад. Мыза барона (sic!) Алексан-

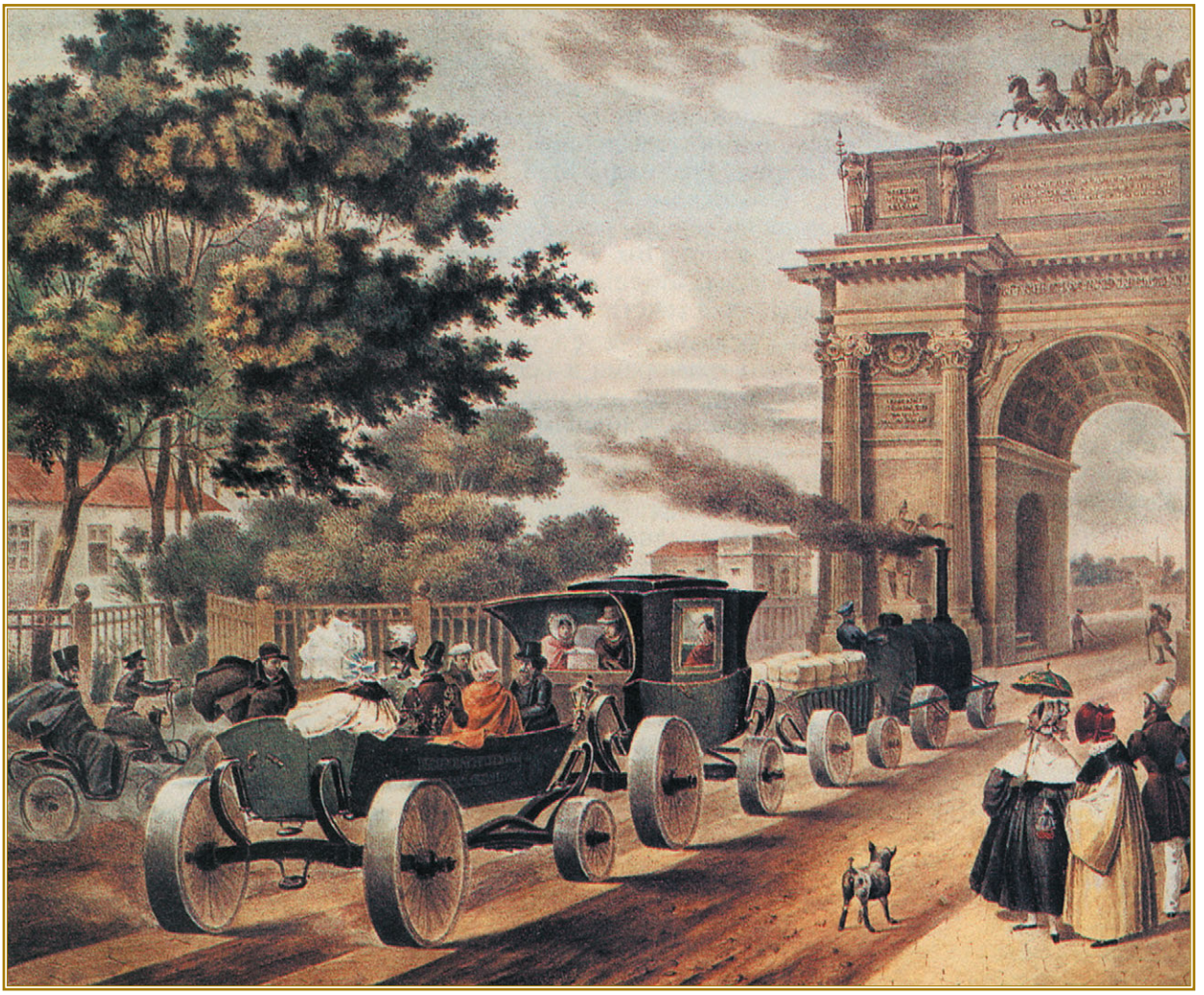


Амфитеатр для публичных гуляний на Каменном острове.
Расскрашенная гравюра, предназначенная для рассматривания в «Волшебном фонаре». Середина XVIII в.

дра Григорьевича Демидова, на 12-й версте, имеет каменный жилой дом с бельведером, попереди оного на низком берегу голландский сад и луга, а позади оного — смешанный лес с содержанными в оном красивыми зверьми.

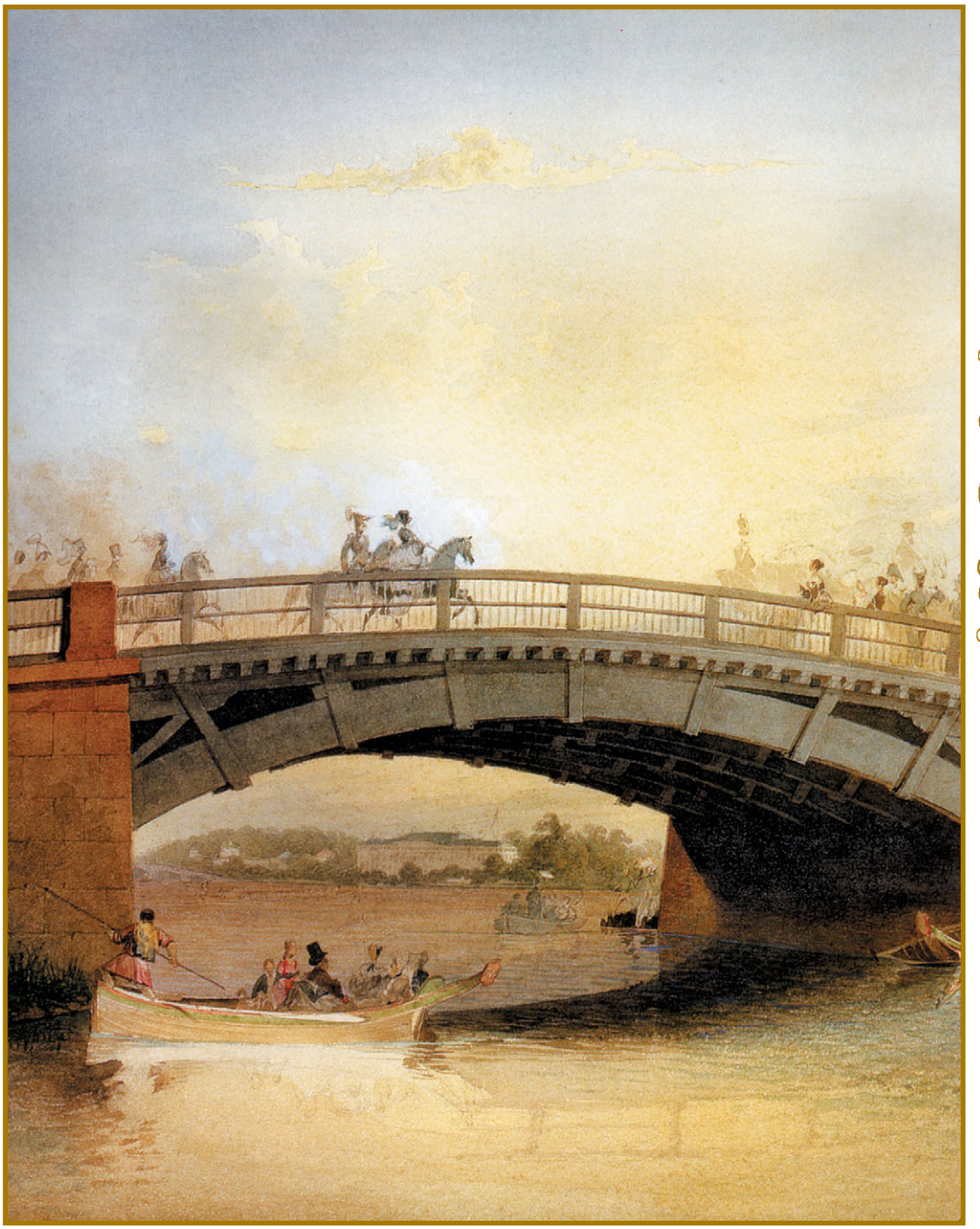
Загородный дом князя Репнина по левой стороне дороги, на 17-й версте, имеет аглинский сад и деревянные строения, совсем в китайском вкусе. Два китайских дома соединены между собою длинною покрытою колоннадою. Главное строение имеет множество малых комнат с китайскими обоями, картинами, коврами, стульями, постелями для отдохновения, фарфором, идолами, куклами. Меньший дом расположен для китайского домоводства, содержит кухню, печи, столовый прибор, людские покои. Я умалчиваю,— заканчивает Георги,— о многих, частию меньших, частию мне не столь известных и частию не в столь хорошем состоянии содержимых, загородных домах». Великолепны должны были быть эти пригородные места в Екатерининское время, и грустно подумать, как скоро исчезло все.

В царствование Александра I более модными местами стали острова — Елагин, Крестовский



И. Селезнев с оригинала Иванова.
Сухопутный пароход от Ораниенбаума до Санкт-Петербурга.
Раскрашенная литография. Начало XIX в.

В 1835 г. действительный статский советник В. П. Гурьев предложил заменить традиционных лошадей «сухопутными пароходами», буксирующими сразу несколько повозок, а в зимнее время — несколько саней. Проезжую часть он предлагал мостить «торцами» — цилиндрическими обрезками бревен, уложенными вертикально по ширине колеи «сухопутного парохода»



В. С. Садовников.
Санкт-Петербург. Каменноостровский мост. *1830-е гг.*

и Каменноостровский, особенно после постройки императором Елагинского дворца. В описаниях Петербурга все реже встречаются упоминания о дачах по Петергофской дороге и на Неве, все чаще отмечаются новые дома на островах. За какие-нибудь четверть века уже исчезло многое, что напоминало дивное Екатерининское время.

На берегу Невы в первой половине XIX столетия было еще множество дач, «из которых примечательнейшие — барона Фридерихса, Молчанова, Дурново. Последняя в особенности отличается прекрасным садом, домом и группами статуй. Подле нее старинный, как лес, сад и дача графа Кушелева-Безбородко. Сад чисто содержится и открыт для публики. В нем есть и излучистые дорожки, и каналы, и островки, и беседки, и мостики. В одном леску, в круглом древнем храме, где двенадцать столпов поддер-

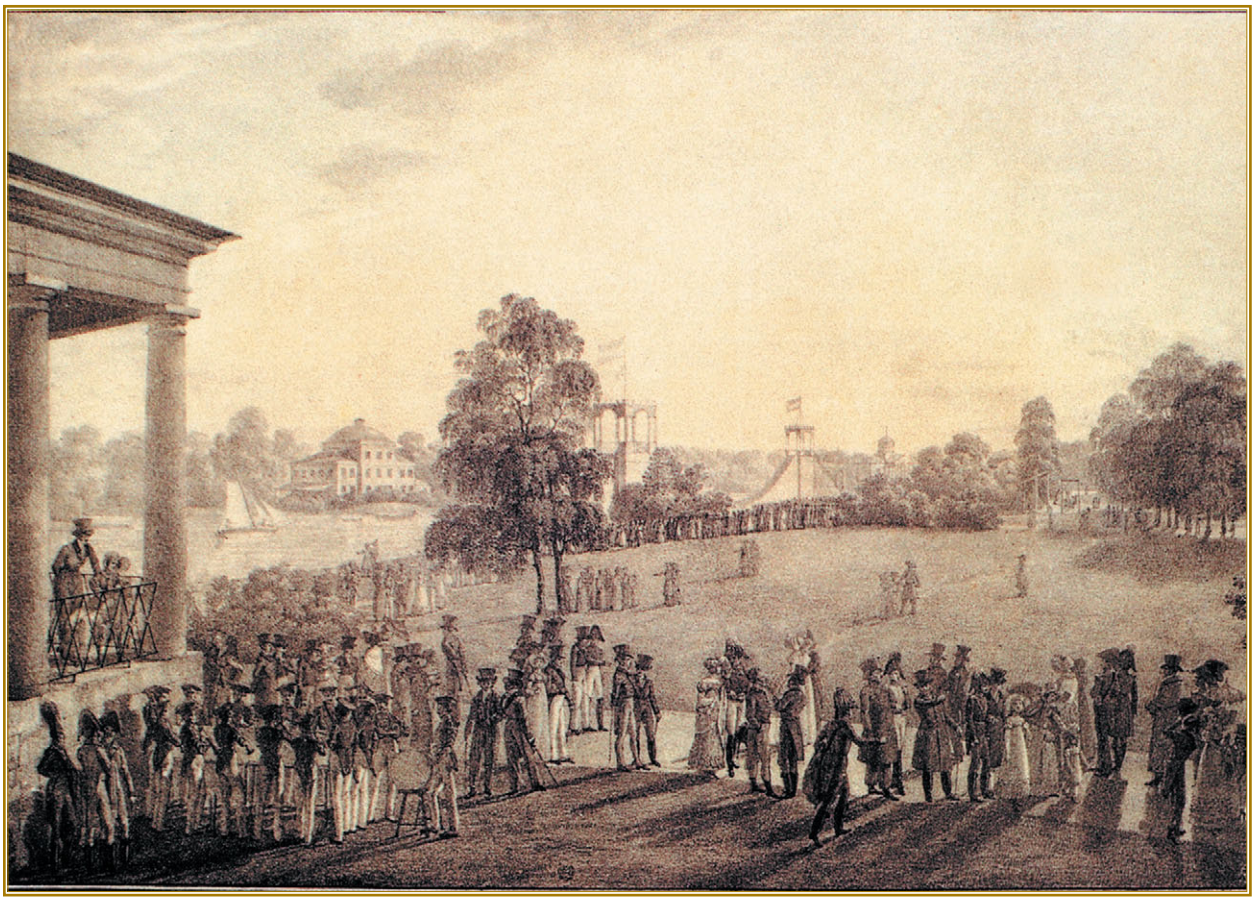
А. Е. Мартынов.
Каменноостровский дворец.
1821—1822 гг. Литография, раскрашенная акварелью

Вид на дворец с Выборгской стороны. Дворец строился в 1776—1801 гг. под наблюдением Ю. Фельтена (автор проекта неизвестен) и был закончен Дж. Кваренги в 1781 г.; в 1800-х гг. дворец был частично перестроен при участии В. Бренны. Изображенный слева вдали Каменноостровский мост — первый в Петербурге многопролетный деревянный мост (1811—1813, проект инженера А. Бетанкура)

живают купол, стоит на пьедестале бронзовая статуя Екатерины II в виде Цивеллы, держащей в правой руке пук колосьев и в левой — ключ. Эти чертоги и дачи созданы славным екатерининским вельможей, светлейшим князем Александром Андреевичем Безбородко. В саду есть высокие искусственные развалины в два этажа, похожие на обветшалый феодальный замок. Вы видите, что на них очень удобно можно всходить до самого верха; оттоле открывается прекрасный вид на Неву, на Смольный монастырь и на весь Петербург».

На Каменном острове новая изящная дача принца Ольденбургского, дача князя Долгорукова привлекает своим фасадом. Все здания дачи, расположенные по берегу Невы в прекрасной аллее из лип и акаций, пленяют своею, так сказать, прозрачностью и легкостью.

Все они деревянные. Вы видите домик готический, а подле него — голландский, беленький с зелеными ставнями; там — неаполитанская стеклянная галерея; тут — греческие колонны. Вот красивая русская изба, а рядом с нею китайская пагода. Всего не пересмотреть. Перед нами Строгановский мост, соединяющий Каменный остров с Выборгскою стороною. У самой дачи графини Строгановой необыкновенно пышный сад, до-



А. П. Брюллов.
Гуляние на Крестовском острове. *1822 г.*

В XVIII в. Крестовский остров принадлежал самым именитым дворянам — А. Д. Меншикову, Б. К. Миниху, А. М. Белосельскому-Белозерскому. В XIX в. остров стал одним из самых популярных мест народных гуляний, центром которых был Крестовский сад

стойный быть царским и открытый для гулянья. В саду темные гроты, светлые беседки, зеленые холмы, задумчивые руины, смелые мостики; всего же достопримечательнее древняя мраморная гробница, перевезенная в конце прошлого столетия из Греции».

А вот Крестовский остров. «У самого моста находится павильон княгини Белосельской, в саду, содержимом не очень старательно. Тут некогда были катальные горы и карусель, где на деревянных оседланных конях вертелась молодежь, вооруженная шпагами, на которые ловили кольца. Противоположный берег необыкновенно живописен: там дача графини Лаваль с прекрасным садом; рядом на берегу — красивая дача обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, где некогда гремела превосходная роговая музыка, удивлявшая иностранцев. Подле — величественная Зиновьевская дача, окруженная садом, в котором так много липовых и каштановых деревьев. Дача эта ныне принадлежит г-ну Кожину». О Нарышкинской даче на Крестовском граф В. Соллогуб рассказывает: «Летом Дмитрий Львович жил на Крестовском острове, и нас иногда возили к нему как к дедушке и моему крестному отцу. За столом служили целые тол-

пы раззолоченных арапов, блестящих егерей и разных официантов. В саду играла знаменитая роговая музыка, оркестр звучности очаровательной, но мыслимый только при крепостном праве. Он состоял из 40 медных инструментов разных объемов. Каждый инструмент издавал только один звук. Сорок звуков разнородных по трехоктавной лестнице с полутонами, как фортепьянные клавиши, допускали модуляции во всех тонах и духовые, как бы воздушные, гармонии. Такая живая шарманка с ее эоловыми дуновениями внушала восторг. Но какова же была участь музыканта, имевшего по расчету свистеть в неизменную дырку неизменную нотку. Рассказывают, что два члена этого диковинного оркестра попались в полицию. На вопрос, кто они такие, один отвечал: "Я нарышкинский "Ц"; другой отвечал: "Я нарышкинский "Фис"». Но и на Петергофской дороге в царствование Николая Павловича остались следы прошлого. Стояли еще дачи «Ага!» и «Ба! Ба!», принадлежавшие: первая — Льву, а вторая — обер-шенку Александру Нарышкину. «Обе имеют огромные сады,— пишет Бурьянов в 1838 году,— с широкими рвами, островами, холмиками, гротами, храминами, мостиками, руинами, беседками, качелями, прудами, ручейками и зверинцами, где некогда содержали зверей редких и драгоценных. Прежде сады эти были непременным местом воскресного гулянья публики петербургской; ныне же они посещаются большею частью особами, живущими на соседних дачах». Тут же была дача князя Щербатова, купленная в 1832 году и перестроенная; теперь

С. П. Шифляр.
Вид Смольного монастыря с Невы. *1821 г.*

Смольный монастырь — дворцово-монастырский ансамбль, разработанный зодчим Растрелли с исключительным великолепием и размахом. Монастырь, выстроенный по заказу Елизаветы, был расположен на излучине Невы. Вырисовываясь своим силуэтом, он был виден издалека при подъезде к Петербургу по реке, являясь своеобразным архитектурным преддверием столицы

Б. Суходольский (?).
Жанровая сцена. *Десюдепорт. Фрагмент*

Неизвестный художник.
Беседка в парке. *Начало XIX в.*

в ней помещается Больница Всех Скорбящих. Еще красивее была дача Мятлева «Новознаменское», где еще в 1889 году существовало все внутреннее убранство.

«Дача В. И. Мятлева,— говорит Пыляев,— сохраняет характер отдаленной старины; в старом большом каменном барском доме, построенном архитектором Растрелли (sic!), посейчас целы остатки искусства и мастерства времен давно минувших. Благодаря усилиям владельца усадьбы здесь сохранились от забвения бесчисленное множество вещей, которые без того давно затерялись бы. Большой сад на даче Мятлева посейчас сохраняет характер французских пышных парков, разбитых по планам Ленотра; вьются здесь излучистые дорожки, тянутся бесконечные перспективы, возвышаются на газонах площадки, где виднеются мраморные статуи, окруженные лабиринтом, составленным из фантастически перепутанных деревьев и кустов».

На Аптекарском была дача княгини Лопухиной, «живописно расположенная на берегу Невы и закрытая красивыми группами дерев с красивым домом».

На Каменноостровском проспекте в 1860-х годах славилась дача князя Вяземского, которая, как пишет современник, «отличается легкостью и оригинальностью постройки. Особенно замечательна воздушная пристройка в виде галереи с небольшою башенкою. Вся эта пристройка кажется кружевной и летом производит удивительное впечатление. Перед нею бьет небольшой фонтан».

В царствование Николая Павловича пользовались известностью еще пригородные дачи: Рябово, дача графини Самойловой близ Павловска,— постройка архитектора А. П. Брюллова, Осиновая Роща графа Левашова.

Но не только у Петербурга были великолепны пригородные имения. «Век Екатерины, пышный, роскошный, великолепный, оставил вокруг Москвы множество следов богатой аристократии ее времени. Невозможно исчислить всех так называемых подмосковных сел, достойных внимания».

Не говоря уже об Архангельском, Кускове и Останкине, под Москвой всю первую половину XIX века еще была в расцвете помещичья жизнь. По Владимирской дороге, на 16-й версте, стояли великолепные Горенки, где с 1816 года поселился бывший министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский. «В подмосковном великолепном своем имении, среди царской роскоши, заперся он один со своими растениями».

«Дом и английский сад графа прекрасны,— пишет современник,— богатства природы, собранные в теплицах и оранжереях, приводят в восторг: невольно изумляешься, как частный человек мог соединить в немногие годы столько сокровищ природы из всех стран света». «Этот знаменитый горенковский сад был устроен известным ботаником, профессором Стефани, в последние годы XVIII века. В 1839 году в Горенках уже находилась прядильная фабрика купца Волкова, но дивный дом и сад еще были не вполне разрушены». Павел Сумароков говорит: «Я отправился в Горенки, в прежде бывшую подмосковную графа Разумовского, где огромный дом, сад с прудами, оранжереями, беседками свидетельствует о роскошной жизни тогдашних бояр».

Вид усадьбы в окрестностях Москвы. *Середина XVIII в.*

Еще в 40-х годах XIX века с редкой заботливостью содержался дом в Кузьминках, помещик жил в нем и любил его. «Бояре перевелись,— пишет Павел Сумароков,— и остался из них только один почтенный, добродетельный князь Сергей Михайлович Голицын. Он проводит лето в семи верстах от города на даче «Мельница» (Кузьминки тоже).

Местоположение плоское, весьма обыкновенное, но искусство и полтора миллиона рублей превратили Кузьминки в прекраснейшую подмосковную. Князь пригласил меня туда на храмовый праздник 2 июля; кареты, коляски тянулись рядами, нищие, мальчики и девочки, бежали рысью, умоляя о подаянии. Своротили с большой дороги, и показалась чугунная решетка, за нею — другой двор, другая решетка с бронзовыми украшениями, статуями, с княжеским гербом на воротах. Куча официантов стояла на крыльце, и в комнатах много гостей; одни сидели на балконе, другие играли в карты. Дом дубовый прибран со вкусом и достоин великого внимания.

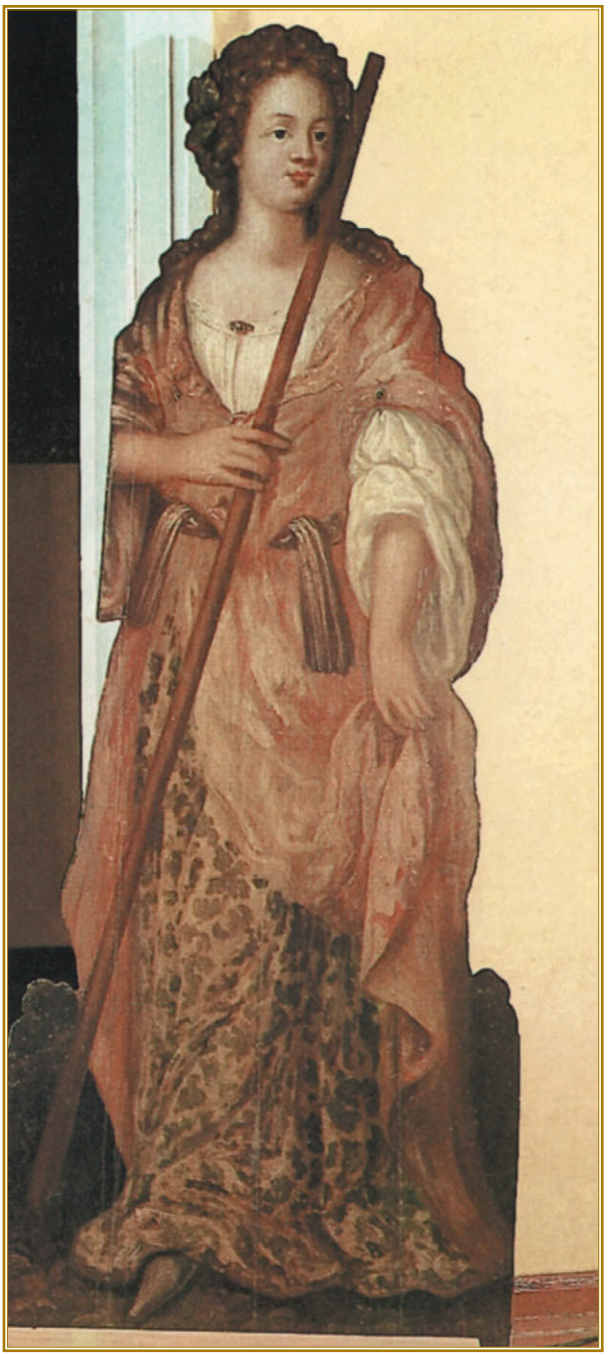
Оный существует 158 лет, и Петр Великий часто бывал в нем у Строганова. За обед поместились 136 посетителей; все барское, богатое, вина редкие, плодов горы, гремит музыка, и в окнах выставлялись шляпки, перья, бороды между ними. Незваных сих гостей было до 5 тысяч, и коляски, тележки, дрожки занимали все аллеи. Сады с пригорками, речками, беседками великолепно соединяются между собою и представляли тогда модные, шумные общества. К вечеру вся зелень осветилась шкаликами, разноцветными фонарями, и фейерверк заключил празднество, похожее на царское в уменьшенном размере».

Очаровательна была до сих пор сохранившаяся дача Люблино, принадлежавшая Дурасову. Чудак-помещик долго мечтал об ордене Св. Анны и, наконец, добившись его, приказал на радостях архитектору построить дом в виде ордена Св. Анны с фигурой этой святой на крыше.

Об имении Люблино мисс Вильмот писала в октябре 1806 года: «Опишу вам праздник, данный одним г-ном Дурасовым в честь княгини (Дашковой) в его прелестнейшем поместье, лежащем в 17-ти верстах от Москвы. Этот маленький человек наследовал несметные богатства от отца, владевшего большими рудниками в Сибири, и имение, в котором он живет, поистине можно назвать земным раем. Когда мы подъезжали к дому, он представился нам в виде како-го-то мраморного храма, потому что весь первый этаж его покоится на мраморных колоннах, за исключением одной только средней части всего здания, которая имела вид величественного купола; потолок этой залы со сводами и украшен разными аллегорическими рисунками,

и в дни торжественных приемов она служит столовою. Все общество было собрано под колоннами, фундамент которых состоял из мраморных ступеней, покрытых благоухающими и роскошнейшими тепличными произведениями и окаймленных зеленым лужком, обсаженным деревьями и спускающимся к берегам реки. Со всех сторон этого очаровательного места представляются новые виды, пленяющие взор своим разнообразием и счастливым сочетанием красок и теней: тут видны и кусты и рощи, луга и озера, горы и долины, а там вдали блестящие,

И. М. Тонков. **Храмовый праздник.** *1784 г.*



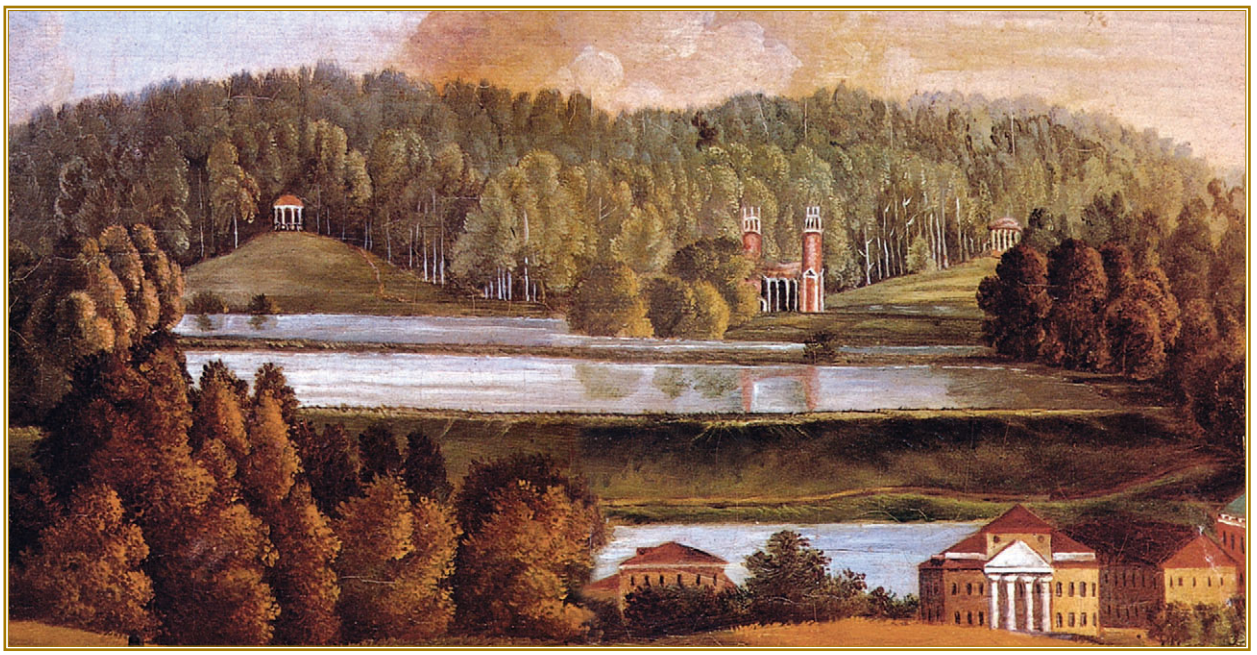
Обманки «Пастушка» и «Пастух»

Такие деревянные фигуры, написанные на досках и вырезанные по контуру, устанавливались в аллеях парка и на сцене Зеленого театра в усадьбе Кусково

златоглавые купола московских церквей как бы заканчивают всю картину. Я не стану останавливаться на описании роскошного обеда, хотя все было великолепно, как в волшебном замке. Выходя из-за стола, мы разделились на группы и разбрелись по разным частям парка; вечер снова соединил нас всех в театре, этой неизбежной принадлежности всякого сколько-нибудь замечательного поместья.

На сцене и в оркестре появилось около сотни его собственных крепостных людей, и хотя между большою и малою пьесами проплясали балет и все сошло как нельзя лучше, но хозяин рассыпался в извинениях насчет бедности всей обстановки, которую он приписывал рабочей поре и жатве, отвлекшей почти весь его народ, за исключением той горсти людей, которую успели собрать для представления.

Дальше от Москвы, в центральных губерниях, были столь же великолепные усадьбы: Рай-Семеновское Калужской губернии, той же губернии Троицкое знаменитой княгини Дашковой, которая нежно любила и заботилась о своем доме. «Quoique je ne suis en ville que depuis hier,— писала княгиня брату,— je soupire deja apres mon Troitskoe» (*фр.*) — «И вот я уже не дома со вчерашнего дня, и уже тоскую по моему Троиц-



Неизвестный художник.
Семеновское-Отрада.
Первая половина XIX в. Фрагмент

Владельцы усадьбы: Орловы, Орловы-Давыдовы. Автор дворца в усадьбе Семеновское-Отрада неизвестен, но предполагается участие В. И. Баженова. Над созданием архитектурного ансамбля в Отраде работали также выдающиеся архитекторы Д. Жилярди, М. Д. Быковский, академик В. Д. Фирхусов. Строительными работниками руководил крепостной архитектор Бабакин

Однако самый театр и декорации были очень нарядны, а исполнение актеров весьма порядочное. В промежутках между слушателями всегда разносились подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем, ликерами и мороженым, а ароматические куренья сожигались в продолжение всего вечера».

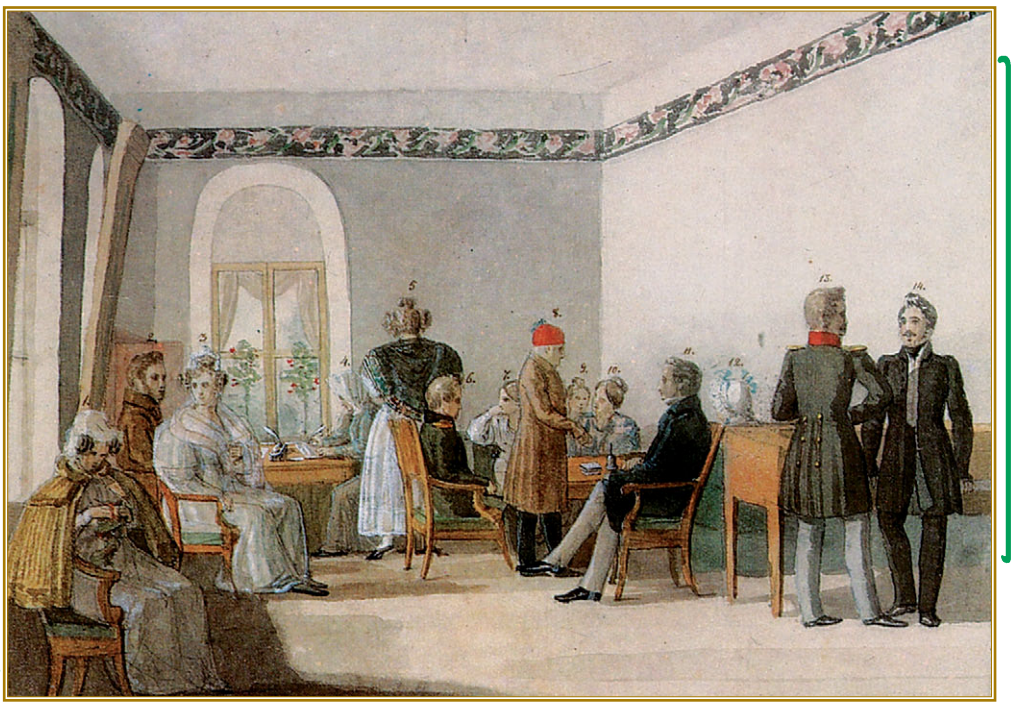
Великолепны были и другие подмосковные: княгини Сибирской, Небольсиной, Николая Никитича Демидова, Отрада — Орловых, Марфино — Салтыковых, Думашево — Болтина, Вяземы — князя Б. А. Голицына, Ольгово, Денежниково...

кому». «Это чудное место,— рассказывает мисс Вильмот в 1805 году,— расположено посреди шестнадцати деревень, княгине Дашковой принадлежащих. Число домочадцев доходит до двухсот человек. Множество земли занято фруктовыми садами и цветниками в английском вкусе, и среди них протекает прелестная речка, извивающаяся вдоль всего имения. Впрочем, Троицкое — положительная равнина и своею прелестью обязана исключительно тщательной обработке и искусственным украшениям. Дом огромный, с флигелями с обеих сторон, соединенными с верхним этажом бал-

кона на железных столбах. Видите ли вы, по мере того как мы приближаемся к дому с заднего крыльца, длинный ряд зданий, окружающих луг со всех сторон и с возвышающеюся посреди них церковью? Все они составляют надворные строения, принадлежащие к замку; иначе вы легко могли бы принять их за маленький городок. Одно из них — театр, другое — манеж; третье — больница; четвертое — конюшня; пятое — квартира управляющего и т. д.

и еще с десяток других разного цвета и разбора кидаются, чтобы провести вас в столовую и оттуда налево в обычную гостиную.

Вот этот портрет посреди комнаты над диваном — муж княгини Дашковой, слывший красавцем в свое время и скончавшийся на двадцать шестом году от роду. Вот эта дама, с повелительным видом, с орлами, вышитыми на ее горностаевом шлейфе,— Екатерина II; а напротив — ее внук, император Александр. В главной здеш-



Ф. Г. Солнцев.
Гостиная в доме Олениных в Приютине. *1834 г.*

Хозяин усадьбы в Приютине, Алексей Николаевич Оленин, был человеком всесторонне образованным — знатоком и собирателем памятников древнерусской и античной культуры, археологом, художником. В начале XIX в. в его приютинском доме собирались члены так называемого «олениского кружка» — известные поэты, писатели, художники, стремившиеся к свободному выражению своих мыслей. В Приютине существовал особый одухотворенный жизненный уклад, названный впоследствии «усадебной культурой»

Боже мой! Что за пустыня эта приемная; и немудрено, когда она служит проходною комнатою для целой толпы слуг. Угловатый Степушка, моргающий из-под своего галстуха, примется снимать с вас все верхние одежды, покуда Афанасий стаскивает с вас меховые сапоги; а тем временем Венцеслав, Максим, Кузьма, Веселкин, Василий, Катан, Прошка, Антон, Тимофей

ней гостиной красуется огромный портрет Екатерины, верхом, в мундире; кроме того, имеются ее портреты во всех комнатах».

Троицкое в 1873 году еще сохранило былую прелесть. П. Бартенев писал: «Великолепные покои целы; из второго этажа ведет громадное каменное крыльцо в парк; оно поросло травою и мелкими деревьями. Парк ненаглядной кра-

соты, и в отдаленном углу его еще возвышается на холму памятник Екатерине II».

В Саратовской губернии, в Сердобском уезде знаменито было Надеждино, где жил «бриллиантовый князь» Куракин.

«В великолепном уединении своем,— говорит Вигель,— выстроил он себе, наподобие посещаемых им дворцов, также нечто похожее на двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворецких, управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров; потом секретарь, медик, капельмейстер и библиотекарь и множество любезников без должностей составляли его свиту и оживляли его пустыню. Всякий день, даже в будни, за столом гремела у него музыка, а по воскресным и праздничным дням были большие выходы; разделение времени, дела, как и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображения великого князя Павла

К. А. Сомов.
Отдых на прогулке. 1896 г.

Петровича находились у него во всех комнатах; в саду и роще там и сям встречались не весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам. Он наслаждался и мучился воспоминаниями Трианона и Марии-Антуанетты, посвятил ей деревянный храм и назвал ее именем длинную, ведущую к нему аллею. В глуши изобилие и пышность, сквозь кои являлись такие державные затеи, отнимали у нас смешную их сторону».

Д. Карташев также описывает Надеждино в 1848 году: «Встреченные седым дворецким,

В. Е. Маковский.
В швейцарской. *1893 г.*

мы пошли осмотреть внутренность дома. В комнаты вела отлогая лестница; в первой — приемной — были на стенах четыре живописные картины, остатки прежде бывшего здесь богатого собрания картин, которые теперь находятся в Тверском имении. За этой комнатой расположен зал, с отделанными под серый мрамор стенами, украшенными полукуполами. Направо — музыкальный зал и столовая с хорами... Налево из первого же зала — гостиная, отделанная под

К. Е. Маковский.
Девушка со щеткой. *1893 г.*

А. Е. Мартынов.
Поречье. Общий вид усадьбы

Владельцы усадьбы: Разумовские, Уваровы
Усадьба в Поречье основана во второй половине XVIII в. А. Г. Разумовским.
Главный дом сооружен в 1830-х годах при С. С. Уварове по проекту архитектора Д. И. Жилярди
на основании дома конца XVIII в. и реконструирован с возведением третьего этажа в 1870-х годах
при А. С. Уварове архитекторами А. П. Поповым и М. Н. Чикиговым

желтый мрамор; в простенках перед высокими зеркалами стояли на мраморе японские вазы; белая мебель переносила воображение лет за 50 назад. За нею следовала другая такая же комната, а далее — довольно обширная спальня.

Ступая по роскошному паркету зала, чувствуешь обаяние чего-то, требующего к себе уважения: не встречая, как нередко случается, очень ценных, часто весьма не к месту предметов моды, здесь видишь во всем изящную, солидную простоту и забываешься... вот, кажется, безмолвие зала тотчас нарушится съездом гостей.

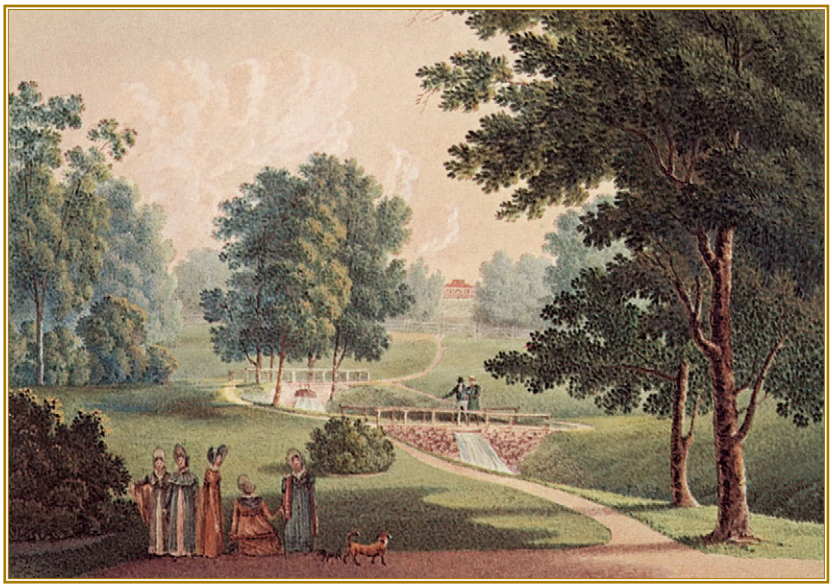
Пройдя широкий двор, мы вошли в сад, прохладный, дремучий, где не видно голубого неба, все зелень и тень. По прямой широкой аллее мы дошли до круглой площадки, где находился прежде летний деревянный домик. От него тянутся лучами широкие аллеи, будто тоннели, проложенные в массе зелени, открывая вдаль разнообразные картины; впечатление, какое они производят на зрителя, истинно очаровательное. Однообразие аллеи делает незаметным ее далекое протяжение, между тем там ярко освещенный предмет заканчивает чрезвычайно приятно эту темную перспективу и составляет живописный с нею контраст.

Прежде здесь было много храмин-беседок с названиями, значение которых было особенно приятно и понятно князю. Здесь были просеки: Цесаревичей, Нелидовой, Антуанеттин, Браницкой, Ожидаемого Наслаждения, Милой Тени; были дорожки Удовольствия, Жаркого Любовника, Постоянного Друга, Веселой Мысли, Прихоти, Верных Любовниц, Брата Степана, Петра Молчанова, Услаждения самого себя... Теперь (1848) одни небольшие полянки, поросшие молодой осиной, указывают только места их. Уцелел лишь земляной курган, на котором по вечерам гремела музыка; в стороне слышались в то время песни, в темных аллеях мелькали группы молодых женщин — и все оживлялось не присутствием лишь, но сочувствием

владельца. Теперь мимолетный ветер шепчется с вершинами деревьев, а в тени ветвей тихонько пропоет зяблик, да разве иволга бросит к небу свою песню, и все смолкает».

Дом в Надеждино еще долго сохранялся после описываемого времени. Но вот несколько лет назад и он продан, все вещи увезены, и многие из них уже перешли в руки антикваров.

На юге России, в первой половине XIX столетия, еще целы были дворцы елизаветинских вельмож и богатых помещиков. Великолепны были имения Разумовских, особенно Почеп и Батурин Черниговской губернии. Фон Гун, бывший в начале века в Почепе, рассказывает о нем:



А. Е. Мартынов.
Окрестности Москвы. Пейзаж с фигурами

«Он есть великолепное каменное здание необъятного пространства. Главным фасадом стоит к саду. С другой стороны, то есть со стороны двора, флигели его составляют превеликий овал, за коими построены еще хозяйственные строения. Во всем вообще здании семеро ворот. Средняя часть дома, или главный корпус, который занимается самим графом, состоит из двух этажей на погребах и имеет со стороны двора портик. Во всем фасаде двадцать пять окон, и я должен был пройти сто тридцать шагов, когда хотел смерить весь ряд комнат нижнего этажа главного корпуса. Особливо хороши там зал для балов и концертов; также и библиотека, из пяти тысяч книг состоящая. Сад перед домом велик, расположен в голландском вкусе и отделяется от противоположного луга, который, нечувствительно возвышаясь, простирается до горизонта, рекою Судостью. Здешний дом построен двадцать пять лет тому назад покойным фельдмаршалом графом Разумовским. План прожектирован Деламотом, а произведен здешним архитектором г-ном Яновским. Жаль, что столь огромное здание построено не там, где в одной отсюда версте на другом конце Почепа имеется другой графский же деревянный дом, в котором когда-то жил некто аглинский купец Ухтерлани, находящийся и теперь еще в свежей здесь памяти. Там местоположение совершенно романическое и сад, сотворенный самою природою прямо в аглинском вкусе. В особенности красивое имеет положение в этом саду преогромная каменная оранжерея. Сад сей называется Меншиковским, ибо место сие, как и Почеп, принадлежало в прежние времена князю Меншикову».

П. А. Герасимов.
Мещерское. Вид с балкона главного дома

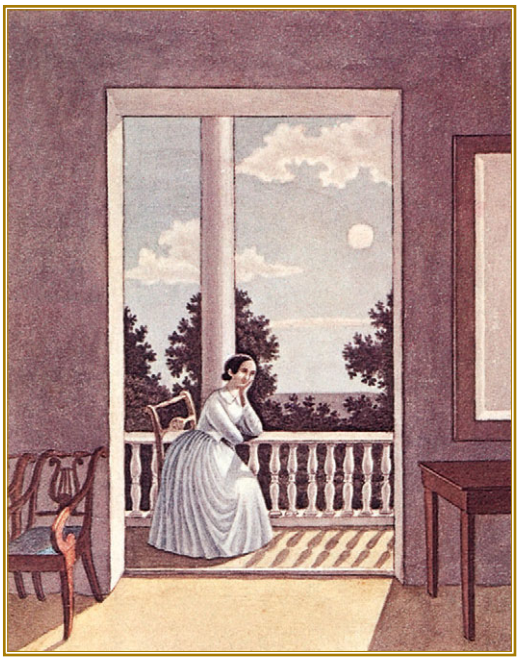
Мещерское обрело свое название по имени владельца князя Ф. И. Мещерского.
Впоследствии на протяжении семи десятилетий принадлежало одному роду —
баронам Боде, получившим приставку к фамилии Колычевых.
На средства Боде в Мещерском в 1853 г. была перестроена Покровская церковь (1709 г.)

В 30-ти верстах от Почепа было село Ивантенки, принадлежавшее генерал-майору и кавалеру Гудовичу:

«Приметным становится благосостояние, порядок и вкус владельца тамошнего сада.

С великою приятностью возвышаются позади плодоноснейших полей, засеянных гречею, молодые леса прекрасного чистого березняка; в долине, близ самой дороги, где надобно ехать по насыпанной высокой плотине, видно как бы сверху озеро со множеством на нем островов, то украшенных мраморными урнами, то засаженных небольшими рощицами, группами, боскетами, клумбами и цветами. Около них плавают гордые лебеди, воспевая аркадскую песнь свою, и гуси с мыса Доброй Надежды.

Чем долее идешь, тем более обнаруживается приятности и прелести всего места, около осьми верст в окружности и двести пятьдесят десятин поверхностного содержания имеющем, все то, что только может быть украшено подражательным искусством. Она избрала себе в садовники самого владельца сего прямо швейцарского местоположения; ибо он, как друг природы, как любитель прекрасного и возвышенного, соединяет в себе с глубоким познанием высокий вкус, дабы скромною рукою помогать только натуре и придавать ей принадлежащее по справедливости. Непрерывная разнообразность долин и гор, лесов, лугов и полей, прелестных видов и в задумчивость приводящих дорожек, водопадов, озер, разных деревьев и растений се-



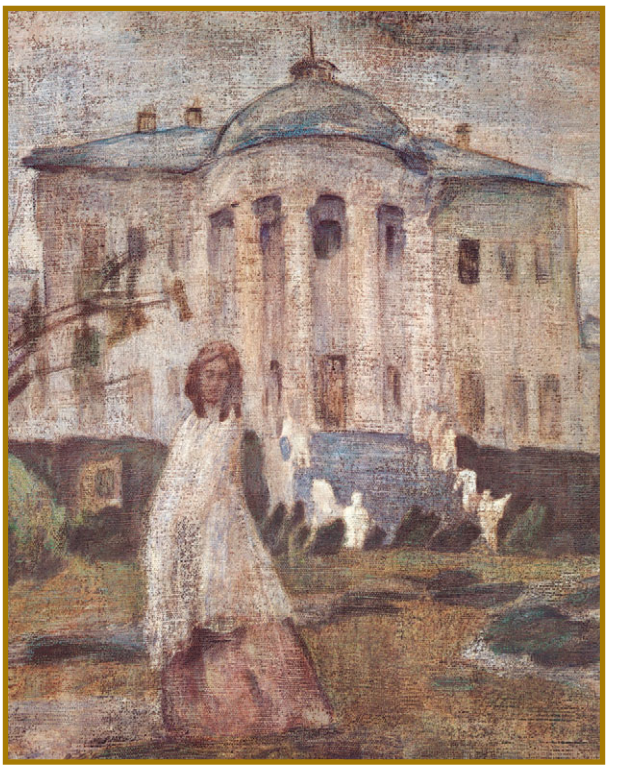
Неизвестный художник.
На балконе. *1840-е гг.*

вероамериканских, строений различного рода и множества тому подобного доставляют страннику неутомимое упражнение.

Не должно пропустить упомянуть о прекрасном Китайском домике, в саду построенном, который в особливости производит удивление тою верностию и точностию, с каковыми все в нем сделанное занято от китайцев. Здесь привлекает на себя внимание каждая дверь, самая лестница, каждое украшение, даже замки, мебели, одним словом... все, как снаружи, так и изнутри. В одной из комнат все стены обложены лакированными с золотом досками, изображающими жизнь Конфуция. В другом садовом же строении сделана прекрасная русская баня с ванною, многими комнатами и со всеми принадлежностями. Музыка здешняя, из шестнадцати человек состоящая и превосходно играющая, занимает также часть приятностей ивантенкинских».

«Баклань — село, принадлежащее к Почеповской графской экономии, лежало в двадцати пяти верстах от Почепа. Все то, что природа сотворила в Ивантенках в малом виде и позволила искусству украсить, найдете вы в Баклани в виде большом, увеличенном. Здесь искусством сделано весьма еще не много, но все произведено натурою. Надобно выехать на целый ряд высоких гор, коих вершины украшены лесом, а спереди на горе же видно превеличественное здание, подобное рыцарскому из времен протекших столетий.

Оно построено не прежде, как лет пять тому назад, в подражание итальянским сельским около Рима домам и весьма много сходствует с великолепным близ Москвы дурасовским домом. Думать надобно, что при строении сего дома главною целью было то, чтобы из каждой его комнаты можно было видеть натуру в разных ее изменениях. Истинно, рассматривающий взор наблюдателя не знает, на котором предмете ему остановиться. Повсюду видна чрезвычайно обильная многообразность и в обширном пространстве природы; и если б сюда привесть хоть самого Клода Лоррена или какого-нибудь Берне, то и тот не вдруг бы решился, какой из предметов почесть самым лучшим.



В. Э. Борисов-Мусатов.
Призраки (Зубриловский парк).
1903 г. Фрагмент

Усадьба князей Голицыных в селе Зубрилово возникла в 80-е годы XVIII в. после того, как князь С. Ф. Голицын — генерал-майор, флигель-адъютант Екатерины II, избрал эти земли по берегам реки Хопер под строительство своего имения

В. П. Причетников. **Усадьба Забава. Вид дома из-за пруда.** *1798 г.*

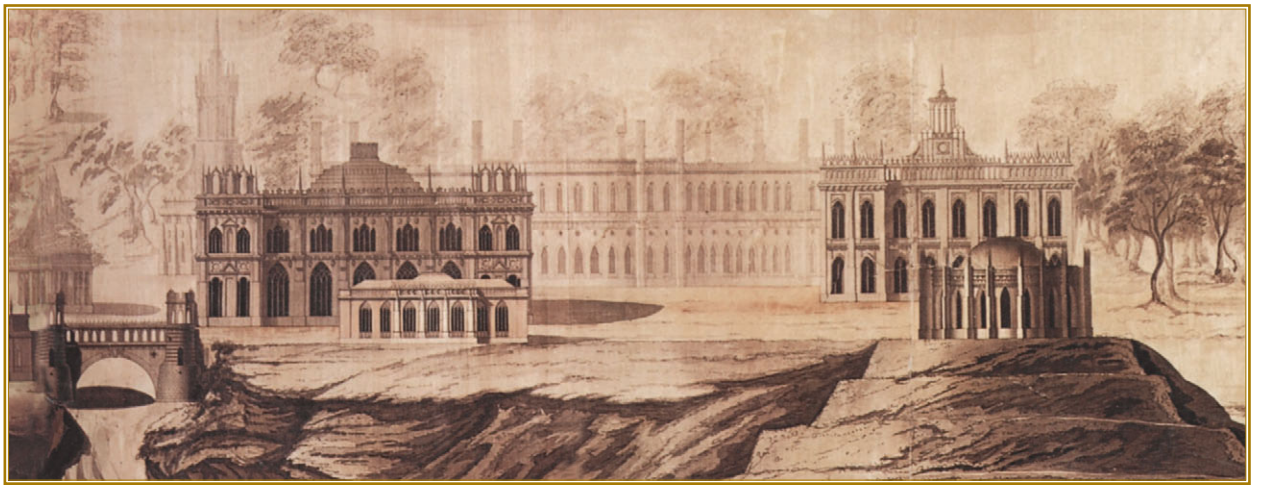
В. П. Причетников. **Усадьба Забава. Вид флигеля в парке.** *1798 г.*

Сам дом имеет положение свое на краю одной высокими деревьями обросшей горы, и из второго его этажа сделан выход на арках, по коему можно из комнат выходить в отверстую природу, и именно прямо на высокую гору, обделанную так, что представляет собою натуральный аглинский сад».

Другое имение графа Разумовского, Батурин, было еще прекраснее.

«Главный строения корпус,— пишет один путешественник в 1805 году,— имеет три этажа и два по сторонам флигеля, соединенные с ним каменною оградою. В Батурине была такая страшная грязь, что мы видели подле самой нашей дороги увязшую в грязи не весьма малую лошадь, около которой стояли многие русские мужики и советовались, как бы ее вытащить. Мы проехали мимо и на самом уже выезде из Батурина видели деревянный дом, в котором жил покойный фельдмаршал. Впереди перед домом за валом, на котором поставлены десять пушек, виден пребедный луг, который, возвышаясь, закрывает весь прочий вид; а с другой стороны дома — сад из фруктовых деревьев.

В новопостроенной (1805) церкви положено тело покойного фельдмаршала, которую он, тогда еще не освященную, за четыре месяца перед своею кончиною нарочно смотреть ездил. Там поставлен над ним монумент в восемь тысяч рублей».



Царицыно. *Панорама. Проектный чертеж В. И. Баженова. 1776 г.*

О Яготине, прежде принадлежавшем графу Разумовскому, а ныне князю Н. В. Репнину, фон Гун в 1805 году писал:

«Здесь созидается целый свет, и все в новейшем вкусе, по планам г-на Менеласа, а производит строения здешний архитектор Годегард, и не более как в три года почти уже привел к концу. В середине построен главный корпус в два этажа.

На правой и левой стороне оного в полуциркуле — по три павильона, а напротив павильонов стоят два превеликих каменных строения для служителей, тут же — конюшни и сараи. Каждый павильон — сам по себе большой дом. Река (Суна) составляет здесь обширный залив, простирающийся на многие версты и примыкающий к Яготину во всех местах, так что с другою небольшою речкой делает почти весь Яготин островом. Перед главным домом заводит теперь граф аглинский сад».

А. Глаголев, посетивший Яготин в 1823 году, рассказывает:

«Местечко Яготин стоит при большом озере, имеющем около пяти верст длины и от двух до пяти ширины. Прекрасное местоположение Яготина открывается с полтавской стороны уже по прибытии в самую слободу и производит такое же действие на приезжающего, как и великолепная декорация в театре по открытии занавеса. Самое расположение княжеского дома с флигелями и садом есть игра прихотливой фантазии архитектора. Дом отделяется от озера цветником и стоит против острова, покрытого густым лесом; флигеля, состоящие из отдельных домиков, выдаются уступами на зеленую площадь двора; от них проведены через сад аллеи, направленные к тому же острову как центру и основанию всей перспективы.

План этот, кажется, есть подражание неподвижной сцене древних театров, которая обыкновенно представляла городские улицы и строилась по расходящимся линиям, имевшим точку зрения в оркестре.

Правая сторона сада состоит из аллей, вьющихся в разных направлениях; левая покрыта дикою рощею. В библиотеке хранятся в нарочно устроенном ковчеге письмо, в котором удрученный болезнью старец, фельдмаршал князь Репнин, приносил верноподданническое поздравление по случаю восшествия на престол Государя Императора Александра I, и Высочайший рескрипт Монарха, изъявляющего внимание к заслугам мужа, прославившегося на поле бранном и на поприще дипломатическом. Из рукописей достопримечательна записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Италию с 1697 по 1700 год».

Недалеко от Яготина была Тепловка, бывшее имение графа П. В. Завадовского. Граф Разумовский в 1805 году, «обще с архитектором г-ном Менеласом, избрали здесь прекраснейшее место, на котором по желанию г-на министра (Завадовского) должен быть построен новый дом».

И. И. Подчаский. **Усадьба Петровское-Разумовское. Павильон в парке**

В Черниговской губернии, на берегу Десны было другое великолепное имение, графа Румянцева,— Вишенки. Румянцев приобрел их в 1767 году и вскоре приступил к устройству дворца. В 1769 году управляющий его, князь П. Мещерский, писал графу: «Дом снаружи зачали красить, и картин, что над дверьми будут, шесть уже отделаны, а остальные пять еще не зачинены. В галерею на стены рамы обтянуты и пишутся; вкус письма сего и как под кровлею карниз с подвесами окрашен, уповаю, апробацию вашего сиятельства иметь будут, только жалко о медленной работе. Цветник один хорошего вкусу, почти совсем отделан, а и другой отделывается ж».

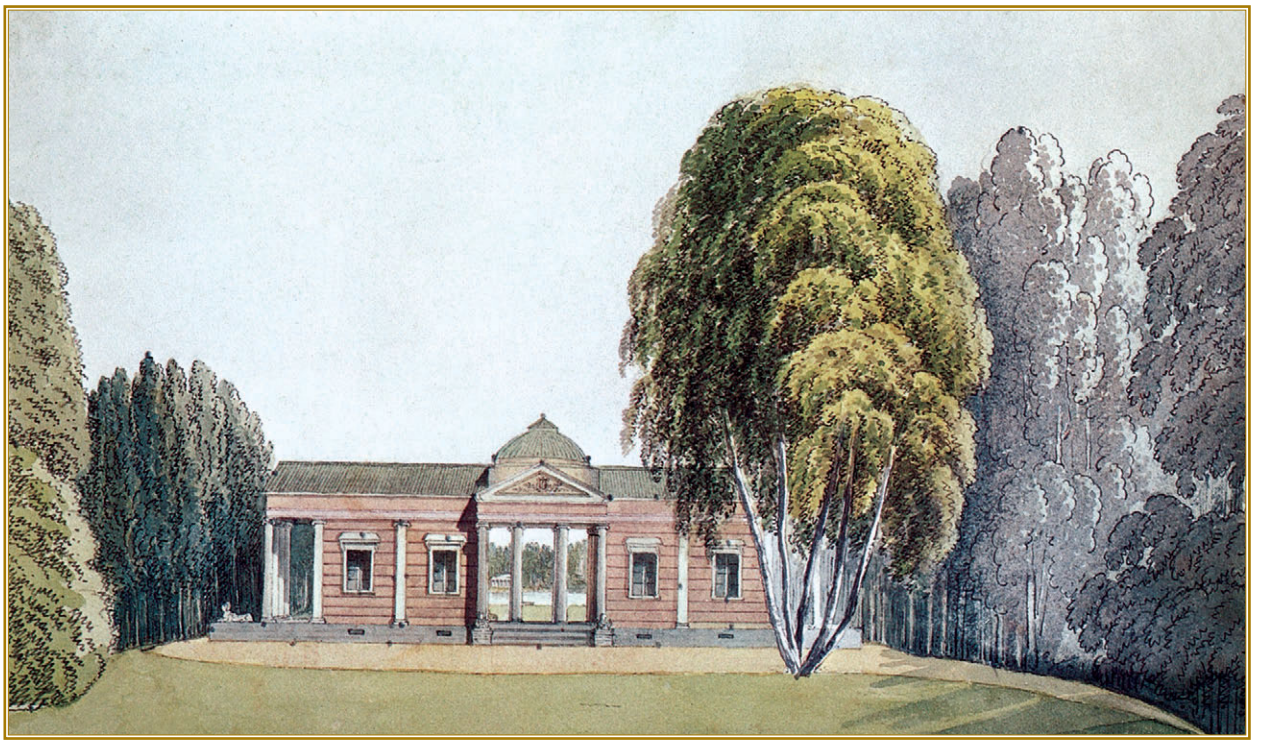
У Румянцева были еще великолепный дворец, полный богатств, в Кочуровке Глуховского уезда, великолепный, теперь погибший, готический замок в Ташани (ныне князя А. К. Горчакова), дворец в Гомеле (княгини Паскевич) и еще множество имений.

В 1767 году императрица подарила Гомель герою Задунайскому. В 1785 году старый дом, бывший Чарторыйских, был разрушен, «и на месте его начали воздвигать великолепный каменный дворец, достойный великого имени нового помещика. Этому дворцу, который стоил миллионы, было предназначено служить для России едва ли не единственным и, уж конечно, лучшим образцом венецианской архитектуры. Главное здание остается доныне неприкосновенным. В последнее время (1848) приделана к нему с одной стороны четырехугольная башня, которая соединяется с главным корпусом прекрасною крытою колоннадою, с другой же — круглая эспланада, откуда открывается единственный вид на низменную окрестность по ту сторону Сожа».

На юге знаменита была и Качеповка, черниговское имение известного мецената — помещика Тарновского. Здесь часто гостили Штернберг и Глинка.

«Первое впечатление было в пользу владельца,— говорит М. И. Глинка о Качеповке.— Подъезжали к поместью с нескольких сторон по стройным аллеям из пирамидальных тополей; дом — большой, каменный — стоял на возвышении; огромный, прелестно раскинувшийся сад с прудами и вековыми кленами, дубами и ясенями величественно ласкал зрение.

Но, осмотрясь, удивление уменьшилось: дом был как будто не окончен, дорожки в саду недоделаны; был у владельца и оркестр, недурной оркестр, но неполный, и духовые инструменты не все исправны. Даже управляющий оркестром, первый скрипач Михаиле Калиныч, был несколько туг на ухо. За обедом подавали несколько блюд, но повар, вероятно, был недоучен».



И. И. Подчаский. **Усадьба Петровское-Разумовское**

В Черниговской губернии находилось и Панурово, близ Стародуба, «деревня с старым большим домом, со старым регулярным садом», к которому примыкает дикая обширная роща. Вообще прекрасно ее местоположение, живописные вокруг виды, которыми любуетесь вы из окон дома, из проспектов аллей, из теней павильонов; прибавьте к этому очаровательность духовой музыки, которая сливает сладкие тоны свои с тихим шумом деревьев; другую, инструментальную, которая гремит в пространстве залы».

Наконец, в Полтавской губернии были известны Диканька — Кочубея, Очкино — Судиенко, в Киевской — Корсунь — Лопухиных, Белая Церковь — графини Браницкой.

Много еще других чудных имений славилось в России в прежнее время.

Неизвестный художник. **Сенокос в усадьбе.** *1820-е гг.*

РАЗВАЛ

Страшно, когда рушится веками созданная культура, когда чувствуется разложение родовых основ. Но еще страшнее гниение молодой жизни, гибель организма, еще полного сил. Россия, реформированная Петром, жила всего полтора века. Долгими усилиями иностранцев всех наций была привита на благодарную ко всем восприятиям русскую почву западная цивилизация. Голландцы, немцы, французы, англичане и даже греки, толпами приезжавшие в доселе им неведомую страну, приносили с собой знания, инициативу и огромную рабочую энергию. И русские люди, сознавая нужность этих пришельцев, радушно принимали их наставления и умели черпать в них новый источник жизни. Но, скоро увлекаясь, русские люди так же скоро разочаровывались. В своих проявлениях они всегда походили на больших детей, играющих «во взрослых».

Русская пляска.
Гравюра И. Кокере по рисунку Е. Корнеева. 1812 г.

И потому им так весело казалось рядиться в новые платья, гримироваться по-новому и строить себе огромные дворцы, которые, в сущности, были для них теми же детскими карточными домиками.

Действительно, трудно представить себе более ребяческую затею, чем ту, что выдумали азиаты-русские, передразнивая иностранцев. Но, будучи талантливыми актерами, они не только убедили многих, что играют всерьез, но даже сами уверовали в то, что театральные подмостки — та же действительность. Этот веселый и увлекательный маскарад продолжался до середины царствования Александра Благословенного. И только романтические мечтатели, отдохнувшие от волнений Двенадцатого года и грезившие о новых подвигах, задумали создать новую, менее театральную и более правдивую Россию. Это были декабристы. Вслед за ними родилось поколение свободолюбивых граждан, долго сдерживаемых железными тисками Николаевского царствования и получивших право жизни с освобождением крестьян.

Но как отразились все эволюции государственного строя на искусстве своего времени? Как запечатлелись в творческих созданиях мечты русских людей? Конечно, я говорю только о дворянской России, так как все искусство жило для нее. Здесь, как и в других областях русской жизни, замечается отсутствие закономерной последовательности. Здесь, как и всегда в России, боги были недолговечны, о них скоро забывали, и, несчастные и заброшенные, они печально доживали свой век.

В последние годы Екатерининского царствования уже начало чувствоваться дыхание тления. Воцарились постепенно те неряшливая небрежность и безразличие ко всему, что так характерны для русских. Игрушки заброшены, и окончена забава.

В. М. Максимов. **Все в прошлом.** *1889 г.*

Н. Сергеев. **Сад.** *1889 г.*

Странное впечатление производят некоторые печальные упоминания о разрушающейся красоте, что встречаются у Георги в описаниях окрестностей Петербурга в 1794 году. О многих дачах, где еще накануне творилась красота, грустно сообщается, что они в запустении, что пруды посохли, а сады глохнут. Вспомните дома Чичерина, Вяземского, Трубецкого.

Еще унылее звучат официальные сообщения о разрухе старых подмосковных дворянских уютов. И чем протокольнее эти факты, тем красноречивее они.

В описи села Сафарина под Москвой значится: «Против каменной церкви — палаты каменные, а в них покоев: первая палата — большая столовая называется "зал": в ней образ да оклад серебряный ветхий... стол круглый липовый, без петель, ветхий... в той палате алебастровая подмазка вся обвалилась... один столик китайской работы, ветхий... печь муравленая круглая ветхая, сделана для красоты... своды в переходах весьма ветхи и развалились... образ Василия Херсонского попорчен, разодран, в раме ветхой... зеркало разбитое... два купидона китайские, ветхие... пятьдесят пять стульев ободраны... При том же дворце сад большой, в котором имеются двадцать восемь яблонь, посохшие и скотом подъеденные»... Эта сухая опись говорит, в каком запустении находились загородные дома, насчитывающие в лучшем случае более полстолетия. Поразительно равнодушие, с каким смотрели на гибель всего, будь то крепостной, заеденный барскими псами, или создание искусства, гибнущее от небрежности.

Вследствие частых перемен фаворитов при дворе во времена Екатерины и резко противоположной политики круга придворных при ее преемнике, естественно, менялся и состав знатных лиц.

Новоявленные вельможи, будирующие новый двор, уезжали в свои отдаленные имения и, предаваясь беспечной, праздной и разнузданной жизни, часто опускались и вновь погружались в то состояние дикарства, из которого были так недавно и случайно выведены.

Вигель дает любопытную картину безалаберной жизни одного казанского самодура-помещика:

«Часу в двенадцатом могли мы только приехать к нему, но дом горел весь как в огне, и хозяин встретил нас на крыльце с музыкой и пением. Через полчаса мы были за ужином.

Господин Е. был рано состарившийся холостяк, добрый и пустой человек, который никакого понятия не имел о порядке, не умел ни в чем себе отказывать и чувственным наслаждениям своим не знал ни меры, ни границ. Он нас опотчевал по-своему. Я знал, что дамы его не посещают, и крайне удивился, увидев с дюжину довольно нарядных женщин, которые что-то больно почтительно обошлись с губернатором: все это были фени, матреши, ариши — крепостные актрисы хозяйской труппы. Я еще более изумился, когда они пошли с нами к столу, и когда, в противность тогдашнему обычаю, чтобы женщины садились все на одной стороне, они разместились между нами, так что я очутился промеж двух красавиц.

Неизвестный художник.
Ф. Ф. Вигель. *1839 г.*

Я очень проголодался; стол был заставлен блюдами и обставлен бутылками; вне себя, я думал, что всякого рода удовольствия ожидают меня. Как жестоко был я обманут! Первый кусок, который хотел я пропустить, остановился у меня в горле; я думал голод утолить питьем — еще хуже. Не было хозяев; следственно, к счастию, некому было заставлять меня есть; зато гости и гостьи приневоливали пить. Не знаю, какое название можно было дать этим ужасным напиткам, этим отравленным помоям. Это какое-то смешение водок, вин, настоек с примесью, кажется, пива, и все это подслащенное медом, подкрашенное сандалом. Этого мало: настойчивые приглашения сопровождались горячими лобзаниями дев с припевами: “Обнимай сосед соседа, поцелуй сосед соседа, подливай сосед соседу”. Я пил, и мне был девятнадцатый год от роду; можно себе представить, в каком расположении духа я находился.

Сатурналии, вакханалии сии продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужин, я с любопытством ожидал, какому новому обряду нас подвергнут. Самому простому: проводили нас всех в просторную горницу, род пустой залы, и пожелали нам доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяные одеяла, отнятые на время у актеров и актрис. Я нагнулся, чтобы взглянуть на подлежащую мне простыню, и вздрогнул от ее нестроты. Спутники мои, вероятно, зная наперед обычаи сего дома, спокойно стали раздеваться и весело бросились на поганые свои ложа. Нечего было делать, я должен был последовать их примеру. Разгоряченный вином или тем, что называли сим именем, и поцелуями, я млел, я кипел.

Жар крови моей и воображения, может быть, наконец бы утих, если бы темнота и молчание водворились вокруг меня; самый отвратите-ьный запах коровьего тухлого масла, коим напитано было мое изголовье, не помешал бы мне успокоиться; но, при свете сальных свечей, каляканье, дурацкий наш дорожный разговор возобновился, и другие, приехавшие прежде нас, подливали в него новый вздор. Не один раз подымал я не грозный, но молящий голос; полупьяные смеялись надо мной, не столь учтиво, как справедливо называя меня неженкой. Один за другим начали засыпать, но, когда последние два болтуна умолкли, занялась заря, которая беспрепятственно вливалась в наши окошки без занавес. Между тем сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи, все колючие насекомые объявили мне жестокую войну. Ни на минуту не сомкнув очей, истерзанный, я встал, кое-как оделся и побрел в сад, чтобы освежиться утренним воздухом; так кончилась для меня сия адская ночь.

И. Н. Крамской.
Осмотр старого дома. *1873 г.*

Солнце осветило мне печальное зрелище. Длинные аллеи прекрасно посаженного сада с бесподобными липами и дубами заросли не только высокою травою — в иных местах даже кустарником; изрядные статуи, к счастию, не мраморные, а гипсовые, были все в инвалидном состоянии; из довольно красивого фонтана, прежде, говорят, высоко бившего воду, она легонько точилась. Взгляд на дом был еще неприятнее; он был длинный, на каменном жилье, во вкусе больших деревянных домов времен Елизаветы Петровны, обшитый тесом, с частыми пилястрами и резными фестонами на карнизах, с полукруглым наружным крыльцом, ведущим сперва к деревянной террасе; все ступени были перегнившие, наружные украшения поломаны, иные обвалились; если запустение было в саду, то разорение в доме. Один только новопостроенный театр сбоку содержался в порядке. Видно, что отец жил барином, а сын — фигляром».

В такой обстановке зачастую находились русские помещики в тех великолепных усадьбах, где еще накануне все было так прекрасно и изысканно. Не видя ни в чем препятствий своим необузданным желаниям, живя на расстоянии нескольких недель пути от Петербурга, окруженные толпой приспешников, шутов, дураков и дур, они скоро забывали о тех салонных манерах и обычаях, которым их обучили при дворе. И вполне понятно, что такие люди не только не могли создать нового, но даже не сумели уберечь от гибели старое искусство.

Двенадцатый год также погубил немало. Помещики, спасавшиеся бегством в отдаленные свои деревни, оставни, оставляли в имениях то, чего нельзя было запрятать или увезти с собой. Во многих семьях до сих пор хранятся портреты дедушек и бабушек, «простреленные французской пулей».

А сколько семейных реликвий погибло при пожарах, сколько дивной старой мебели пошло

С. Ю. Жуковский.
Усадьба. Отблески вечерней зари. *1912 г. Фрагмент*

на растопку костров для озябшей армии «злого корсиканца». Еще больше обстановок и целых усадеб уничтожено пожарами, так как известно, что Россия каждые три года сгорает дотла. А ведь даже богатейшие помещики возводили свои дома из дерева, как построено Архангельское, Останкино, Кусково.

Параллельно с войной и стихийными бедствиями в XIX столетии началось какое-то повальное вымирание пышных вельмож Екатерининского века. Ланской умер на рубеже двух столетий, за ним последовали Зорич, Мамонов, последний Румянцев, последний Завадовский, а Григорий Кириллович Разумовский эмигри-

С. Ю. Жуковский.
Печальные думы. *1907 г.*

ровал. Так один за одним опустели дворцы-усадьбы, полные великолепных затей. Шклов раньше других подвергся разграблению.

«Какую ужасную перемену нашел я в Шклове по смерти генерала Зорича,— пишет С. Тучков.— Все опустошено. Везде видны одни развалины. Великолепное здание, в котором помещен был Кадетский корпус, на его иждивении содержимый, сгорело незадолго до его кончины. Огромная оранжерея, в залах которой ежедневно принимаемо было множество гостей, и прекрасный театр почти совсем обрушились. Большое деревянное строение, в котором помещалось много приезжающих, известное под названием Старого замка, сгорело. Родственники покойного, жившие при нем с великими выгодами, остались без дневного пропитания».

После окончания войны с Наполеоном — опять подъем интереса к России и к помещичьему быту. Это увлечение продолжается до конца царствования Николая Павловича.

Между «Евгением Онегиным» и «Мертвыми душами» заключен период нежного любования родной природой и родными традициями.

Вот когда создается в русской литературе милый облик деревенской девушки Татьяны, и родившиеся в эти годы Тургенев и Толстой воспринимают последние заветы помещичьей России.

И только они, видевшие в своих отцах людей старого закала, могли предзакатным светом

К. Е. Маковский.
Помещица. *1886 г.*

Н. Е. Сверчков.
Помещица в пути. *1855 г.*

озарить умирающий век. Потому так пленительно ласкает нас эта безвозвратно ушедшая красота, которая больше немыслима в России. И сколько ни сохранять старинных дворянских гнезд и обстановок, где жили персонажи «Войны и мира» и «Месяца в деревне», все же никогда не воссоздать атмосферы быта и общей спокойной гармонии. Актеры все вымерли; остались лишь декорации игранных ими пьес.

Освобождение крестьян было последним решающим моментом в гибели старой культуры и крепостного искусства. Естественно, что и приюты его — помещичьи усадьбы — скоро потеряли свой прежний смысл. Жизнь в деревне перестала быть жизнью на века, а лишь переходным этапом, летним отдохновением. Тут получило свое пошлое значение слово «дача», которое раньше звучало скорее как «пригородное маленькое имение». «Русский дачник» стало с тех пор если и не бранным, то, во всяком случае, комическим выражением.

Одно за другим гибли пригородные имения, но еще худшее делалось в глухих углах. Получив выкупные деньги, помещики быстро проматывали их либо в губернских городах, либо в Петербурге. И деревенские кулаки — разуваевы, колупаевы, подугольниковы и сладкопевцевы, так зарисованные Щедриным и Атавой, скупали имение за имением, вырубали сад за садом, перестраивали дома в фабрики. Мебель и предметы убранства просто продавали на слом. Обезумевшие помещики пустились в спекуляции, занялись устройством заводов канареек или разведением зайцев...

Некогда было думать об усадьбах, где жили деды, где выросли последние владельцы крепостных. Их потревоженные тени бродили по пустым комнатам, откуда уносили мебель, где ломали стены скупщики-кулаки. Здесь началась трагедия «Вишневого сада».

ОСТАТКИ ПРОШЛОГО

Но то, что уцелело по странной случайности, погибло в разрухе русской революции. Бунтующие крестьяне сожгли и уничтожили то немногое, что осталось дорогого и милого, что напоминало о том, что Россия когда-то могла называться «культурной».

В общем костре жгли беспощадно все, что поддавалось сожжению, рвали, резали, били, ломали, толкли в ступе фарфор, выковыривали камни из драгоценных оправ, плавили серебро старинных сосудов. В области разрушения у русских не было соперников.

Так в грандиозном пожаре умерло все, что существовало два века, и, как людям времен Петра Великого приходилось быть новыми строителями жизни, так мы в новой пустыне видим лишь оазисы прошлого. И чудится, что боязливо и жалостливо жмутся по стенам старых домов одинокие и запуганные тени. Бледные, боязливые, неловкие, чуть живые бродят они по пустым комнатам, смотрятся в тусклые зеркала, вздыхают о старых друзьях — стульях, столах, диванах, ширмах, о маленьких столиках, часах, фарфоре, бронзовых фигурках и портретах близких. И тихо беседуют с оставшимися.

Арабесковый сервиз.
Императорский фарфоровый завод.
Фарфор. 1780-е гг.
Из собрания русского фарфора в усадьбе Кусково, насчитывающего свыше 6 тысяч изделий

Вид Царицына с саратовской дороги. *Акварель. 1803 г.*

Когда зачитываешься «Рассказами бабушки», воспоминаниями Вигеля или «Детскими годами Багрова-внука», когда чувствуешь еще живыми и «Евгения Онегина», и «Дворянское гнездо», кажется страшным и невозможным кошмаром, что эта близкая нам быль — уже не явь и унеслась безвозвратно. Просто не хочется верить, что вырублены вишневые сады, что ушли с земли старые помещики, что разуваевы и колупаевы — щедринские герои — заняли их места. Едешь по бесконечным дорогам, вдоль пахотных земель, вдоль шумящих лесов и прихотливых змей-речек, едешь по бедным, обнищавшим деревням и с ужасом и тоской видишь разруху, страшную разруху на каждом шагу. Если бы теперь какой-нибудь досужий иностранец или российский Манилов, наподобие тех, что в 30-х годах XIX столетия писали и печатали свои «Прогулки по России», проехался бы на долгих из Петербурга в Москву, в Калугу, в Тулу, в Саратов, не говоря уже о далеких губерниях,— то эта, некогда веселая и безмятежная, прогулка показалась бы ему страшным сном.

Вид Камышина с саратовской дороги. *Акварель. 1803 г.*

Всякий раз, когда я в русской деревне, мне чудится ясный ритм прежних повествований о России, цветущий сад, который воспевали стихами и прозой, благословенные уголки земли, которые так заботливо зарисовывались Алексеевым, последователями Венецианова, братьями Чернецовыми, Кунавиным, Чернышевым. И теперь милы нам эти художники своей трогательной, иногда почти смешной, слепой, детской верой в величие и прелесть России. Чудятся снова восхищенные и преувеличенные безумно, до слез жаль этой старой, милой, дорогой и ласковой поэзии помещичьего быта, этих мечтательных времен, как жаль развалившегося, сгнившего ларинского дома и тех признаков близкой старины, что улетели от нас...

Однако, проезжая сотни и тысячи верст по пепелищам и закрывая глаза на то, чего не вернуть, все же можно найти в России уцелевшие уголки старых лет. Вокруг обеих столиц еще сохранились кое-какие пригородные имения — правда, ничтожная часть того, что было.

С. Ф. Щедрин. **Пейзаж в окрестностях Пертербурга**

описания фон Гуна, Павла Свиньина, Бурьянова, Шаликова — всех тех, кто еще видели красоту и умели ее оценить. А главное — хотели ее, искали, требовали и потому, может быть, иногда переоценивали ее.

Боже мой, какая страшная перемена произошла с тех пор в России, как хочется теперь какого-то нового завоевания земли, новой культуры, новых людей и нового искусства! И как

Под Петербургом, например, стоит несколько помещичьих домов, снаружи и внутри сохранивших свой прежний облик. Вдоль Невы, по направлению к Шлиссельбургу, можно встретить старинные усадьбы.

Дача Зиновьевых, одна из первых в России построек Монферрана, осталась почти такой же, какой была. Из-за зеленых кущей деревьев в жаркий летний день приветливо глядят кры-

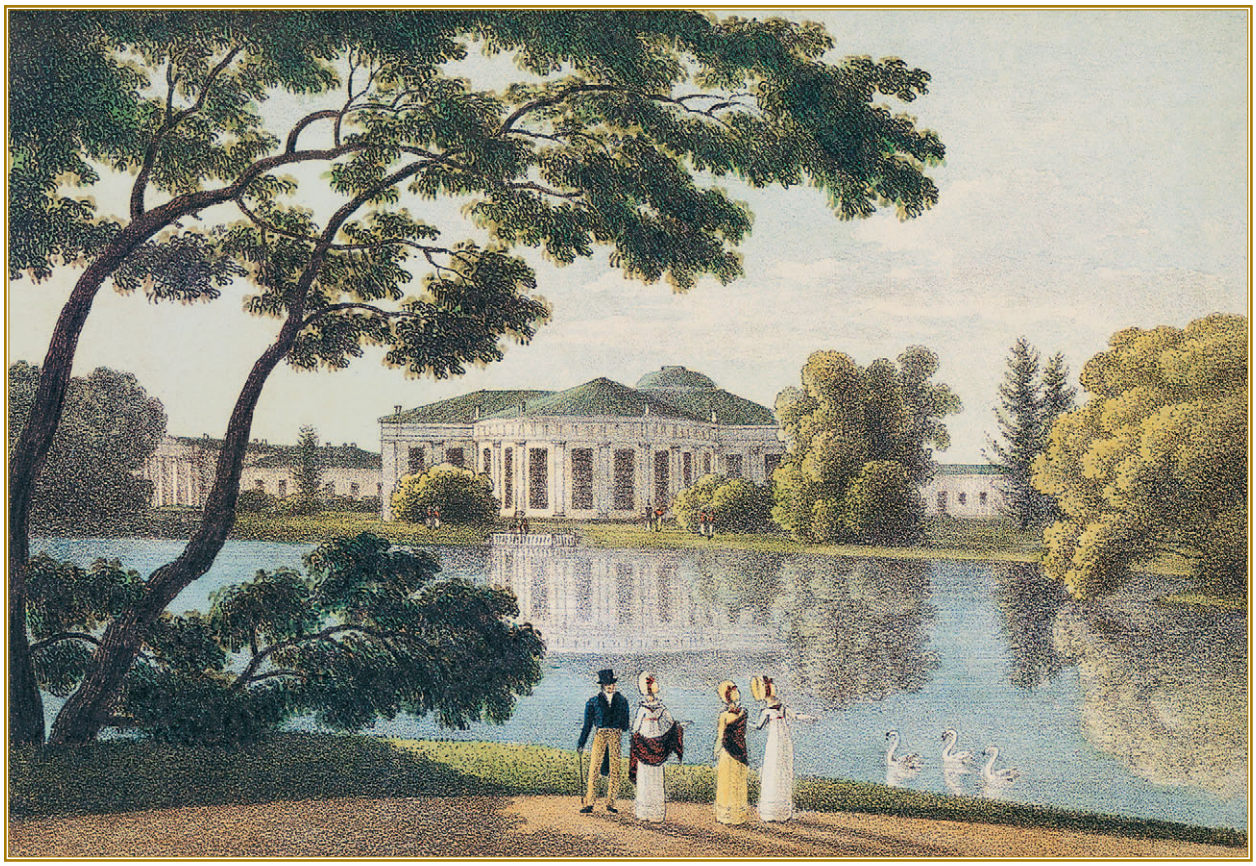
И. А. Вельц.
Весной в окрестностях Петербурга. *1896 г.*

ши желтого с белым деревянного помещичьего дома. Красива терраса, спускающаяся от дома к воде. Широкая лестница по бокам уставлена мраморными бюстами божеств и античных героев. Дом внутри — простой и широкий, приветливый и уютный. В саду еще сохранился покосившийся деревянный «Эрмитаж», с вечно заколоченными, уныло глядящими окнами. А парк — большой, бесконечный, зеленый и радостный — так же, смеючись, шумит и шепчется листвой... По той же стороне Невы, еще выше к Шлиссельбургу, некогда великолепные Островки стоят серые и разоренные.

Дивное бывшее потемкинское имение торжественно высится среди ряда прихотливых зеленых островков, образуемых рукавом Невы. На холмах, поросших густым парком, белый гигант-дом с высокими башнями напоминает дворец Чесменский. Стройно вытянулась башня, а с нее, со сторожевой вышки, далеко-далеко видно Неву с ее берегами. Дом белый, с красными крышами, окна, как бойницы. Дальше, у подножия холма,— бывшая оранжерея Светлейшего; теперь владелец имения, купец И. М. Олейников, перестроил ее в церковь. Внутри большого дома все разграблено: нет мебели, закрашены заново стены, лишь кое-где старые потолки с затейливыми узорами. Аллеи парка, то прямые с высокими деревьями, то извилисто-капризные, разбегаются по холмам и островкам. И всюду торчат назойливые и кричащие, убогие и неряшливые, охрой выкрашенные домики-дачи. Еще страшнее эти дачные колонии на той стороне Невы, где пароходная пристань Лобаново.

От старины здесь остались лишь маленькая хорошенькая церковь 1808 года при старом кладбище да покосившийся, неприветливый бывший Кокошкинский помещичий дом.

Далее в трех верстах — Медное, бывшее имение чудака Саввы Яковлева, названное так по имени меднопрокатного завода, ныне уничтоженного. После Яковлева дом перешел к каким-то Ивановым, потом — к писателю Лейкину; этот последний завещал Медное в пользу петербургских Городских училищ. Дом содержится прекрасно. Он с колоннами, с куполом над большим залом. Весь зал расписан забавны-



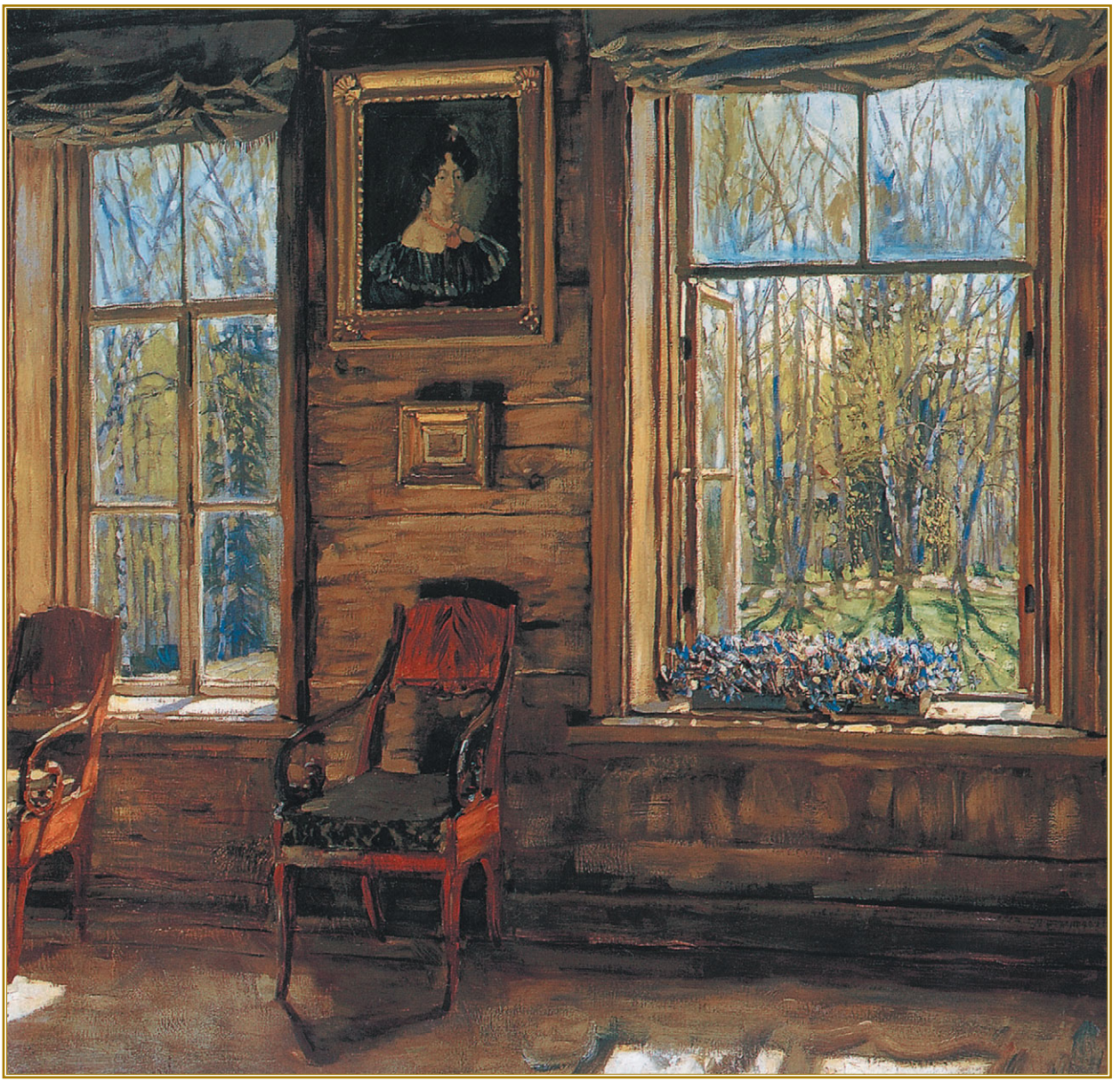
А. Е. Мартынов.
Таврический дворец со стороны сада.
Литография, раскрашенная акварелью. 1821—1822 гг.

Дворец был построен по проекту И. Старова в 1783—1789 гг. и принадлежал фавориту императрицы Екатерины II князю Григорию Потемкину. В царствование императора Павла I во дворце размещался конногвардейский полк, и зданию был нанесен огромный ущерб. Дворец был восстановлен в 1802—1804 гг. Л. Руска

ми фресками с курьезными типами русских крепостных в ролях богов мифологии. Краски яркие и пестрые; живопись конца XVIII века, как бы предшественника Венецианова, но более правдива, по краскам резче и пестрей. Общий эффект яркий, совсем современный plein air (*фр.*) — на свежем воздухе. Эти фрески в дивной сохранности, заботливо содержатся, прикрытые бумагой от порчи. С переводом колоний в другой дом они через несколько лет будут открыты.

По той же стороне Невы — станция Ивановское, где находится бывший, великолепный некогда дворец Пелла. Остались лишь жалкие следы былого величия загородного увеселительного дома. Красивый круглый купол высится над колоннадой, как в Таврическом дворце. Дом — белый с желтым; только, бог весть почему, начальство артиллерийского парка, который помещается в здании, выкрасило весь задний корпус, кольцом охватывающий дворец, небесно-голубой краской. Дом в ужасном виде: запущен, стены лупятся, внутри все застроено безобразными клетушками, переделано и изменено. Обелиска Кваренги в саду нет, да и сам сад безжалостно вырублен, и кругом опустелого дома — голый грустный луг с хозяйственными постройками.

По Петергофской дороге еще хуже: уничтожены и перестроены пригородные усадьбы, отданы дивные дачи Щербатова и Мятлева под сумасшедшие дома. Только дом графа А. Л. Шереметева еще стройно глядит белым фасадом

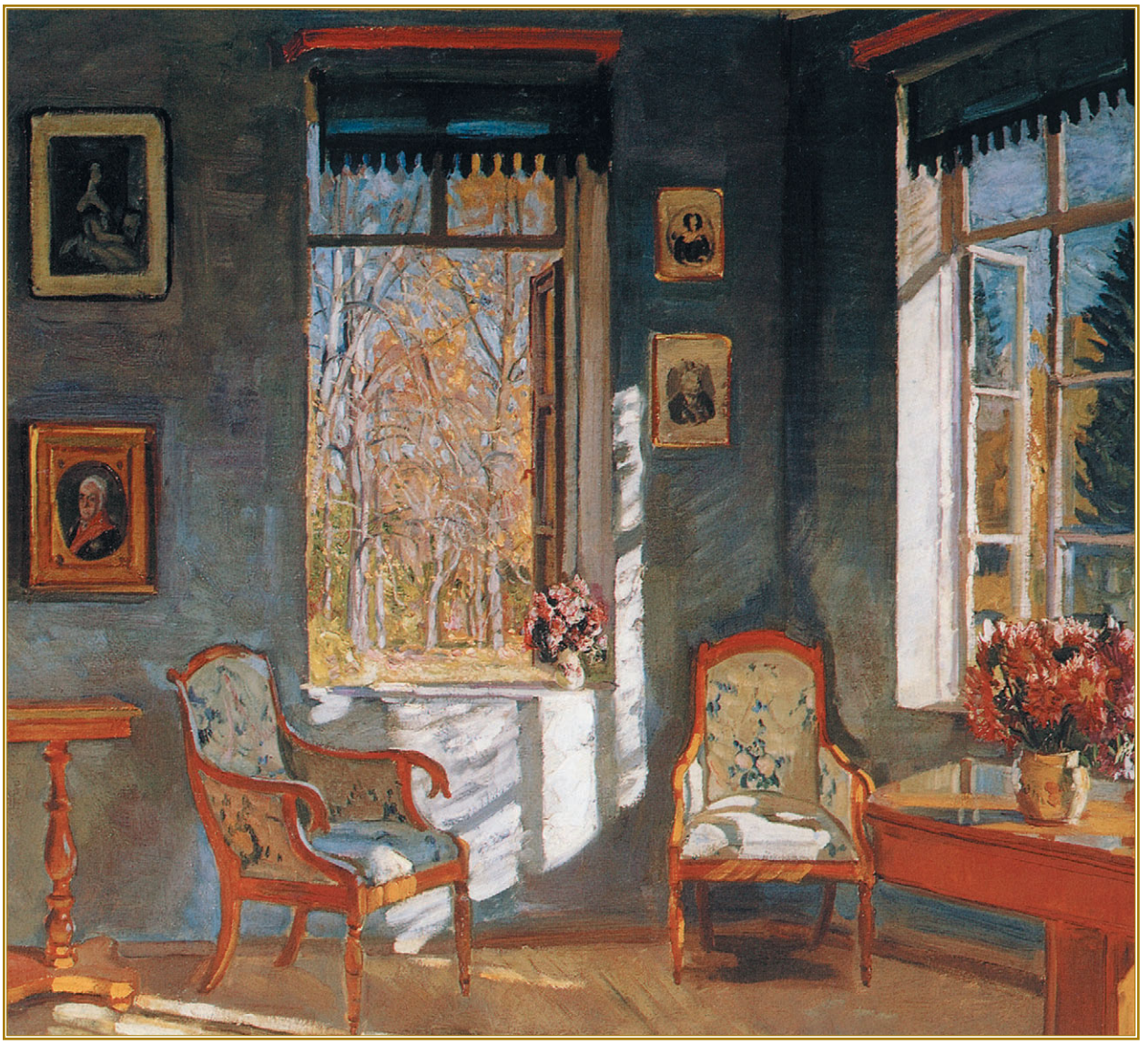


С. Ю. Жуковский.
В старом доме. *1912—1913 гг.*

из-за зеленой кущи деревьев огромного сада. А Рябово в окрестностях Петербурга, славное Рябово, где так мило играли в любительских спектаклях гости хлебосольного Всеволожского?

Оно цело, и Всеволожские живут в нем. Среди сада, скрытый деревьями, стоит большой, поместительный барский дом. Незатейлива его архитектура, но в скромных и спокойных пропорциях — ясная простота, так идущая к помещичьему дому. Внутри дом большей частью новый, устроен с комфортом; от прежнего времени сохранилась только гостиная, выходящая на террасу, в сад. Красива маленькая низенькая домашняя церковь в верхнем этаже с великолепными Царскими вратами.

В доме есть хорошая мебель: французский резной шкаф второй половины XVIII в. и другой, маркетри 1753 года, диван a la Louis XV; хорош бронзовый Прометей Козловского, такой же, как мрамор у Е. И. Всеволожской и гипс в Музее Александра III. Интересны семейные портреты Кикиных, Всеволожских, княгини Голицыной — La Vieille du rocher (*фр.*) — особы старого закала — кисти Рокотова,



С. Ю Жуковский.
Интерьер. *1917 г.*

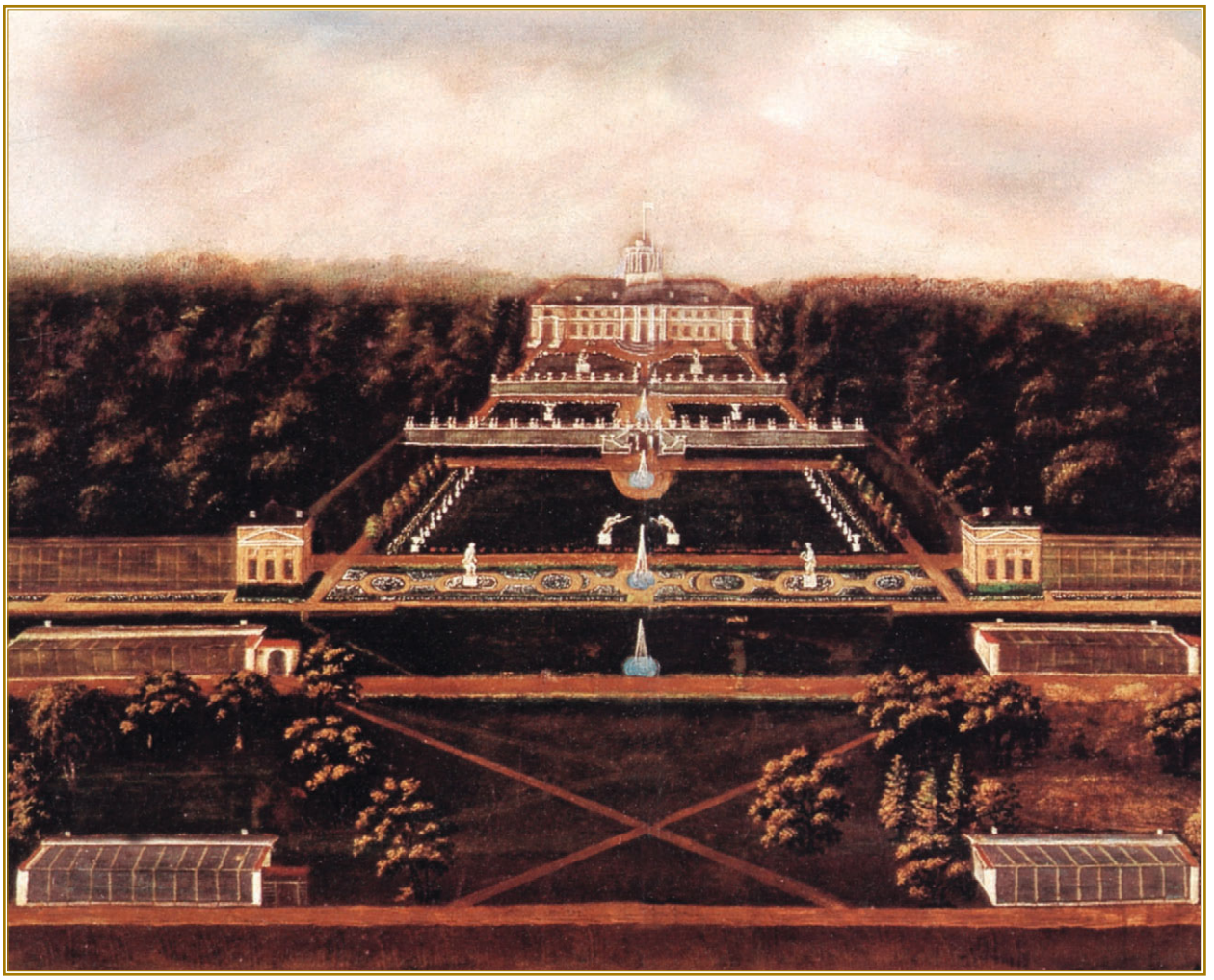
картина рубенсовской мастерской, «Казак» — Орловского. Вот и все, что осталось старого в большом и уютном Рябовском доме.

Но где же другие барские усадьбы, пригородные дачи, столь заботливо и красиво устроенные уюты близкой старины? Где дачи Вольфа, Бестужевой, Шувалова, Строганова, Безбородко, В. В. Долгорукова, кн. Дашковой, Лаваль, Миних, кн. Лопухиной, Кожина, Молчанова, где «Ага!» и «Ба! Ба!», где дачи Мятлева, Куракина, Репнина и сотни других? В лучшем случае, от них сохранились стены, а внутри устроены фабрики или сумасшедшие дома; большинство целиком уничтожено.

В окрестностях Москвы больше помещичьих усадеб. Родовые традиции бережливее сохранялись в старых подмосковных, и красивы до сих пор пригородные имения. Конечно, эта сохранность только относительная. Ведь от Кузьминок, отдаваемых под дачи, или от Ноева сохранились только стены, ведь не осталось и следа от великолепного Кучук-Кайнарджи, ведь безжалостно, варварски разорены Горенки и десятки других поместий. Но все же еще сохранилось кое-что.

Архангельское князей Юсуповых — волшебный дворец по своему великолепию, вкусу и изысканности убранства — дает представле-

И. И. Шишкин.
Полдень в окрестностях Москвы. *1869 г.*



Неизвестный художник.
Архангельское. Вид на усадьбу с юга. *Середина XIX в. Фрагмент*

ние о том, что в свое время было в Горенках, в Почепе, Ляличах и других имениях-дворцах; это не усадьба средней руки помещика, привлекательная теперь только своим отжившим бытом, это — поистине дворец, не уступающий по красоте итальянским виллам.

Входные ворота с летящей Славой, терраса с рядом мраморных бюстов, передняя, зал, картинная галерея, спальня герцогини Курляндской, домашний театр, статуи, картины Робера, Тревизани, Гвидо Рени, Ван Гойена, Греза, Ротари и Торелли — все это сохранилось до сих пор в полной неприкосновенности. Архангельское вместе с Кусковым — единственные дошедшие до нас русские поместья вполне европейского уровня. Когда подъезжаешь к Кусково и входишь в массивные белые ворота, то вдруг кажется, что перенесся и в другую страну, и в другое время.

Трудно поверить, чтобы в Московской губернии, среди грязных мужицких изб, голодающих крестьян, в мире полуварваров могла родиться волшебная сказка. Но еще непонятнее, как во всеобщей разрухе уцелела и дошла до нас эта прекрасная повесть о минувшем. После скверной железнодорожной станции и дачных построек Кусковский дворец и парк кажутся такой дивной, прелестной выдумкой, в которую не смеешь поверить. Строгие аллеи сада со стрижеными деревьями чудятся грезой о Версале или Шантильи. Сад, дом и сокровища его почти целиком сохранились такими, как их описывал Свиньин в начале XIX века:

«Прежде всего пустился я осмотреть дом, о великолепии коего наслышался с малолетства, великолепию коего, сказывали мне, удивлялся император Иосиф и где два раза граф Шереметев достойно угощал Великую Екатерину. Мно-

Шпалера фламандской работы во Второй гостиной дворца в Кускове.
Конец XVII — начало XVIII в.
Шпалера выткана из толстой крученой шерсти свыше 10 тысяч оттенков цвета

гие картины, писанные на особые случаи, многие фамильные портреты, некоторые вещи, подносимые графом Шереметевым, и тому подобное возбуждают богатые воспоминания. Вообще Кусково может быть причислено к тем местам, где невольно задумываешься, ходя, так сказать, по следам, еще не остылым».

Курьезно, что Свиньин уже жалел о том, что от старого шереметевского Кускова осталось мало. Но мы довольны и тем, что дошло до нас со времени Свиньина. Останкино уступает Кускову, так как сюда в старину стекались только остатки, не нужные большому дворцу Шереметевых, но и Останкино — дивная усадьба. Оно также сохранилось в целости и почти не имеет последующих наслоений. Того же нельзя сказать о загадочно-прекрасном, мрачном имении Покровское-Стрешнево.

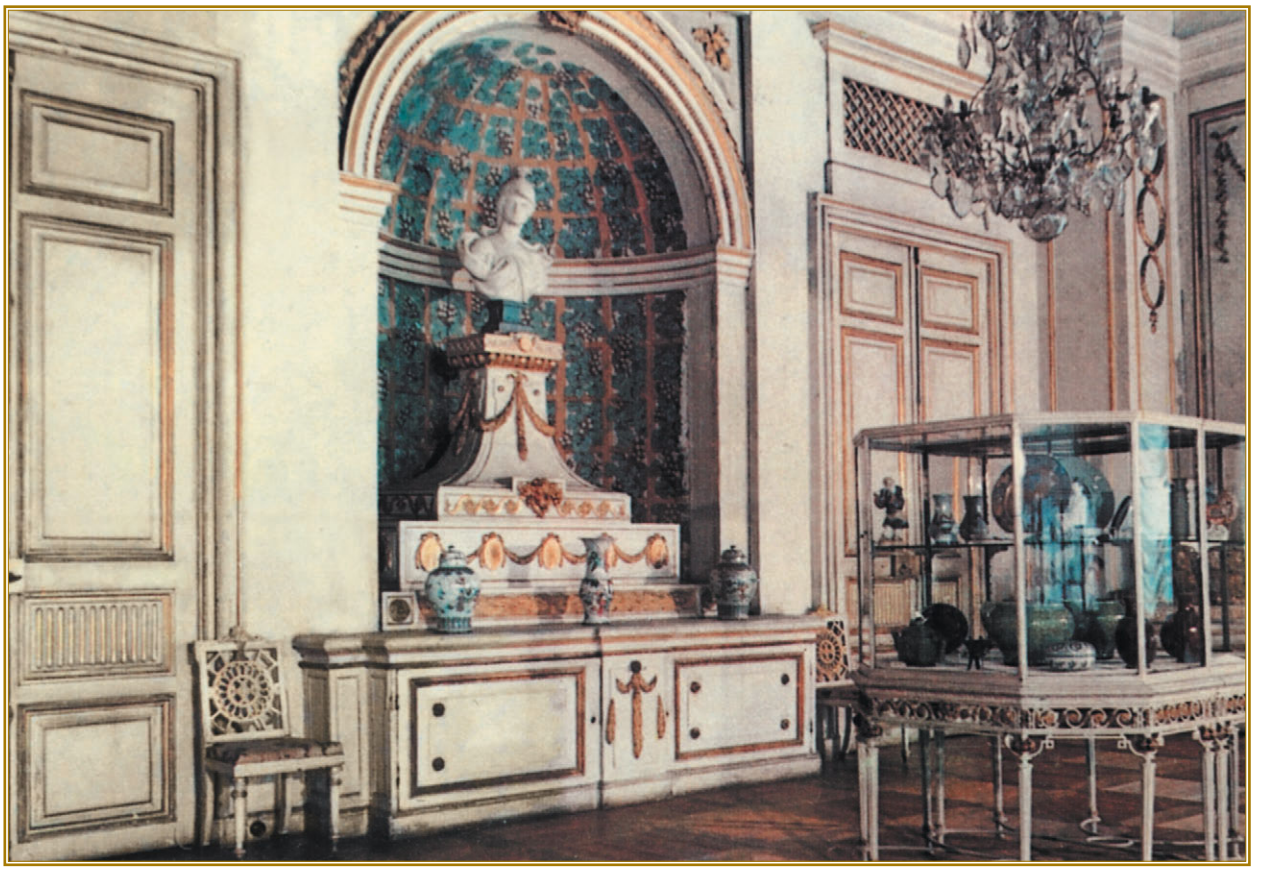
Оно почти все перестроено, и эти перестройки производились несколькими поколениями его владельцев. Рядом с центральным фасадом XVII столетия есть боковые пристройки XVIII

века, отделка комнат empire, дивный Ванный домик в саду в стиле Людовика XVI и часть совсем новых сооружений в «индейском» стиле, воздвигаемых по рисункам нынешней владелицы Покровского княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой. Но, несмотря на такое дикое сочетание и часто невозможную смесь всех эпох, дворец Покровского со своим необъятным вековым парком, окруженным высокими, мрачными, недавно воздвигнутыми стенами, производит какое-то жуткое и неизъяснимо чарующее впечатление.

Совсем особый мир воспоминаний и былин, длинная вереница семейных хроник, причудливая повесть о чудачествах обитателей дома привлекает и манит вас.

Будто видишь за высоким фасадом в узких окнах, поросших плющом, бледные облики Елизаветы Петровны Глебовой-Стрешневой, ее сына Петра, племянницы Лизы Щербатовой, старой-старой крепостной Дарьи Ивановны Репиной, скончавшейся в девяносто восемь лет в ноябре 1905 года. Хороша синяя, «цвета сахарной бумаги», гостиная в большом доме, отделанная a l'antique в помпеянском стиле, с красивой белого дерева мебелью конца XVIII века.

Потом идешь по саду с бесконечными прямыми дорогами, окаймленными столетними деревьями, идешь долго к Ванному домику, вход в который охраняет маленький мраморный Амур. Дом стоит над гигантским обрывом, поросшим густым лесом, который кажется мелким кустарником, уходящим вдаль. Построена эта очаровательная игрушка мужем Елизаветы Петровны Стрешневой как сюрприз жене. В книге «Mon aieule» (*фр.*) — «Мои предки» рассказана эта повесть. Дом полон дивных английских гравюр, хороших старых копий с семейных портретов. И на каждом шагу, в каждой комнате, кажется, будто бродят тени тех,



Столовая в усадьбе Кусково.
В первых описаниях усадьбы Кусково значится:
«Буфет расписан под трельяж с виноградными листьями и кистями...»

кто здесь жил. В красной маленькой гостиной виднеется надпись:

«16 июля 1775 года Императрица Екатерина Великая изволила посетить Елизаветино и кушать чай у владелицы оного Елизаветы Петровны Глебовой-Стрешневой».

В другой комнате, на антресолях, опять воспоминание:

«В этой библиотеке Николай Михайлович Карамзин писал многие страницы своей «Истории России».

В других уездах Московской губернии также сохранилось несколько родовых имений. Лучшие помещичьи усадьбы принадлежали Голицыным или перешли от них по наследству. Их многочисленная семья оставила в жизни крепостной России много памятников, драгоценных для истории культуры и искусства. Голицынскими были и Архангельское, и Марфино, и погоревшая Зубриловка Саратовской губернии, и Козацкое Киевской губернии. Голицыным принадлежат теперь Городня близ Калуги, Марьино близ Новгорода, Петровское, Никольское, Дубровицы и Кузьминки под Москвой.

В Никольском все чудится жизнерадостной веселой улыбкой беспечного времени и прихотливых кукол-людей; в Покровском — чудаческой сказкой, недоступной и щемящей своей жуткой красотой; в Кускове — пышным праздником российского Версаля; в Петровском — тихим рассказом, степенным повествованием, задумчивой грезой. В голицынской России и дальше от Москвы есть старые гнезда, полные ласковой щемящей тоски о прошедшем. Железняки Калужской губернии, принадлежащие князю В. М. Голицыну, — не историческое имение, не дом-дворец, а простая милая русская усадьба, тот уют помещичьего быта, что дал поэзию Пушкина, Тургенева и Толстого.

И каждый, кто когда-либо жил в русской деревне и ощущал на себе ее порабощающее обаяние, поймет и почувствует, что, право, помимо чисто внешних форм жизни и вещей, в прежних предметах, как и в людях, есть магическая сила и своя, особая, непреодолимая красота. Вот почему таким добрым и ласковым эхом нежат нас старые картины, прежняя музыка, старинные дома и старосветские люди. Старый дом Железняков полон портретами времен

О. И. Клодт.
Михайловское. Общий вид усадьбы. *1822 г.*

Екатерины и Александра. Здесь почти вся семья графов Лазаревых, Деляновы, княжна Анна Давыдовна Абамелек, впоследствии Баратынская.

Когда-то, помню с умилением,
Я смел вас нянчить с восхищеньем:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели: с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь,
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь! —

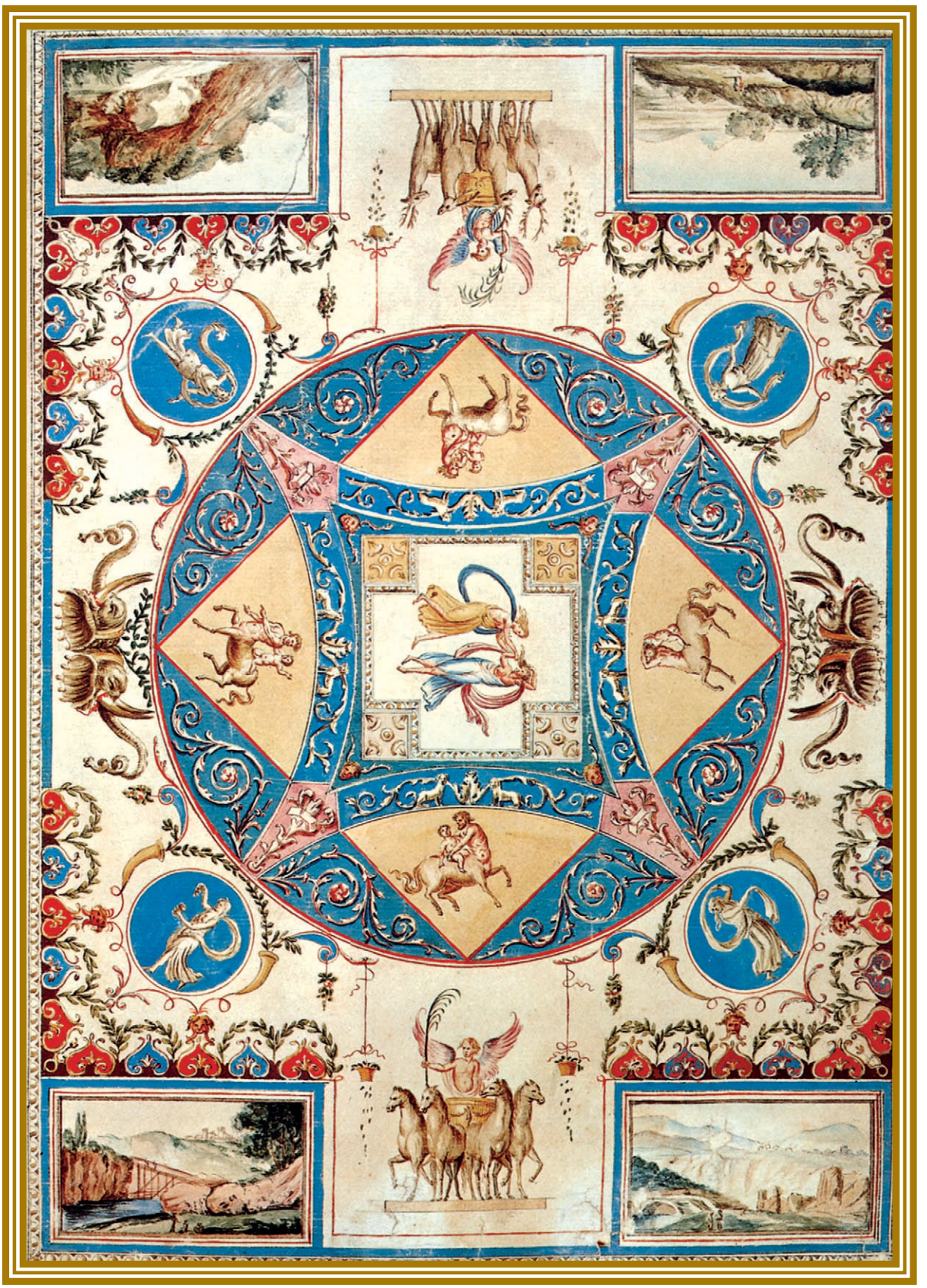
писал Пушкин, восхищавшийся огненными глазами и райской красотой Баратынской. Эта пушкинская греза как бы до сих пор веет над уютным домом Железняков. А смотря на прелестный рисунок А. Брюллова — «Лазарева, рожденная княжна Бирон», вспоминаются мемуары de la duchesse de Dino (герцогини де Дино), которая не раз о ней упоминает.

Но вернемся в Московскую губернию. Здесь опять голицынская Россия — Кучук-Кайнарджи — князя Николая Сергеевича или, правильнее, место, где некогда стоял Румянцевский дворец. Лет 40 назад он уничтожен, а теперь тут маленький невзрачный дом. Только невдалеке, в деревне Фенино, еще остались следы от пребывания Румянцевых. Это памятник Екатерине II, исполненный Демут-Малиновским. У бюста государыни в шлеме Минервы — фигура Победы с копьем. У ног ее извивается змея. Надпись на памятнике говорит: «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающа навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского крестьяне приобрели безмездную свободу в 1833 году. От благоговеющей благодарности графа Сергия Румянцева».

Недалеко от Фенина — пепелище Никольского — бывшего имения Салтычихи. Потом еще, еще...

Но не одни Голицыны владели в старину красивыми усадьбами.

Н. Н. Ге.
Пушкин в селе Михайловском. *1875 г.*



Проект плафона павильона «Каприз» в усадьбе Архангельское

Одна из самых чудаческих построек крепостной России — дом Люблина, ныне принадлежащий Голофтееву.

Нелепая на первый взгляд затея Дурасова — построить дом в форме ордена — осуществилась с таким изысканным вкусом и мастерством, какие редки даже в лучших архитектурных созданиях России. Дом снаружи и внутри содержится превосходно. Уцелели все фрески en grisaille в прелестной столовой, пейзажи в гостиной и дивный Белый зал. Красив плафон «Пир Вакха», по преданию, писанный Скотти. Здесь же отличный бюст императрицы Марии Федоровны «в память посещения 1818 г. мая 23 дня». Этот бюст работы Гишара в том же типе, как известные изображения императора Александра, Константина Павловича и императрицы Елизаветы Алексеевны. Недалеко от дома стоят театр и два флигеля с фризами танцующих фигур; когда-то они служили помещением для крепостных актеров дурасовской труппы. Прежде вокруг дома был дивный сад, который так восторженно описывается мисс Вильмот.

Теперь не осталось и следа от былого; в 1904 году страшный ураган вырвал с корнем 100 десятин, засаженных старыми деревьями. Так не пощадила судьба усадьбы, и только дом говорит о минувшем великолепии. После нежной заботливости, какой окружено Люблино теперешним владельцем, страшно очутиться на развалинах Горенок, бывшего дворца Разумовских. Сперва имение было отдано под фабрику, а теперь и ее нет. Хмуро, как раны, глядят глазами-впадинами выбитые окна гигантского дома. Местами на потолках, где не совсем облупилась штукатурка,— смутно мерещатся прелестные фрески в виде барельефов. Чудится, как хорош был плафон зала с фигурами амуров en grisaille. Здесь поме-

А. П. Васнецов.
Шум старого парка. *1926 г.*

И. И. Шишкин.
Вид в окрестностях Петербурга. *1856 г.*

щался театр, и еще видны здесь атрибуты Аполлона. Все грязно, все валится и гниет; окна разбиты, и воробьи летают по комнатам; а стены, дивные стены, испещрены глупым мараньем-рисунками и надписями.

Боже, что делается в бывшем парке, в парке «русского Линнея», где трудились лучшие садовники Европы! Видны места, где некогда находились пруды, что теперь высохли. Два зеленых чугунных орла сторожат террасу, ведущую к заросшему зеленью молчаливому озеру. А вдали — деревня: поют пьяные голоса, скрипят телеги и визжит гармоника. Жалко Горенок, и жалко думать, что сгнило все лучшее, что было.

В Тульской губернии — также лишь остатки старины. Здесь некогда славился Богородицк, подарок императора Павла I Бобринскому, сыну Екатерины. Действительно, это имение должно было представлять в свое время нечто замечательное. Весь город Богородицк построен веером к дому, а не дом к городу. И этим торжественным подчеркиванием как-то особенно выделяется усадьба. Предание, как это часто случается, без всяких оснований считает дворец Богородицка постройкой Растрелли. Однако это неверно. Не говоря уже о классическом стиле дома (позднейшей, впрочем, переделки), и год закладки дворца доказывает невозможность участия Растрелли. В «Записках» Болотова, который часто говорит об этом имении, прямо указан год закладки церкви и дома графа — 1773 год, то есть два года после смерти его псевдостроителя. Сохранились лишь старая дивная церковь и колокольня, в которой подъездные ворота; дом сильно потерпел от пожара в 1840-х годах. Надо думать, что старый дом строился по чертежам самого Болотова, который, как известно, был художник-любитель. По крайней мере, имеющийся в семейном архиве план 1784 года подписан им. Когда-то во дворце были дивные сокровища, но теперь их почти не осталось.

А. Глаголев, посетивший Богородицк в 1823 году, пишет: «На луговой стороне обширного пруда видишь собрание хижин и изб, крытых соломою; по другую сторону, на плоском холму, великолепный дом графа Бобринского и об-

ширный сад, который в прошлом столетии почитался чудом здешнего края. Напрасно будем искать здесь следов прежней пышности и роскоши; но печать изящного вкуса надолго еще останется неизгладимою».

И вправду, до сих пор — ненаглядной красоты высокий дом над обрывом пруда среди густого-густого тенистого сада. Внутри большого дома почти не сохранилось старого. В передней, высоко над лестницей, сиротливо приютились три сильно потемневших, но все же дивных панно Гюбера Робера; в доме есть хорошая мебель итальянской работы XVII века; в боковом флигеле — отличный голландский шкаф с инкрустированным изображением Петра I, миниатюра Зичи, несколько акварелей Болотова, красивый фарфор Saxe, найденный замурованным в стене церкви.

В Калужской губернии еще хуже. Чувствуется дыхание смерти над поэтичным Полотняным Заводом, от дивного Мансурова остался лишь дом, где живет граф Илья Львович Толстой, сын Льва Николаевича. Только Прыски Н. С. Кашкина тщательно сохраняются. Но са-

В. К. Каменев.
Вид окрестностей Гатчины. *1867 г.*

мое страшное из всех уничтожений Калужской губернии — гибель Троицкого княгини Дашковой. Помните любовь ее к своей усадьбе и восхищенные описания мисс Вильмот? Потомок княгини, граф Воронцов-Дашков, не захотел сохранить родового гнезда — дом в два этажа уже дважды перестроен. Сперва здесь была помещена суконная фабрика, потом — писчебумажная.

Затем граф Воронцов-Дашков продал все. Купил Дворянский банк, и ушла даже жизнь фабрики. И стоит мертвый и унылый дом, полный глухого проклятия. Церковь неуклюжая, старая, Аннинская: снаружи нетронутая, внутри вся поновлена. Только цела одна риза, шитая жемчугом. В саду, что в 1873 году восхищал П. Бартенева, еще страшнее развал.

Здесь, недалеко от церкви, высится простая высокая башня. По преданию, княгиня любила входить на нее смотреть дивные окрестности с далеким видом на Серпухово. На «Бестолковом месте» еще сохранился обветшалый памятник в виде пирамиды. Он весь зарос бурьяном и кустарником, и коровы и лошади пасутся тут же. У дома направо — какая-то покосившаяся башенка; это бывшая библиотека, которая некогда находилась на крыше старого дома. Нечего говорить, что от книг не осталось и следа. Я был в Троицком, когда три дня подряд горели окрестные села. Бил глухой набат, бил днем и ночью, сзывая народ. Красный язык пламени спокойно и настойчиво лизал свежую зелень ближнего парка и леса. Так умирало все, не только в усадьбе, но и кругом, повсюду. И думалось, что только случайно еще не съел огонь и не постигла разруха все родовые гнезда...

И опять длинной вереницей вспоминались из старых книг описания прежних людей, прежней России. Так же, как прежде, бежали вдаль дороги и реки, так же шумели леса и на небе смеялось солнце, и мечтала луна, и дрожали звезды — все то же, что было столетия. В нерушимой своей красоте осталась природа великая и вечная; и если сгорели деревья Троицкого, то вырастут новые и еще лучше. Но, бог весть, создастся ли на старых пепелищах новая, радостная и красивая жизнь...

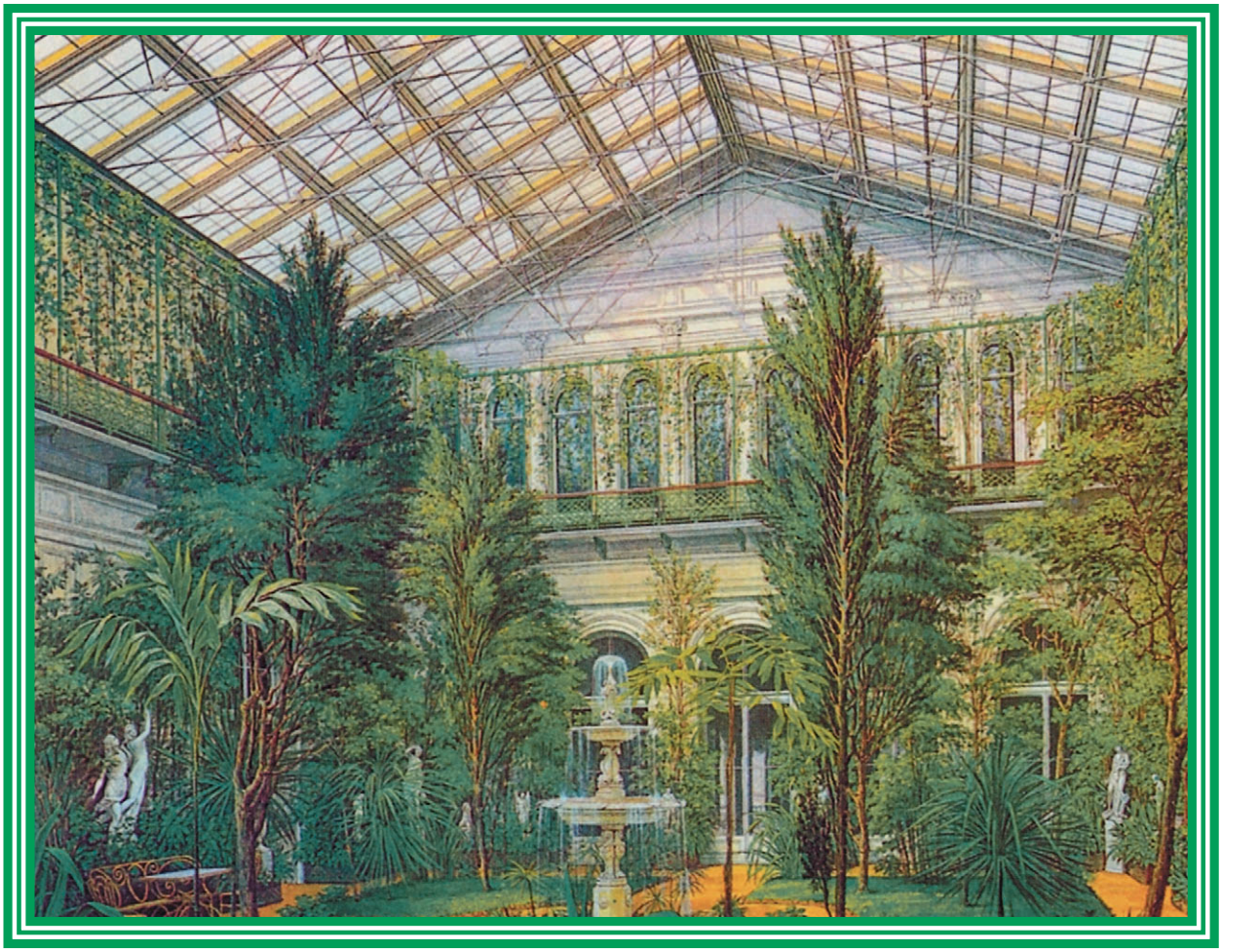
А. Мартынов.
Церковь в селе Троицкое-Голенищево

А. Э. Регель

Художественные сады

В 1816 году Александр Воейков перевел «Книгу о садах» Делиля
и дополнил ее описанием русских парков:

Пример двора священ вельможам, богачам;
Во всех родилась страсть изящная к садам:
В Архангельском сады, чертоги и аллеи —
Как бы творение могущей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой.
Село Кусково, где боярин жил большой,
Любивший русское старинно хлебосольство,
Народны праздники и по трудах спокойство.
Люблино милое, где легкий, светлый дом
Любуется собой над сребряным прудом.
Нескучное, отколь с чертогами, с церквами
Великая Москва лежит перед глазами
С Кремлем, возвышенным во образе венца;
Пред взорами Москва — и нет Москвы конца.
О Муза! Зрелищем роскошным утомленны,
В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет,
Древ тенью Савинских укрывшись от забот;
Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться;
Сюда манит лесок, туда приятный луг;
Тут воды обошли роскошные вокруг;
Там Юнг и Фенелон, вдали кресты, кладбище
Напоминают нам и вечное жилище,
И узы жизни сей; умеют научать,
Не разрывая их, помалу ослаблять.
Здесь памятник Гюён, сея жены почтенной,
Христовой ратницы святой и исступленной,
Которая, сложа греховной плоти прах,
До смерти, кажется, жила на небесах,
Которая славна и у врагов закона
Примерной жизнию и дружбой Фенелона.



Его императорскому величеству государю императору
Николаю Александровичу с глубочайшим благоговением
всеподданнейше посвящает Арнольд Регель

ИЗЯЩНОЕ САДОВОДСТВО

Каждое практическое искусство имеет свою промысловую и свою идеальную сторону. Если преобладает первая, т. е. когда главной целью является хозяйственная пригодность, материальный расчет, то и самое занятие носит ремесленный, цеховой, мещанский характер, который Бисмарк так удачно отметил словом «banausisch»[1]; если же вопрос о выгоде и барыше отходит на последний план, уступая место бескорыстной любви к делу — 1'art pour 1'art — тогда искусство возвышается до степени художества.

Обыденный экономический сад, каких только и знала допетровская Русь, не имеет ровно ничего общего с художеством и стоит почти наравне с огородом; если же порою щеголяет коекаким убранством, то даже и это скромное украшение ему редко к лицу, так что к нему с успехом можно применить пародию на известный стих Богдановича: «Во всех ты, Душенька, нарядах — постряпуха».

Но есть иные сады, которые, по выражению Л. Мэри, образуют «des poèmes en arbres et en fleurs»[2]; они всецело принадлежат художеству,

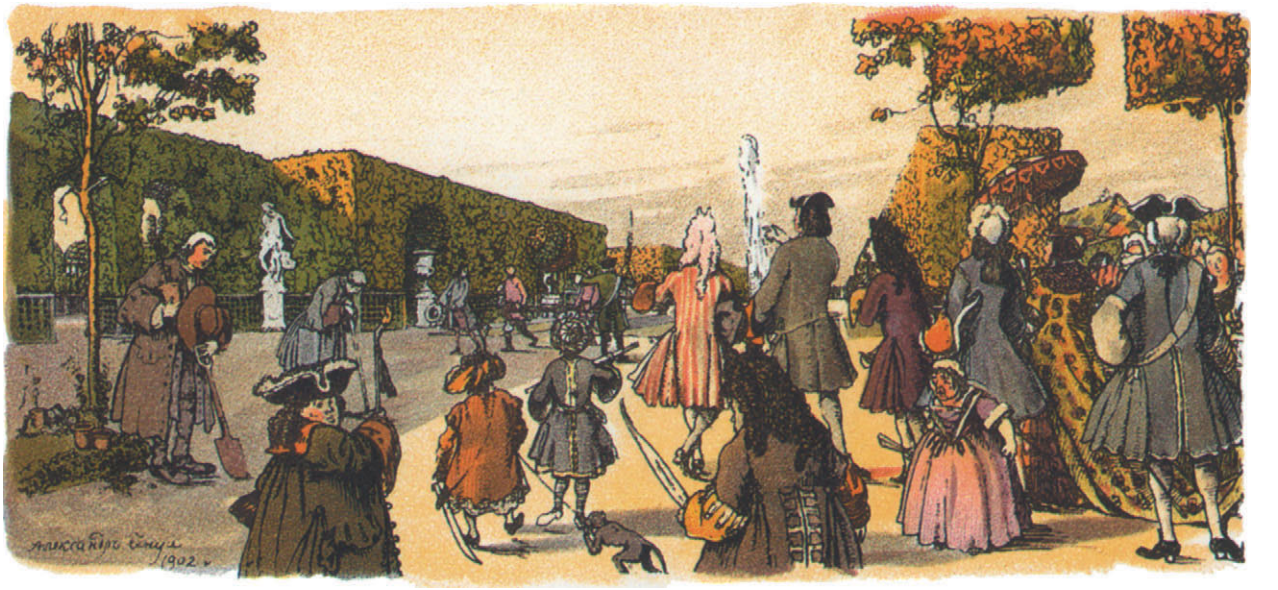
Н. Набоков.
Придворный праздник при Петре I в Летнем саду. *1903 г.*

любительству, спорту и, в свою очередь, не имеют ничего общего с ремесленным шаблоном и с жизненной прозой.

Такие сады, которые я называю «художественными», являются созданием общей матери всех изящных искусств — архитектуры, и до половины минувшего столетия были исключительно ее достоянием; впоследствии же, когда искусственность и симметрия сменились естественностью и равновесием,— когда сад перестал быть архитектурной деталью и начал самостоятельное бытие,— когда мрамор и бронза уступили первое место царству Флоры,— словом, когда кончилась эпоха романского стиля и возник англо-германский парк; тогда главным композиционным элементом становится не пластика, а живопись.

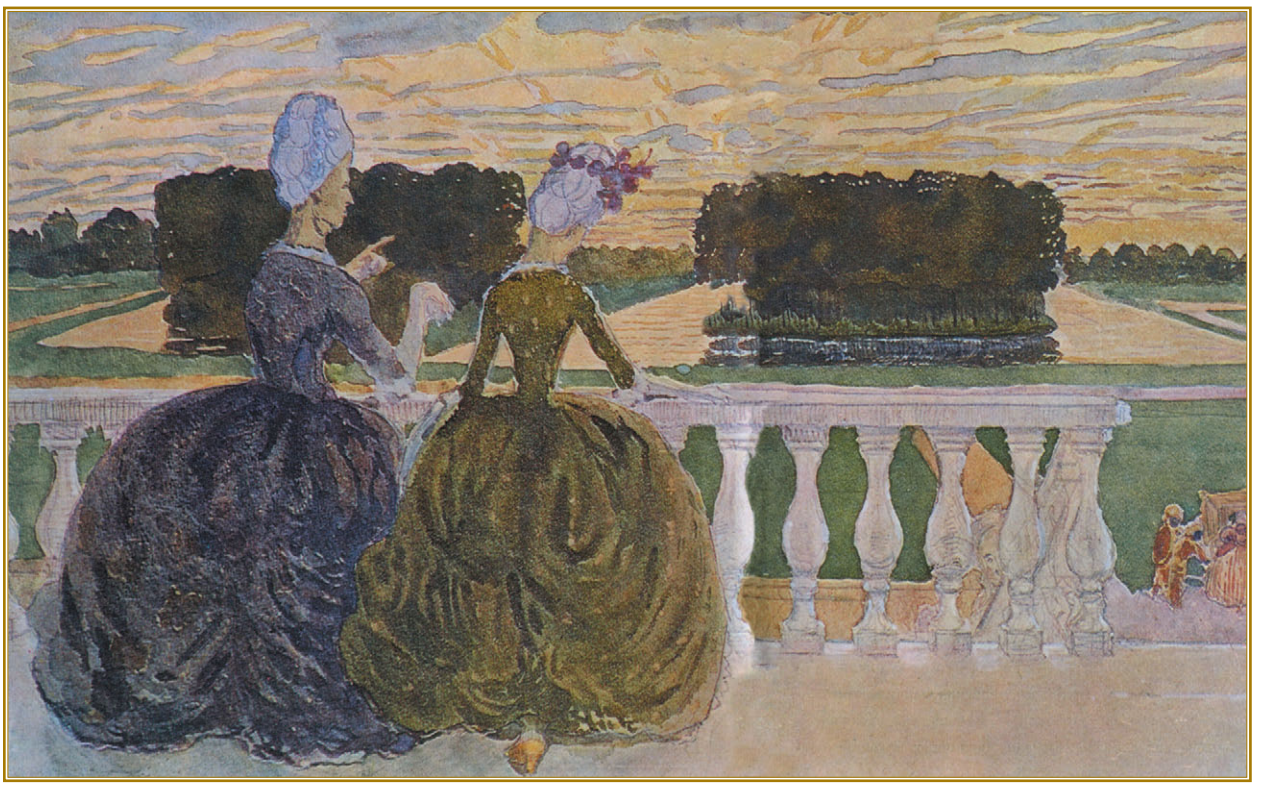
Переломы не совершаются без борьбы: рутина — т. е. узкость, косность, отсталость, бездарность, нравственная лень — с ожесточением отстаивает старье, отвергая всякие новшества, на основании знаменитого парадокса: «Il meglio è il nemico del bene»[3]; новаторы же, со своей стороны, увлекаясь новизной и духом противоречия, не оставляют камня на камне и беспощадно уничтожают даже то, что в старом было действительно хорошего. Такие крайности, возникающие во время борьбы партий, сами по себе не устойчивы, не долговечны, а потому и существенный вред их невелик; зато они донельзя полезны в том отношении, что освещают принципы противника с худших сторон, а собственные — с лучших, так что в результате приводят к среднему выводу, т. е. к истине.

Борьба искусственного, симметрического начала с естественным, живописным, уже давным-давно улеглась: в художественном садоводстве, как и во всех изящных искусствах, не существует «абсолютной красоты», т. е. чего-либо вполне удовлетворяющего эстетические чувства, без всякой зависимости от окружающей обстановки; поэтому и художества считаются сестрами, так как они взаимно поддерживают и дополняют друг друга. Следовательно, если практическое искусство задастся художественной целью, то ни о какой борьбе, ни о какой партийности и речи быть не может: подобная цель должна считаться общим делом, для более успешного выполнения которого все сродные искусства должны дружно содействовать по мере сил. Поэтому



А. Ильин.
Придворный праздник при Петре I в Летнем саду. *С акварели А. Н. Бенуа*

и садоводство, в чисто художественном смысле, так же мало подлежит монополии живописи, как оно никогда не входило в исключительную область архитектуры: такое садоводство Олфред Миллер относит к «созидательным искусствам», из числа которых именно оно чуть ли не больше всех пользуется услугами сестер. «C'est le rendez-vous des arts»[4],— сказал один из французских пейзажистов, любуясь классической виллой Pia, в Ватиканском саду; и действитель-



К. А. Сомов.
Две дамы на террасе. *1896 г. Фрагмент*

И. Иванов.
Вид Царицына луга от Верхнего (Михайловского) сада. *1814 г.*

но: трудно встретить более гармоническое сочетание архитектуры, пластики и живописи с садовым зодчеством, и именно потому, что общую картину создал один и тот же гений, руководивший всеми деталями,— тут расположил мраморную группу, там назначил место для цветника, здесь фонтан; он же разметил фрески и клумбы, распределил лужайку и аллеи, воздвиг террасы и киоски,— специальные мастера только выполняли его идею; а потому и все создание производит целостный, упоительный эффект, подобно произведению великого художника или шедевру гениального зодчего.

Вместе с вопросом о преобладающем значении архитектуры или живописи в деле садоводства решился еще иной вопрос, тоже принципиальный: роль природных мотивов. В эпоху крайностей натурализм дошел до абсурда, а главное — до безобразия; но именно это и привело к сознанию, что искусство и естественность — вовсе не одно и то же: «L'art n'est que la recherche du beanudans le vrai»[5],— сказал художник-садовод Альфонс Карр.

А между тем в природе встречается на каждом шагу очень многое, что вовсе не прекрасно, а потому в дело же не годится.

Все эти вопросы связаны настолько тесно с общей культурой, что садоводству, бесспорно, принадлежит весьма почетное место в истории искусств: его развитие шло равномерно с ходом просвещения, и в садах, рельефнее чем где-либо, вылился нравственный отпечаток подлежащего народа в каждую эпоху его бытия; тут человек высказался весь, со всеми своими особенностями и наклонностями, мыслями и чувствами, политическими и религиозными понятиями, нравственными началами и общественными взглядами; тут, как в фокусе, отразился весь его духовный мир и выразился в том, что принято называть стилем.

Рамор определяет стиль таким образом: «Stil ist ein zur Gewohnheit gediehenes Fügen in die inneren Forderungen eines Stoffes» — «Стилем называется вошедшее в привычку приурочивание к внутренним требованиям какого-либо предмета». По-моему, стиль можно определить несколько иначе: это — невольное выражение

того, что Помяловский называет «органическими убеждениями», т. е. всей этики человека. Только тогда и подходит к нему знаменитое изречение Буффон: «Le style est 1'homme même»[6].

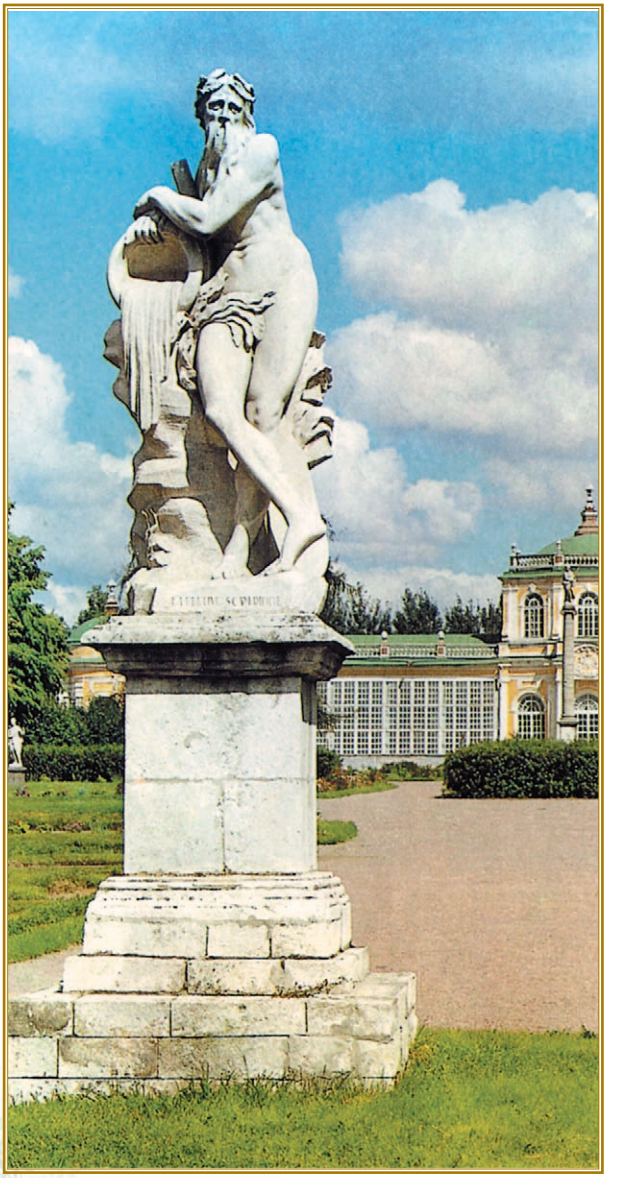
Но стиль есть общее выражение, тип — местное; в садовом деле стиль обозначает какое-либо направление, встречаемое у различных народов и в разное время; а тип — ту определенную форму, которую принимает какой-либо стиль у отдельного племени в известную эпоху. Так, например, мавританский тип принадлежит к семитическому стилю Средних веков.

Очевидно, что, при таких уловиях, сад играет не менее важную историко-культурную роль, чем сама архитектура; а потому изучение истории садоводства и его типов, само по себе, достойно внимания не только художников, зодчих и археологов, но и вообще всякого просвещенного читателя.

С практической же точки зрения предмет этот имеет особое значение, которое до сих пор недостаточно оценено: профессиональный садовник остается чаще всего цеховым ремесленником только вследствие того, что незнаком с теорией садовой техники; архитектор и инженер, которым так часто приходится планировать сад, по той же причине составляют фантастические проекты, иногда очень красивые на бумаге, но — в силу особых причин, которые будут развиты в свое время,— совершенно безобразные на деле; наконец, просвещенные любители — не из числа тех, которые летом уезжают в чужие края, а потому и не видят своего парка или сада во всей красе, вследствие чего мало дорожат им,— иногда тоже фантазируют, но не на бумаге, а на деле, и, напрасно истратив и время, и труд, и деньги, в результате должны довольствоваться плачевными изуродованиями, и, опять-таки, лишь по незнакомству с теорией.

Осуждать русскую публику в безразличности и халатности — давнишняя аксиома, никак не выходящая из моды; но в данном случае такой укор был бы совершенно напрасным: русская садовая литература пока до крайности небогата, а о художественных садах, насколько мне известно, не имеется на русском языке ни одного специального сочинения, тогда как на остальных языках они насчитываются сотнями. Следовательно, публика тут ни при чем. Именно это и побудило нас — Г. Б. Бинклера и меня — выпустить в свет книгу, по изданию — роскошную, по цене — общедоступную, а по содержанию — способную принести пользу как хозяевам и садоводам, так и молодым архитекторам и инженерам.

Понятно, что, при таких условиях, почти каждый встретит нечто более или менее знакомое: кто перспективу, кто теорию теней и цветов, кто практические указания, известные каждому садоводу; но другого исхода нет, так как на каждого не угодишь. Вообще же я, главным образом, задался мыслью изложить теоретические начала, а относительно практики дoз-



Река Самаркандр.
Скульптура итальянской работы в усадьбе Кусково. Середина XVIII в.

Кусковский регулярный парк, занимавший более 30 гектаров, был в XVIII в. одним из самых больших в России. В свое время его называли «французским», ввиду того, что по устройству он был подражанием паркам Франции, в частности Версальскому

О. А. Кипренский.
Молодой садовник. *1817 г.*

волю себе указать на сочинение покойного отца, и между ними на общие правила разбивки садов, с перечислением выносливых древесных растений в Северной и Средней России. В сочинениях этих, плоде многолетнего опыта, найдется для начинающего садовода все необходимое или хотя бы желательное. Но, помимо дидактической цели, я имею в виду еще нечто иное, не менее существенное.

Хозяйственные, старосветско-помещичьи сады, будучи по средствам каждому землевладельцу, нашли обширнейшее распространение; а художественные — которых аббат Делиль недаром назвал «un luxe de 1'agriculture»[7] — оставались доступны лишь крезам и меценатам, пока не настало в них царство Флоры, т. е. пока не появился англо-германский стиль. До этого художественный сад был действительно роскошью, и притом одною из самых дорогих; но, когда главным украшением его стали растения, тогда и небогатому люду открылась возможность конкурировать с богачами, так как на устройство небольшого, но эффектного сада требуется не столько денег, сколько вкуса, знания и труда.

Вкус — природный дар: его можно развить и совершенствовать, но приобрести — нельзя. «On devien cuisinier, mais on nat rôtisseur»[8],—

И. П. Потихонов.
Садовник. *1900 г.*

сказал Бриллат-Саварин; т. е. в данном случае: стать дельным, полезным, даже ученым садовником может каждый, но устроить изящный сад, без наличности таланта,— немыслимо.

Следовательно, дар художественного вкуса так же необходим садостроителю, как всякому иному художнику; поэтому и наличность его разумеется сама собой: садостроитель без вкуса — то же, что музыкант без слуха.

Для развития же вкуса необходимы наглядные, поучительные примеры; в этих видах и помещено здесь довольно значительное количество рисунков, частью заимствованных из дорогих иностранных изданий, частью же снятых прямо с натуры. Знание — насколько оно требуется не технику-специалисту, а любителю, и даже знатоку — почерпнуто мной частью из собственной долголетней деятельности, частью из таких сочинений, из которых некоторые — по цене — положительно недоступны большинству, а другие — как например, книга Пюклера: «Andeutungen über Landschaftsgärtnerei» (1834) — уже давно исчезли с рынка. Все, что в подобных книгах я нашел подходящего, вошло в настоящее сочинение; и если мысль была выражена таким образом, что лучшей формы не подобрать, то я и способ изложения заимствовал целиком, предпочитая чужое хорошее своему худшему, а всего менее желая оригинальничать во что бы то ни стало. Главное, чего я добивался, была ясность и точность.

При помощи такой книги — или, вернее, таких книг, потому что свое сочинение я считаю не более как почином и примером, которому, смею надеяться, не замедлят последовать и другие,— в России может и должен бы развиться тот благородный спорт, который во всем и всюду служит тонером науки и искусства. А раз появится у нас любительство, которому теперь открыто такое широкое поле в среде мелких хозяев, тогда и для русского художественного садоводства настанет та пышная пора расцвета, на которую незабвенные государи — царь-освободитель и великий миротворец — указали своему народу, завещав ему путь мирного развития.

Уж если что можно назвать «мирным завоеванием», то именно садоводство: оно создалось в оседлости и мире, и не выносит войны!

ЛЮБОВЬ РУССКИХ К ПРИРОДЕ

Русский человек всегда отличался искреннею, неподдельною любовью к природе, перемудрить которую — т. е. переиначить на свой лад — ему и на ум не приходило: он наивно восхищался мощным разливом матушки Волги или батюшки Дона, любил и степь неоглядную — ковыльную, непочатую; слова Гоголя: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!» — прямо выхвачены из русского сердца. Но выше всего ставил он лес дремучий: «Поневоле в поле, когда лесу нет!» — говорит русская пословица. Прохладный бор — березняк или дубрава — был как у древних галлов, пиктов, скоттов и тевтонцев — излюбленным местом русских людей, частью ради охоты, частью ради ягод и грибов, но всего более — ради чудной, дикой, таинст-

И. И. Левитан.
Вечерний звон. *1892 г.*

венной красы. То было инстинктивное влечение арийца. Доказательством служит, между прочим, указание, имеющееся в «Житиях Святых» (в изложении М. Толстого): основатели именитых монастырей — например, Савватий-Угодник и Кирилл Белозерский — избрали место для обители не в силу только того, что места эти изобиловали «многодичием» различным, а главным образом из-за величественного пейзажа.

Обратите внимание на местоположение любого из старинных монастырей: все они пользуются роскошным видом и, утопая в зелени садов, сами представляют замечательно красивую картину, образчиком — но далеко не образцом — которой может служить хоть Донецкий монастырь, изображенный на прилагаемом рисунке. Но расположение монастыря на горах имеет особое основание: в древности, вообще, всякое жилье строили, по возможности, на возвышенном месте, во избежание сугробов зимой и половодья весной; ввиду этого, митрополит Иларион в «Слове о законе благодати» указывает, что «монастырева на горах сташа».

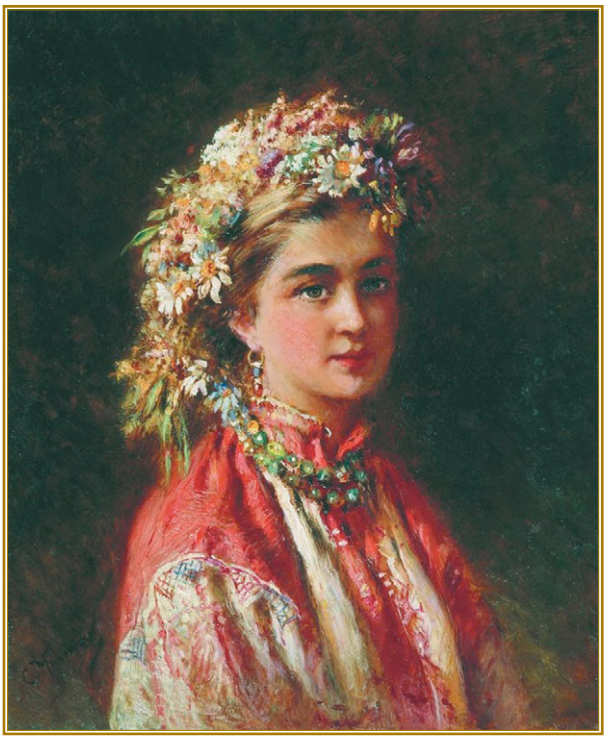
О садах глубокой древности сохранилось несколько преданий; например, у Кирши Данилова, в «Песне о Соловье Владимировиче», рассказывается о том, что богатый гость этот прибыл в Киев на своих кораблях к ласковому князю Владимиру. Князь предложил ему занять, для отдыха и остановки, дворы боярские и дворянские; гость отказался от дворов, а взамен обратился к Красному Солнышку со следующей просьбой:

Только ты дай мне загон земли,
Не паханные и не оранные,
У своей, государь, княжеской племянницы,
В ее, государь, зеленом саду,
В вишенье, в орешенье,
Построить мне, Соловью, снаряден двор.

Князь согласился, и богатырь-купец выстроил в саду княжеской племянницы, Забавы Путятишны, три терема высоких (терема всегда строились в верхнем этаже, а потому и назывались «высокими» или — с татарского — «чердаками»).

Чисто поэтическая сторона русских садов высказалась в старинных народных песнях, преимущественно свадебных; в собраниях Киреевского, Рыбникова, Сахарова, Сухонина и др.

И. И. Левитан.
Тихая обитель. *1890 г.*



К. Е. Маковский.
Девушка в венке

Неоднократно упоминается о том, что прежняя русская женщина или девица ходила в сад изливать свое горе (заунывная струнка — излюбленная черта русских песен и притом по весьма основательным причинам). В жизни их сад занимал не менее важное место, чем у восточных женщин: там они проводили лучшее время, и сравнения собственной судьбы «с цветом алым, лазоревым» или с грушей, яблоней, березой — всегда трогательны, а иногда глубоко поэтичны. Они же и ухаживали за садом.

Бог суди родимого батюшку:
Молоду в чужи люди отдает!
Остается зелен-сад без меня,
Завянут все цветочки во саду:
Аленький мой, беленький цветок,
Голубой, лазоревый василек...

Но о цветах — хотя их очень любили — упоминается в песнях и припевах-прибаутках и поговорках значительно реже, чем о деревьях — яблоне, груше, рябине, калине, малине, дубе и березе.

Яблонька моя, яблонька,
Яблонька моя зеленая,
Не цвети теперешней весной,
Не плоди сладких яблочек!
Я скажу моему батюшке,
Я скажу моей матушке,
Что ты худо полита,
Что ты худо лелеяна,
Оттого и яблочек нет;
Что сама я стану поливать,
Сама корешок обчищать,
Сама червячков обметать.
Авось либо батюшка и сжалится,
Авось либо матушка и измилуется:
Не отдадут меня нынешний год
На чужую дальнюю сторонушку...
При долине стоит дуб;
Возле — малина;
Широкий лист на малине,
Еще шире на дубе,
А я гуляю, молодец по кругу.
Ты, кудрявая рябина,
Что невесело стоишь?
При долинушке, бывало,
Я калинушку ломала...

В. Т. Тимофеев.
Девочка с ягодами. *1879 г.*

К. А. Коровин.
Северная идиллия. *1886 г.*

В поговорках и приметах также беспрестанно упоминается о деревьях и цветах: «обобрали как липку», «покраснел (или «нарядился») как маков цвет», «весною ветер дует — яблоня цветет» и т. д.

Любовь древних русских к цветам (богатством и роскошью которых, кстати сказать, Древняя Русь вовсе не отличалась) свидетельствуется многочисленными фресками и заставками, преимущественно состоящими из переплетенных, ярко размалеванных ветвей, которыми украшались все старинные рукописи XIV—XVII вв. (главным образом — рукописи духовного содержания). Так например, в «Лицевом Апокалипсисе», изданном Буслаевым, имеются виньетки Рая; в Псалтири XV в., изданной Обществом любителей древней письменности, орнамент всех заглавных букв заимствован из растительного царства,— преимущественно встречается Calla palustris в различных сочетаниях; в народных вышивках на полотенцах также изображается что-то садоподобное, но как бы по допотопному шаблону; в изданной И. А. Шляпкиным поэме «Шестоднев», написанной Георгием Пизийдийским в VII ст., а переведенной с греческого языка на славянский в 1385 г., упоминается о розах и яблонях, причем встречается и русский переводный термин. То были дикие розы; махровые появились в Москве лишь при Михаиле Федоровиче. Собственно ботанические сведения русских в «старину стародавнюю» были очень скудны, почти ничтожны; тем усерднее прибегали они к келейным силам трав для ворожбы. Всего чаще употреблялись для этой цели: прикидыш-трава, трын-трава, одолень-трава, ододень-сон, разрыв-трава, девятисил (девясильник), подсолнечник, спорынья, песий язык, чернобыль, крапива, мать-и-мачеха, иван-да-марья, подорожник, куриная слепота, кошка, баранчик, одуванчик и др. Сохранилось несколько рассказов, в которых описывается, как ворожить на травах; вот один из них, приведенный Тониным:

М. В. Нестеров.
За приворотным зельем. *1888 г.*

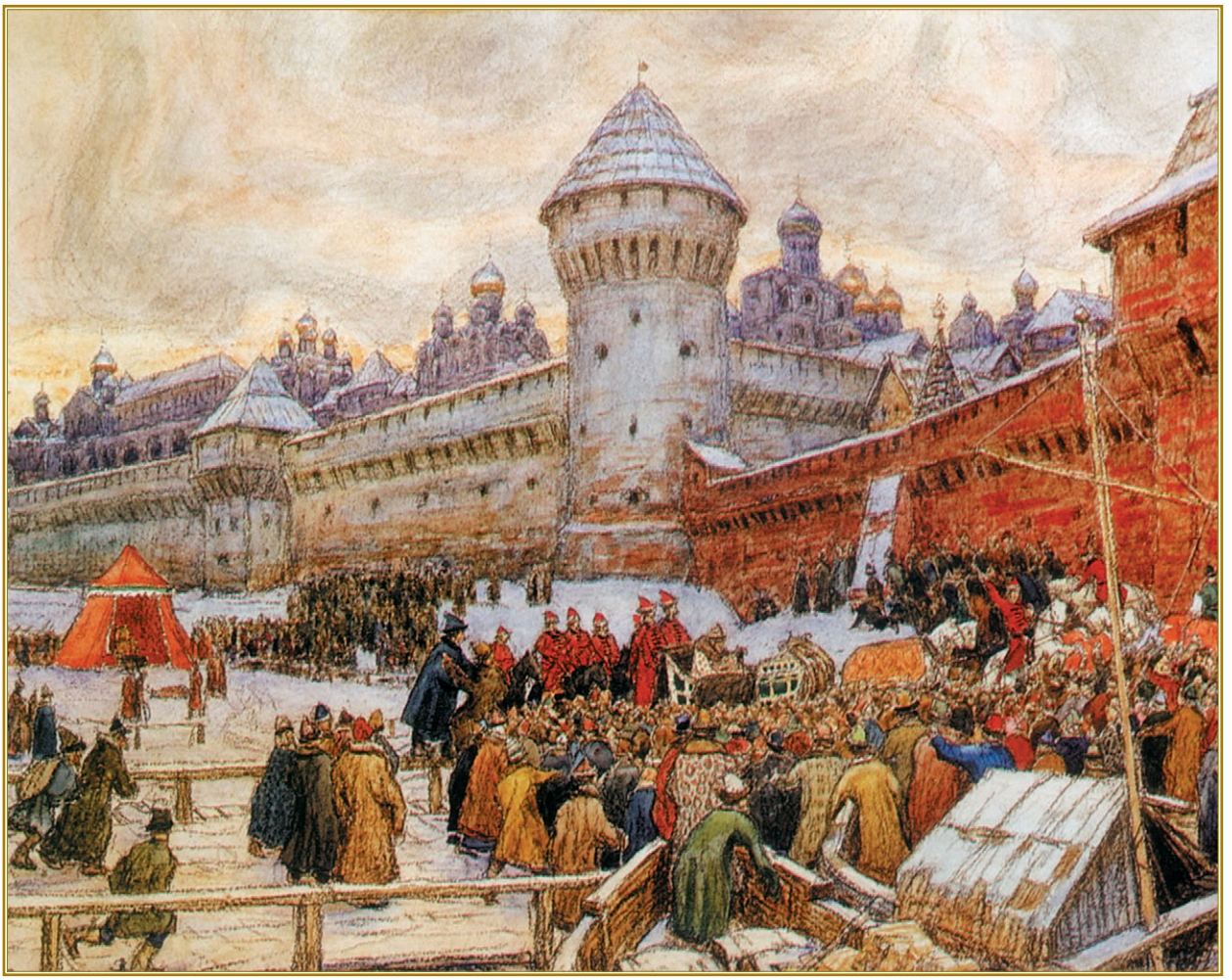
Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,
А и по край было моря синего,
И по тем по хорошим зеленым лугам
Тут ходила-гуляла душа красная девица;
А копала она коренья — зелье лютое,
Она мыла те коренья в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те кореньица медом сладким,
Растирала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга;
Невзначай извела своего друга милого
Она, по роду братца родимого...

А. К. Саврасов.
Печерский монастырь близ Нижнего Новгорода. *1871 г.*

«Колыбелью России почитается Новгород,— говорит С. М. Любецкий,— это был первый стольный град России; после — Киев, купель христианства, возникшего в нашем отечестве; но зерно, из которого развилась сила и крепость русского народа, есть Москва: здесь возросла и возмужала Россия». Любецкий — москвич, ему и пристойно восхищаться Москвою с теплым чувством русского патриота, и восхищаться не только дивной панорамой с Воробьевых гор, а даже прежними улицами, до безобразия грязными и тесными. Но прав он, во всяком случае, в том, что Москва, в свое время, была прототипом России: «Кто хочет знать Россию, побывай в Москве»,— сказал Карамзин,— конечно, не желая выразить этим, что вся Россия построена по московскому пошибу, а, вероятно, имея в виду, что в Москве Белокаменной как бы воплотился дух и образ русского быта, русской жизни, русского народа. Следовательно, для общей характеристики русских садов дореформенной эпохи достаточно одной Москвы. В отношении же художественного садоводства, Москва опять-таки является плодородным зерном: именно тут, а вовсе не в Петербурге, одновременно с воцарением Дома Романовых, возникли регулярные сады,— хотя не везде и исключительно по планам, созданным иностранными зодчими. Этой знаменательной эпохи, предвестницы лучезарного царствования Петра I, мы обстоятельно коснемся в свое время.

Самый древний из московских садов, предание о котором сохранилось поныне, возник в XIV ст. и принадлежал святителю Алексею, который завещал его Чудову монастырю: «А садец мой, подольный, святому Михаилу». «Подолом»

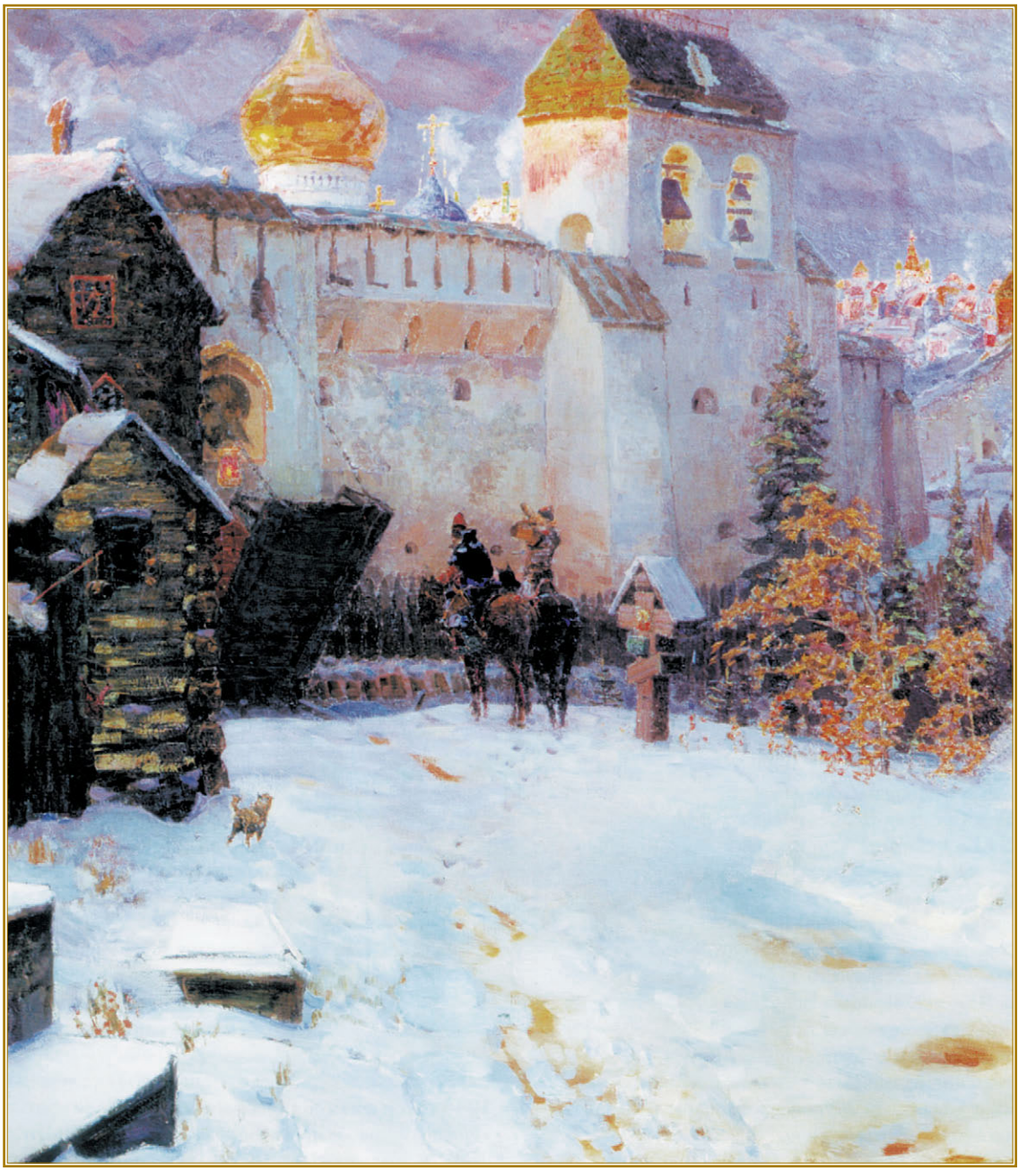
назывался левый, покатый берег реки Москвы, в противоположность к Кремлевскому холму. В XV в. летописи и грамоты указывают уже на целый ряд московских садов. Так, Иосафат Барбаро, навестивший Москву в начале XV в., когда не существовало еще ни Китай-города, ни Белого города рассказывает, что Кремль был со всех сторон окружен рощами, и что, кроме ских известные монастыри и церкви были выведены за город (вероятно, по причине тесноты), а на месте их в самом городе появился сад; при Покровском монастыре и церкви Св. князя Владимира имелись сады, о которых упоминается в летописях 1479 и 1514 гг.; наконец, после московского пожара 1495 г., Иоанн III велел снести церкви и дворы, стоявшие против города,



А. М. Васнецов. **Старая Москва**

нескольких яблонь да кедровых и лесных орехов, в Москве не росло никаких садов. Устроитель и освободитель Московского царства, Иоанн III, заботился с особым рвением о распространении садоводства: на Воронцовском поле, при дворце царя, помещался Воронцовский сад, на Васильевском лужке — Васильевский сад, названный у Мейерберга Царевым; по сооружении новых стен и бойниц кремлевна правом берегу Москвы-реки, и на этом месте выстроил Великокняжеский сад, впоследствии называвшийся «Царским». Забелин приписывает такое распоряжение Иаонна III желанию найти в листве предохранительную ограду против пожаров. Со времен же Иоанна III начинается владение частными урочищами в Москве: до него все московские земли принадлежали царю, все околотки Москвы были царской вотчиной,—

Иоанн Васильевич наделил более тысячи приближенных московскими землями, а двадцати восьми избранным боярам пожаловал около 300 000 десятин окрестных земель, так что, в половине XVII в., патриарх, царские родичи и некоторые бояре — Милославские, Стрешневы, Шереметевы, князья Черкасские — жили в собственных домах близ дворца. В грамотах XV ст. упоминается о садах: Глебковом и Макарьевском на Великом посаде (впоследствии — Китай-город), а за Неглинной, в дальнем посаде, о садах Терехова, Марьи Гольтяевой, Чичакова и пр. Из таких жалованных мест образовался, между прочим, и Белый город; после нападения крымских татар при царе Феодоре Иоанновиче предместье это, по совету Годунова, было обве-



А. М. Васнецов.
Старорусский город

А. М. Васнецов.
Вид Красной площади во второй половине XVII в. *1925 г.*

дено деревянною стеной и поэтому называлось «Царским»; но в народе сохранилось название «Белого города», по причине белой окраски стен. В 1591 г. Белый город был значительно расширен, хотя и прежде он, вероятно, был не особенно мал, так как въезд в эту часть города проходил через 34 ворота, из которых двое — Серпуховские и Калужские — были выстроены из камня; новая часть Белого города, возникшая вне прежней ограды, была также обнесена деревянной стеной. Когда наружная стена пришла в ветхость, то ее, в 1640 г., заменили земляным валом; с этих пор все место от этого вала вплоть до самого Белого города, называлось «Земляным городом». Все это место изобиловало боярскими загородными домами, зеленелось большими садами и полосилось огородами.

В XVI ст. Москва буквально утопала в зыбкой зелени садов, перемежавшихся многочисленными рощами, лугами, пустырями.

По свидетельству Павла Иовия, почти при каждом московском доме был сад, служивший для удовольствия хозяев и вместе с тем доставлявший им необходимое количество овощей,— вследствие чего и город казался необыкновенно большим.

Царь Алексей Михайлович с младшим царевичем Петром Алексеевичем.
Рисунок Н. Самокиша для книги «Царская охота на Руси»

САДЫ XVII ВЕКА

В истории древнерусского садоводства,XVII век играет самую видную роль: в это время, если не создалось в принципе, то, по крайней мере, развилось и дошло до апогея «красное» садоводство, высший проблеск старинного русского садоводства дореформенной эпохи; во-вторых же (и это главное), современники — русские и иностранцы — вольно и невольно освещают эту эпоху настолько подробно, что из указаний их точно определяется как индивидуальный характер древнерусских садов так и отношения различных слоев тогдашнего русского общества к садовому делу вообще. Особенно интересно проследить за влиянием иностранного элемента, и именно за тем, насколько ощущалась потребность в нем, каким образом он прививался к русской жизни и в какой степени отразился в ней.

А. М. Васнецов.
Москва конца XVII ст. *1898 г.*
Картина написана художником по сохранившимся документам

ФРУКТОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Начнем с главного — с «прохлад». Выражение «прохлада» имело в древности переносное значение: вероятно, русский человек, подобно восточным людям, не мог представить себе ничего лучшего, как сидеть в знойный день под сенью дерева или беседки, на холодку; отсюда и проистекло понятие о прохладе, в смысле комфорта,— «жить прохладно» обозначало жить в свое удовольствие. В «Домострое» сказано: «А летом (хозяин) прохлаждается: ест дыни,

И. Ф. Хруцкий.
Фрукты. *Вторая четверть XIX в.*

И. Ф. Хруцкий.
Натюрморт с фруктами. *1840 г.*

стручье (горох), морковь, огурцы и всякой овощ»; наконец, в просторечии и поныне слышится слово «проклажаться», когда хотят обозначить несвоевременное сибаритство или пустяшную, неподходящую забаву: «Чаво проклажаисси с бабьем-то? ходь на работу!» — прочел я, не помню в каком рассказе из народного быта. Прохладно жил в старину тот, у кого дом был полною чашей, т. е. у кого не только было всего припасено вдоволь, но все нужное делалось или приготовлялось дома же, так что на рынке, «на торгу», покупать ничего не приходилось (такой покупки домовитый хозяин вообще совестился); идеалом же довольства — даже для царского хозяйства — являлась возможность накапливать лишнее и этот избыток возить на рынок. Черту эту — помимо всяких реестров, счетов и иных официальных документов — красноречиво подтверждает Петрей, посетивший Москву в начале XVII ст.; в то время полагали на Западе, что Русь православная была дикою пустыней, в которой ничего достать нельзя. Петрей опровергает это мнение: «Некоторые думают и пишут,— замечает он,— что в России не растет ни плодовых деревьев, ни зелени; они глубоко ошибаются: там не только разводятся различные деревья, но и сеются всякого рода семена, так что в России легче достать плодов, чем в ином месте, как например, яблок, слив, вишен, маленьких слив, крыжовнику, смородины, дынь, моркови, свеклы, петрушки, хрену, редьки, редиски, тыквы, огурцов, серой и белой капусты, луку, чесноку, шалфею, ноготков, фиалок, разноцветных мирры, гвоздики, иссопу, майорана, тимьяна, базилики, перца и других тому подобных плодов, упоминать о которых считаю здесь лишним».

И. Ф. Хруцкий.
Потртрет неизвестной с корзиной в руках. *1830-е гг.*

Другой путешественник, знаменитый политик и историк Сигизмунд Герберштейн, бывший в России в 1526 г. с дипломатическими поручениями германского императора, рассказывает, что московские сады изобиловали огородами, овощами, дынями и плодовитыми деревьями. В 1633 г. Фридрих III, герцог Голштин-Готторпский, снарядил посольство в Москву, к зятю своему, царю Алексею Михайло-

вичу. В числе лиц, принадлежавших к этому посольству, находились два известных немецких писателя: ученый-математик Адам Олеарий и доктор Пауль Флемминг, замечательный поэт. Как тот, так и другой вторично побывали в Москве: Олеарий в 1635-м, а Флемминг в 1639 г. Оба оставили записки о России; особенно интересны работы Олеария, изданные в 1647 г. Из этих записок, главная часть которых относится к Персии, мы узнаем кое-что и о московских садах. Олеарий восхищается прекрасными грушами, вишнями, сливой, смородиной, и в особенности наливными яблоками; из овощей он восхваляет дыни, спаржу и огурцы. Почти то же повторяет другой путешественник, Адольф Лисек, бывший в Москве в 1675 г. в качестве секретаря цесарского (австрийского) посольства; он пишет, что «в Москве Помона не скупее дарами своими, чем Церера», и что там «родится множество смородины, вишен, яблок, слив, огурцов, арбузов и дынь отменной добротности и необыкновенной величины». Ему подавали дыни весом более полупуда, а люди вполне достоверные, утверждали, «что бывают дыни весом в 30 и даже в 40 фунтов». Маржерет, посетивший Москву в самом начале XVII ст., также восхваляет дыни, которые, по его словам «бывают так огромны и вкусны, что подобных я в других землях нигде не видал. Сверх того, много огурцов, яблок, вишен; слив и груш — мало». О способе разводки дынь сохранилось подробное указание: семена клали на двое суток в молоко или в овечий навоз, разбавленный дождевой водой; грядки делали из лошадиного навоза, прикрытого отборною землей; сюда помещали размоченные семена таким образом, чтобы они были обеспечены как от солнца, так и от мороза, а вместе с тем пользовались бы теплом, развиваемым навозом; на ночь, а иногда и днем их покрывали постилками.

И. Ф. Хруцкий.
Мясо и овощи. *1842 г.*

И. Е. Репин.
Яблоки и листья. *1879 г.*

Знаменитый путешественник де Брейн, посетивший Москву в 1702 г., пишет, что там «яблоки хороши и вкусны; мне случалось видеть столь прозрачные, что семечки насквозь виднелись». Относительно наливных яблок существует такого рода указание: в 1675 г. боярин Артемон Матвеев, «друг царя и народа», преподнес уполномоченному польскому послу блюдо наливных яблок,— конечно, отборных, но, вероятно, необычайной величины и превосходного вкуса, так как Матвеев велел передать посланнику, что подобные плоды родятся не в одной Германии, но и в России, и немецким плодам не уступят во вкусе.

В противоположность к этому, двое иностранцев — Герберштейн и де Брейн — не хвалят московских орехов, вишен, груш и слив.

Герберштейн заявляет, что в Москве он не видал ни хорошей вишни, ни орехов, кроме лесных, и, судя по климату, даже отрицает возможность произведения хороших садовых плодов в Москве; де Брейн пишет:

«В садах много орехов, но большею частью мелких... Груш мало, они невкусны и очень мелки. Сливы и вишни также ничего не стоят в сравнении с теми, какие растут в немецких садах» (т. е. в Немецкой слободе, на Яузе).

ВИНОГРАД И ШЕЛКОВИЦА

«Садики-виноградики» — заносный плод: природным северорусским виноградом можно считать разве что крыжовник да рябину; начало южнорусским виноградникам положено в Астрахани, в первое десятилетие XVII в., и именно монахом, который, раздобывшись персидскими лозами, насадил их в своем монастыре, близ города; лозы принялись, и в 1613 г., по царскому приказу, тот же монах устроил целый виноградник.

Затем дело пошло с таким успехом, что в 1636 г., когда Олеарий навестил Астрахань, там уже не было дома, в котором бы не занимались этим производством, оказавшимся до того выгодным, что иной виноградник приносил до 50 руб. дохода; в то время — очень большие деньги. Михаил Федорович командировал в Астрахань Якова Бошмана, благодаря усердию которого уже в 1650 г. прибыло из Астрахани 50 бочек превосходного виноградного вина.

На севере первый виноградник был разведен в селе Измайлове, при Алексее Михайловиче, а в самой Москве виноград разводился в верховых садах.

О разведении тутовых деревьев особенно заботился Алексей Михайлович. В «Записках Отдела русской и славянской археологии» помещена целая инструкция на имя астраханского воеводы, князя Якова Никитича Одоевского, относительно описи тутовых дерев и отправки их в Симбирск с мастером Ларионом Льговым, а также о приобретении хороших семян и о найме «виноградных, арбузных и тутовых садов садовников самых добрых». В конце XVII ст. тутовые деревья появились уже в Измайлове; но практическое русское шелководство создалось в России не раньше времен Петра I, пожелавшего, чтобы астраханские армяне — до этого торговавшие персидским шелком — развели тутовые деревья у себя и сами же выводили шелковичных червей.

ОВОЩИ

Относительно овощей Успенский («Опыт повествования о древних русских») указывает на факт, совершенно однородный с тем, который мы уже встретили в средневековой Германии: до XVII ст., русские люди не сеяли салата, говоря про иностранцев, употреблявших салат в пищу, что «немцы полевую траву жрут как скоты»; де Брейн, упоминая о том, что салат и селлерей разведены в Москве иностранцами, а раньше не были там известны, не указывает, употребляли ли москвичи его в пищу или нет; но уже при Олеарии они начали входить во вкус салата, так что со второй половины XVII ст. не было порядочного московского дома, где бы не растилась спаржа. Спаржу и артишоки развели в Москве голландские и немецкие купцы, и уже во времена Олеария спаржа росла там в изобилии и достигала толщины в палец; но во времена де Брейна как спаржа, так и артишоки употреблялись в пищу только иностранцами. В большем употреблении была капуста, составлявшая почти единственную пищу бедных людей, которые ели ее по два раза в день. Огурцы также очень любили; ели их, как яблоки и груши (у простолюдинов это и теперь в ходу, а с медом — во всем Западном крае), и во множестве заготовляли впрок. Много росло чесноку — любимой приправы старинных яств; в изобилии рос хрен, употреблявшийся как приправа к рыбным и мясным бдюдам; «луковники» образовали целую корпорацию; репа различных сортов, красная и цветная капуста, морковь, пастернак и свекла — по свидетельству де Брейна, были издавна разведены иностранцами. Этому указанию можно, пожалуй, и не совсем поверить: что некоторые исключительные сорта репы, свеклы, моркови, красной и цветной капусты привезены из-за границы — спору нет; но что обычные сорта этих овощей разведены прежде всего монахами, а не кем иным — тоже едва ли подлежит сомнению. Арбузы появились на севере в XVII ст. В 1660 г. вышел указ, повелевавший разводить арбузы в Чугуеве, а когда поспеют — присылать их в Москву; но московских арбузов де Брейн не хвалит: «Есть арбузы огромной величины,

А. И. Стрелковский.
Крестьянка с овощами. *1858 г.*

но весьма водянистые и похожие на наши огурцы». На юге же арбузами всего больше славилась Астрахань, садовые плоды которой вообще пользовались большою известностью, и особенно яблоки, персики и дыни. Специально культурой арбузов на бахчах занимались татары, привозившие их в город целыми возами и продававшие пару (иногда 3—4 штуки) по одной копейке.

ЦВЕТЫ

Перейдем к цветоводству. Вот старинный перечень цветов, культивированных в Красном верховом саду: «пионы махроватые и семенные, “коруны”, или цветы-венцы, тюльпаны, лилии белые и желтые, нарчица (нарцисс) белая, рожи (мальвы) алые, мымрис, орлик, гвоздики душистые и репейчатые, филорожи, касатис, калуфер, девичья красота, рута, фиалки лазоревые и желтые, пижма, иссоп» и т. д. Подобные же цветы водились и в остальных, не только кремлевских, но и загородных садах.

Кстати, несколько слов об этимологии. У англичан существует мания сокращать слова; у русского простолюдина какая-то особая способность искажать и коверкать иностранные слова до последней неузнаваемости, например: «Рамбов, Шлюшин, трухмальный, фершал, прохвост» и т. п. С другой стороны, еще и то: русский простолюдин, вообще отличающийся крайнею меткостью и образностью выражений, создал массу терминов, относящихся к окружающей природе и к собственному быту; термины эти, подобно перлам, тщательно собраны В. Далем, Н. Анненковым и некоторыми коренными словофилами, но, к сожалению, не вошли не только в литературный, но и в общеразговорный язык, и именно по той причине, что лица, служащие естественными посредниками между рабочими и наукой, оказали отпор: иностранцы, не зная русского языка, навязывали рабочему свой собственный термин, а русские относились к этому вопросу вполне безразлично. Так, некий русский профессор, почти совсем не говорящий по-немецки, чуть было не рассмешил всей аудитории, выпалив ex abrupto такого рода фразу: «Возьмемте, господа, мессинговую шпальту...» Как уважаемый профессор ухитрился «взять» шпальту (т. е. щель), да еще «мессинговую» — дело сторона; характерна самая фраза. На номенклатуре растений все эти условия отразились самым резким образом: попадаются названия до того мудреные, что их сразу и не выговорить,— это варваризированные латинские или немецкие слова; а тут же рядом имеются чисто русские прозвища, так и оставшиеся провинциализмами и, вне местного района, вовсе не употребительные, хотя выражения эти как нельзя более подходят к делу. В старинных же актах номенклатура представляет капитальное затруднение тем, что, помимо ужаснейших варваризаций, встречается множество архаизмов, совершенно вышедших из употребления и до того заброшенных и забытых, что значения их нигде не сыскать,— ни у Даля, ни у Анненкова, ни у Гейма, ни у Дерикера, ни у Грахова, ни в Большом словаре Рейфа (не четырехъязычном а этимологическом), ни даже в Академическом лексиконе. Забелин и кое-кто из новейших археологов отметили некоторые из подобных выражений, но не пояснили их; между тем подобный список, составленный лицом компетентным, мог бы представить значительный интерес. Очевидно, и эта задача — «труд будущего»...

ВОДОСНАБЖЕНИЕ

Вид Водовзводной башни Кремля.
Гравюра XIX в.

Забелин дает несколько интересных указаний относительно водопроводной системы, существовавшей в Кремле до Троицкого пожара. Водовзводная машина была устроена в 1633 г. англичанином Голувеем, в угловой Кремлевской башне, прежде называвшейся Свибловой, а с этого времени получившей название «Водовзводной». В нижнем этаже помещался белокаменный колодезь с трубой, проведенной из Москвы-реки, вода поднималась лошадьми (вероятно — топчаком) в верхний колодезь, выложенный свинцом; отсюда она отводилась посредством труб в водовзводную палатку, стоявшую у Верхнего набережного сада, подле Старого Денежного двора. Из палатки вода шла по трубам, лежавшим в земле, по разным направлениям: в верховые сады, на Сытный, Кормовой, Хлебенный, Конюшенный и Потешный дворы, на поварни и в различные «приспешные палаты», в которых помещались особые водоемы — «водовзводные лари», выложенные свинцом и опоясанные английским оловом. С 1683 г. подрядчиком водовзводного дела был мастер Галактион Никитин, получавший за производство работ и починку труб и всяких снастей по 200 рублей в год. Никитин дожил до Троицкого пожара и указал, где именно помещались свинцовые трубы. После пожара вынуто из пруда в Верхнем набережном саду 176 пудов 10 фунтов обгорелого свинца.

По переписи 1702 г., царскому обиходу принадлежало 52 сада, в которых — кроме множества яблонь, груш, слив и вишен — росли грецкие орехи, терн, черешня, пихты, кедры, кипарисы и виноград. Виноградные кусты были посажены в особые срубы и на зиму укутывались соломой, войлоком и рогожей. Все «слетье» царских садов шло на продовольствие Двора, а что оставалось — поступало в продажу. Садами руководили тогда уже не простые рабочие, а известные мастера, частью русские, частью иностранцы. В число этих садов входили не только городские, но и подмосковные «загородные дворы»,— не грандиозные виллы в смысле имперского Рима, а fermes ornees в смысле короля Рената. Такие фермы помещались в селах Коломенском, Воробьеве, Покровском (Рубцове) и т. д.

И. С. Горюшкин-Скоропудов.
Боярышня в саду. Женский портрет. *1906 г. Фрагмент*

Село Измайлово в XVIII веке. *Гравюра XIX в.*

Село Измайлово, с проселками и пустошами, было старинной вотчиной Никиты Ивановича Романова, по смерти которого поступило в казну. Место это образовало обширную равнину, в высшей степени удобную для сельского хозяйства. Царь раскинул для своей будущей загородной резиденции план, в состав которого — помимо помянутого выше многодомного жилья — входило несколько садов: большой сад на итальянский манер, с четырьмя высокими воротами и пресловутым «вавилоном»; громадный зверинец (лесной парк), обнесенный забором и наполненный различными животными; весьма красивая аптека с ботаническим садом; виноградник; наконец, несколько участков для разведения винограда, травы «марины» (марены), хлопка, кедров, яблонь, тутовых деревьев (шелковицы) и т. д. и т. д. Первая выписка последовала из Астрахани: 30 августа 1665 г. астраханский садовник Василий Микитин привез в Москву первые виноградные кусты, а также семена арбузные, дынные и «бумажные». За «тутовым деревьем» послан 21 октября того же года сокольник Дмитрий Раков; результаты — неизвестны, но, вероятно, отрицательные. В следующем, 1666 году, 28 января, в Симбирск же был отправлен другой сокольник, Елисей Батогов, тоже за тутом, но уже в виде черенков, а Раков послан в Киев за плодовыми деревьями и весною привез оттуда «деревья с кореньем венгерских дуль и слив и фиговые и виноградные кусты». Часть присланных растений — между которыми имелись еще черенки и деревья груш, орехов «волошких», черешни, «дерени», «бросвины» — сдана 23 апреля в Кремлевские сады, а остальное отправлено в Измайловские сады. Вместе с деревьями прибыл из Киева виноградный садовник Межигорского монастыря, старец Филарет, назначенный быть главным руководителем в уходе за черенками. Филарету определено было жить в Чудовом монастыре, а в Измайлово ездить с полковником и головою стрелецким, боярином Артемоном Сергеевичем Матвеевым,— будущим «другом царя и народа». С того

же времени начинается ряд поручений, данных астраханскому садовнику Лариону Льгову и нескольким другим лицам о переписи тутовых деревьев у астраханских и симбирских обывателей, о сборе спелых шелковичных ягод («а за ягоды давать деньги»,— приписано собственной рукой царя на подлежащей грамоте), о приобретении всякого рода семян и «ядер» (косточек), между прочим, 24 золотника каких-то ягод «инде»; наконец, о найме и привозе сведущих мастеров — опытных виноградарей и садовников, красильщика, «кто бы краски знал в травах и красить умел киндяки», «канатного мастера, чтобы делал из травы плакуна»; еще требовалось «привезти такова человека, кто бывал в Трухменах и в Хиве и в Бадхе или в Бухарахе», наконец, «разведать подлинно, чем красят кизылбаши и где объемлют краски, покупают ли или из трав и из каких трав делают и имена, проведать и образцы привезти травам». В дополнение к статье о плакуне сказано, чтобы «и иных таких же трав доведываться тайно, из которых бы были канаты и иные прядены». Деревья и кусты, семена и зерна усердно собирались всюду, где они лучше всего произрастали,— у частных лиц, у дворцовых крестьян, у стрельцов из которых многие отличались в качестве отменных садовников; пятнадцати московским стрельцам было поручено объездить раннею весной 1666 г. некоторые центры, славившиеся садами, а затем их приставили в Измайлово «строить всякие деревья», и в то же время позаботились о свозке навоза с государева «Остожья», где прежде существовала большая царская конюшня.

Сад, в котором рассажены были виноградные черенки и плодовые деревья, получил название «Виноградный»; летом в него провели воду из пруда, посредством машины, исполненной по модели «часовника» Моисея Терентьева. Виноградный сад, занимавший пространство в 16 десятин, был окружен «заборы в столбы, а в заборе четверы ворота с калитками, крыты тесом верхи у ворот шатровые». Среди сада находилось «три терема со входы и с красными окнами, кругом их перила; около теремов пути, между путей столбцы точеные. Теремы, столбцы и грядки писаны красками». В том же саду помещались отдельные участки: «грушевой сад и дули», длиной и шириной по 80 сажен; «сливный», имевший 100 квадратных сажен; «два сада вишневых», один в 100 квадратных сажен, другой в 150 сажен длины при 45 саженях ши-

Н. Мартынов.
Церковь в селе Измайлове

рины. Кроме того, при саде имелось два пруда, «плотины, кладены дерном; сливные мосты дубовые». Виноградные черенки садились в творилах, обнесенных тесом, а от стужи покрывались циновками; тогда же разводили виноград и из семян.

Тутовые черенки заняли пустошь Максимовку; на «тутовом сажанье» работало 300 солдат выборного государева полка, сажали тут так же — в творилах и так же покрывали рогожками. Вместе с «коренным тутом» разводился и «семянной».

Н. Мартынов.
Соборный храм в Измайлове

В 1667 г. выписаны были иностранцы — Кашпир и Хут с толмачом Дитриком Детерсом. Кашпира заменил на следующий же год Фалентин Давиц, которому поручили Виноградный сад; тут он «строил» всякого рода немецкие цветы и травы. Собственно виноградником же — для которого не переставали присылать лозы и черенки из Астрахани — вплоть до 1670 г. продолжал заведовать старец Филарет; в сказанном году его сменили старцы Геннадий и Анофрий, выписанные из Лубенского Мчарского монастыря, но и они вскоре были заме-

Н. Мартынов.
Соборный храм в Измайлове

щены садовником Григорием Карповым, прибывшим из Камарицких волостей. Тутовым садом (т. е. отделением) по-прежнему заведовал Ларион Льгов, в помощь которому выписаны были в 1674 г. татары — Касим Аджаев и Мамтегей Заманов.

«Огородный стройщик» Григорий Хут, ставший впоследствии главным садовником Измайловского двора, развел обширный огород на пустоши «Просяное» и строил там всякие травы и овощи в грядах и творилах; с тех пор место это стало называться «Просянский сад». Земли под садом было 8 1/3 десятины, около него помещался огород в 2 1/2 десятины. По описанию, составленному в 1689 г. — четырнадцать лет после смерти царя, когда многое из его любимого хозяйства уже приходило в запущение,— в Просянском саду росло 142 яблони; между творилами, обитыми тесом, помещались столбы, «и к ним прибиваны грядки, писаны красками». Промеж столбов и грядок росли барбарис, крыжовник, малина и смородина. В саду стояли два чердака, «один несовершен да переспективо писан красками». В сад вели «шестеры ворота, и в том числе двои ворота с вышками, крыты тесом; одне писаны красками, на верху три яблока золоченых; четверы ворота крыты шатрами тесом». В том же саду была «смотрильня» (башня) да пруд, а около сада «два колодезя, над ними под кровлями колеса»; еще имелся ледник, «над ним анбар». «Перспективами» назывались картины, большею частью охотничьего содержания; писал их придворный живописец, «преоспективного дела мастер» Петр Энглес. В огороде росли арбузы, тыквы, огурцы астраханские, капуста и всякие летние овощи.

В 1667 г. возник «Новый сад»: царь выбрал лучшее место в Измайловской усадьбе, в самой середине садов выстроил здесь дворец, а выбранное место обвел широким каналом; таким путем получился остров, самый сад стал называться «Сад, что на острову», а усадьба — Измайловским островом. Устройство этого острова началось 3 августа 1667 г., в силу следующего указа: «Около острова учинить озеро; для нынешней осенней воды, копать ров от острова 5 сажен круто отвалом, а глубина 2 сажени, подошва 5 сажен. От подошвы на полевую сторону отвалом 10 сажен. Всего будет от берегу до берегу, меж берегов 20 сажен; а около острова будет 180 сажен; а с полевую сторону берегу будет 300 сажен; а дробных будет того копанья 5600 сажен». Описание 1689 г. указывает, что «сад, что на острову, не в доделке, огорожен заборы, а в него ворота с калиткою, посажено кругом смородина и малина. Земли под садом полдесятины. Землянишник и роща землянишная огорожены заборы, под ними полдесятины». Садом этим заведовал при Алексее Михайловиче садовник Федор Антонов.

ПРУДЫ

Об Измайловских и других прудах, имевшихся в царских имениях и садах, упоминается очень часто,— всего более, вероятно, из-за рыбного хозяйства. Н. Бочаров посвящает прудам несколько интересных строк.

Пруды — как сказано выше — служили преимущественно для хозяйственных и гигиенических нужд: мытья, полосканья, катанья на лодках, купанья, поливки, а также в качестве живорыбных садков; но имели они и иную цель: с одной стороны, посредством прудов сушили топь, а с другой — вынутая земля шла на устройство погребов. Именно дренажным целям обязаны своим существованием некогда знаменитые Пресненские пруды. В начале XVII ст. вся местность от Новинского до Москвы-реки, Ходынки и до границы земли тверских ямщиков принадлежала Ковенскому патриаршему монастырю и состояла частью из болот, частью из лесов, а частью из пахотной земли; все угодье заключало в себе одну деревушку и 15 пустошей. Патриарх Иоаким задумал высушить земли, примыкавшие к реке Пресне, в тех видах, чтобы сделать их удобнее для заселения. 21 мая 1683 г. Иоаким ходил на Иордан и указал место, где быть первому (верхнему) пруду; в 1684 г. вокруг верхнего пруда разбит сад и тут же отведено место под жилье служебным садовникам. В настоящее время ни Пресни, ни прудов более не существует, так же как множества других прудов (например, в Трехпрудном переулке) и реки Неглинной: все это завалено и сглажено с лица земли, и там, где во время о́но проворно шныряли золотистые караси и мирно ютились прожорливые карпы, ленивые лещи и задорные окуни, да горделиво выплывали величавые лебеди, черные и белые,— там уже давным-давно высятся громадные каменные дома и тянутся парки и бульвары...

В Измайловском имении было при Алексее Михайловиче уже до 20 прудов (со временем число их доросло до 37); каждый пруд имел особое название: «Просяной» — в Просянском саду, «Лебяжий» — у Тутова сада, «Серебровский» и «Стеклянский» — у дворца, затем «Пиявочный», «Волчатник» и т. д. Рыбы селились отдельно: в одном сидели стерляди, в другом — карпы и щуки, в третьем — караси, окуни и лини и т. д. Щуки и стерляди служили особым предметом забавы для царевен: они надевали на некоторых из наиболее крупных экземпляров золотые сережки и приучали рыб являться на жор по звону колокольчика.

КОЛОМЕНСКИЕ И ЧАСТНЫЕ САДЫ

О Коломенских садах имеется мало сведений: из переписи 1701 г., в которой до подробностей обозначены все части и весь штат огромного царского садового хозяйства, значится, что в селе Коломенском было 6 садов и в том числе на государевом дворе, у задних ворот — «Сад Красный», под которым было всего 1/4 десятины земли, а тем не менее росло 67 яблонь, 9 груш, 10 слив, 70 кустов красной смородины, 20 кустов «крыжу» да малины на 20 саженях. В 1740 г. Коломенские сады снабжали Петербургский двор кедровыми орехами, а Измайловские — всякого рода овощами и плодами, и особенно виноградом.

Забелин и Тонин приводят довольно подробный перечень (но только поименный) Московских вельможеских красных садов XV, XVI и XVII ст.; о садах этих имеется пока довольно мало указаний,— известнее всего то, что они часто соединялись с настоящими огородами, что даже в Китай-городе помещались митрополичьи (в XVII ст.— патриаршие) огороды, и что вообще вся Москва изобиловала огородами. Память прежних садов и огородов сохранилась в названиях старинных московских урочищ: «Большие, Средние, Малые Садовники», «Берсеневка», «Гороховое поле», «Огородники» и т. д. Старинные слободы — Садовая и Огородная,— принадлежавшие Дворцовому ведомству, были учреждены еще при первых Московских князьях; в виде оброка, слобожане обязаны были ставить во дворец всякий огородный овощ и всякое слетье; кроме того, староста — всегда искуснейший садовник — ежегодно подносил государю «новь» (primeur): ранние дыни (в начале августа), огурцы (в начале июня), редьку, свеклу, морковь, репу и пр. За каждую новинку полагалось по 4 аршина сукна на кафтан; но лучший лук имелся не в Москве, а у знаменитых Верейцев-Луковников. О картофеле понятия не имели: он введен в России лишь в 1787 г., по указу Екатерины Великой. Зато капустой и морковью

славились поселяне Воробьевых гор: там стоял летний дворец, срытый под храм Христа Спасителя; при Воробьевском дворце велось прекрасное огородничество, которому вскоре обучились и местные крестьяне,— с этих пор и пошла в ход «воробьевская капуста с морковью».

В начале XVII ст., московских ямщиков всех пяти слобод, «за верную службу Государеву», наделили землей на окраинах города; впоследствии часть эта вошла в черту столицы. При дешевом навозе и при постоянном спросе на овощи, лучшее назначение ямских земель определилось само собой: тут быстро развилось и стало процветать огородничество, и в скором времени огороды заполнили все боковые переулки по Тверской, Ямской, к грузинам у Крестовской заставы и т. д. Цветоводство — которое сначала показалось смешным — также развелось довольно быстро, а затем москвичи пристрастились к садам и бульварам, цветам и фонтанам, до такой степени, что московские цветочные рынки пользовались известностью даже за границей. Особенно же развилась акклиматизация и выведение лекарственных и дорогих заморских растений, за которые — как за новинку — платили сначала баснословные суммы; впоследствии ими обзавелся почти каждый сад.

Такому подъему садового дела правительство содействовало по мере сил, и со времен Алексея Михайловича начинается ряд распоряжений, направленных к развитию садоводства не в одной только Москве, но и во всей России; в X главе Уложения, которым начинается первый том Полного собрания законов Российской империи, имеются следующие две статьи: ст. 221: «А буде кто у кого в саду с яблоней яблока ощиплет, насильством или ночью покрадет и в том на него будут челобитчики, и с суда сыщется про то допряма, и на нем взять истцу по его сказке. А буде кто у кого в саду какое дерево ссечет насильством или украдет, а с суда про то сыщется допряма, а на нем за всякое дерево доправити по три рубля». Ст. 222: «А буде кто у кого в огороде какой овощ насильством пограбит или покрадет, а сыщется про то допряма, и на нем за такой овощ велети истцу доправити деньги, смотря по овощу; да ему же за насильство или за кражу учинити наказание, смотря по делу».

Н. Е. Сверчков.
Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы. *1873 г.*

А. В. Васнецов.
Земский приказ московского времени

САДЫ В КОНЦЕ ДРЕВНЕМОСКОВСКОЙ ЭРЫ

В 1676 г. скончался Алексей Михайлович. С момента этой смерти и до начала действительного правления Петра Алексеевича московское садоводство получило иной центр тяготения: царевна Софья, очень любившая сады, но вовсе не соблазнявшаяся сельской природой, пренебрегала загородными поместьями в смысле вилл и, оставив в стороне предприятия отца относительно разведения винограда, шелковицы, хлопка, марены и т. д., всего более заботилась о городских садах. При ней виллы стали житницами, а увеселительным садам — Кремлевскому и Преображенскому — было поручено производство винограда, грецких орехов и тому подобных растений, принадлежавших к числу предметов тогдашней роскоши.

Начало XVIII века ознаменовалось крупным событием: на севере, среди болот и лесов, возникла новая столица; туда была перенесена резиденция государя, там сосредоточивалась вся власть, помещался весь центральный механизм государственного управления. Москва отошла на второй план, московские угодья пришли в заброс, и если «немцы» остались при деле или попали в Петербург, то множество простых русских рабочих остались без дела. Этим обстоятельством воспользовались русские магнаты, чтобы развести у себя сады по примеру царя. Один после другого, в разное время, возникли сады: князя Прозоровского на Пресне; кн. Долгорукова под Девичьим; Лопухиной в Хамовниках; Архарова и Корсакова в Сущеве; и т. д. и т. д. Воспользовалось услугами рабочих и богатое купечество, так что, мало-помалу, прежняя Москва, утопавшая в густых садах, уже тогда оправдывала слова поэта Глинки, относящиеся к началу текущего столетия:

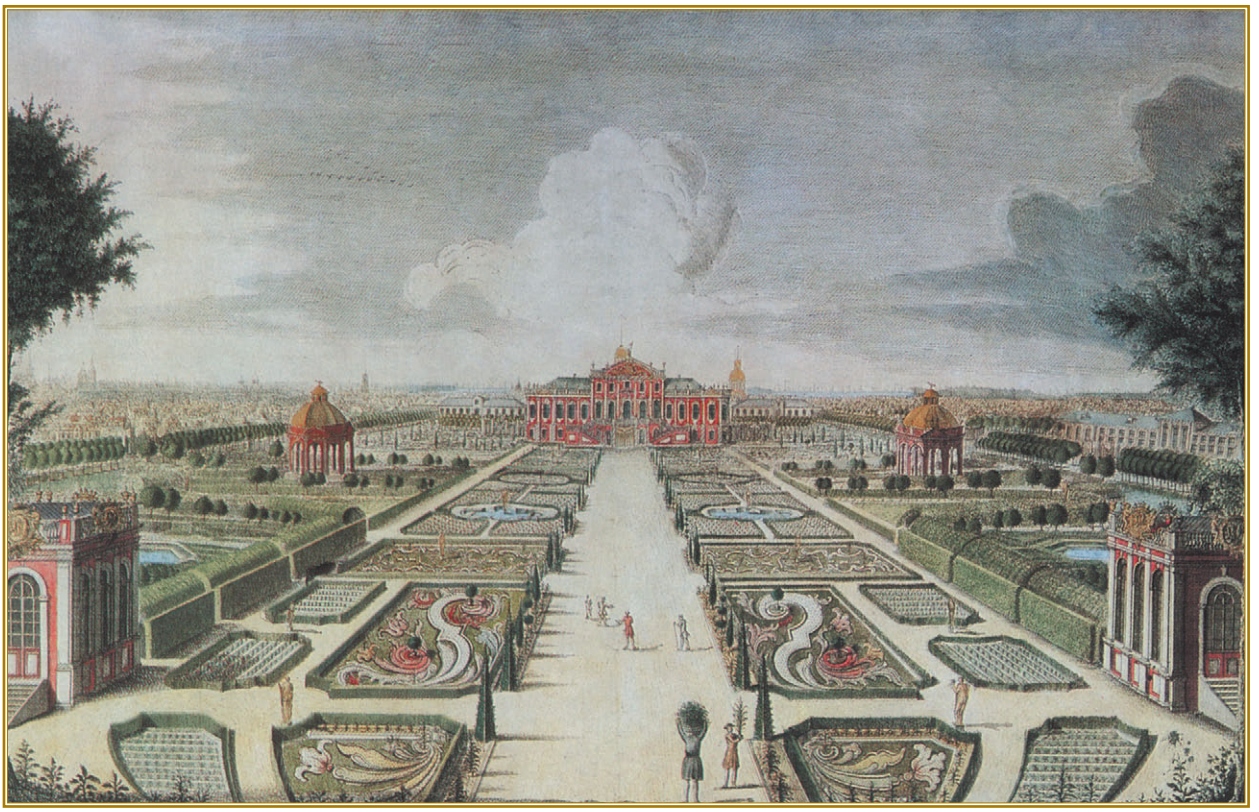
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...

С концом XVII века окончился и тот стародавний режим, который при Алексее Михайловиче достиг высшей степени развития, но, по смерти последнего из крупных представителей древнерусского быта, быстро завял от веяния нового, свежего духа: кончилось старое время, выдвинулись новые люди, появились новые взгляды, новые понятия,— настала эпоха Великого Петра...

ВЕЯНИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ

Н. С. Самокиш.
Церковь Вознесения села Коломенского

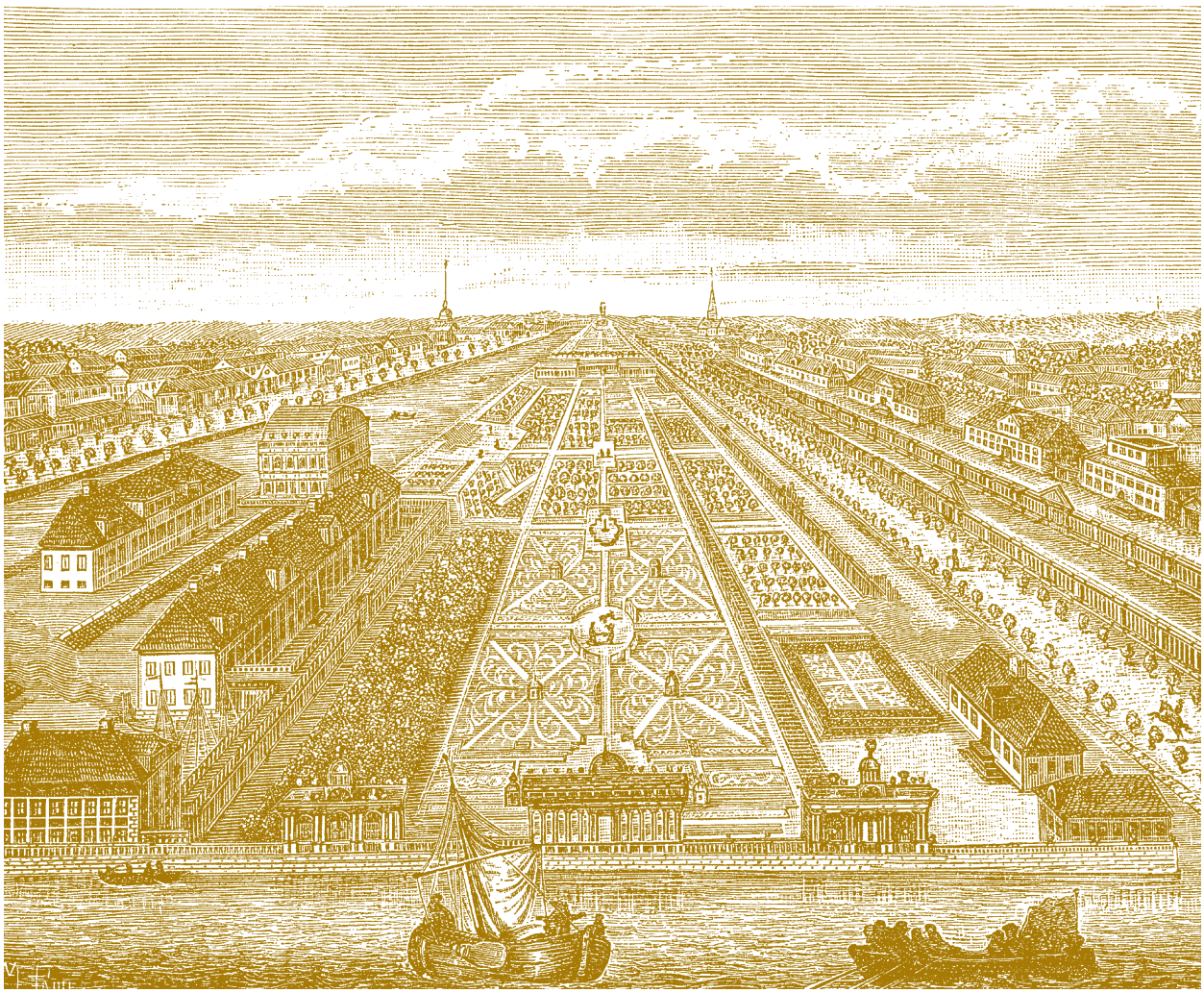
История не знает скачков: каков бы ни был реформатор, какова бы ни была реформа, внезапно вторгающаяся в жизненный строй, установившийся веками, освященный давностью — сопротивление и антагонизм неминуемы, именно потому, что не было подготовки, не было перехода. В течение XVIII века Россия, насильно выдвинутая из старой колеи, пережила и переиспытала больше, чем какое-либо из современных государств: почти каждый правитель придавал ей отпечаток своего личного характера, и, вплоть до следующего столетия, продолжалась то скрытая, то явная, то активная, то пассивная борьба коренного русского духа с пришлым чужеземным элементом. Главными моментами XVIII века являются два периода: царствование Петра Великого, не имеющее во всемирной истории ничего равного, ничего подобного, и блестящая эпоха Екатерины Великой, по уничижительному мнению Шлоссера,— «eine grosse Maskarade», но, по более правильному взгляду Вебера, Онкена и других историков,— настоящий Золотой век Людовика XIV, только без принципа сокрушения дворянства, как и без неразумных предприятий и непосильных затрат благодаря которым последние годы Короля-Солнца сложились настолько же печально, насколько финал екатерининского «маскарада» был великолепен.



Усадьба Вольфа на Петербургском острове. *1757 г.*

САДОВОДСТВО В XVIII ВЕКЕ

Во все это время садоводство обеих русских столиц было верным отблеском того, что происходило в высших сферах общества: оно следовало всяким мановениям моды и вкуса, сообразовалось со всеми стилями — регулярным и иррегулярным, принимало все типы — голландский, лёнотровский, рококо, кентовский, броуновский, рептоновский; словом, подобно зеркалу, отражало направление тех, кто управлял судьбой России и давал тон русскому обществу. Проследить за всеми фазисами развития русского садоводства за эту сотню лет было бы весьма интересно, тем более что теперь является богатейший наплыв всяческих данных и материалов исследований, записок, монографий и т. д.; так, в грузном обстоятельном труде П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга», обнимающем всего 79 лет (1703—1782), собрано библиографического материала столько, что на одну общую критическую оценку его уважаемому автору потребовалось 28 страниц,— хотя, при желании, можно бы прибавить, не считая самоновейших сочинений, еще столько и, пожалуй, даже еще полстолька, если обратиться к мемуарам и письмам иностранных писателей XVIII века. Нечто несравненно более иное, наглядное и интересное представляют три книги, слишком мало распространенные в публике: «Былое и прошлое окрестностей Петербурга», «Старый Петербург» и «Старая Москва» М. И. Пыляева; это не чисто научный, не просто архивный труд — сухой, пунктуальный, смертельно скучный, как например, работы П. П. Пекарского, а вполне популярный рассказ почти в том же духе, в каком писал известный историограф старого Парижа Пьер Лакрокс, и почти так же роскошно иллюстрированный, хотя чуть не впятеро дешевле по цене. Но самое изобилие материала образует настоящий embarras de richesses: почти каждый крупный сад — Петергоф, Павловск, Царское, Гатчино, Ораниенбаум, Таврический, Летний, оба Ботанических, Разумовский, Нескучный и т. д. и т. д. — имеет свою (иногда и свои) монографии, нередко



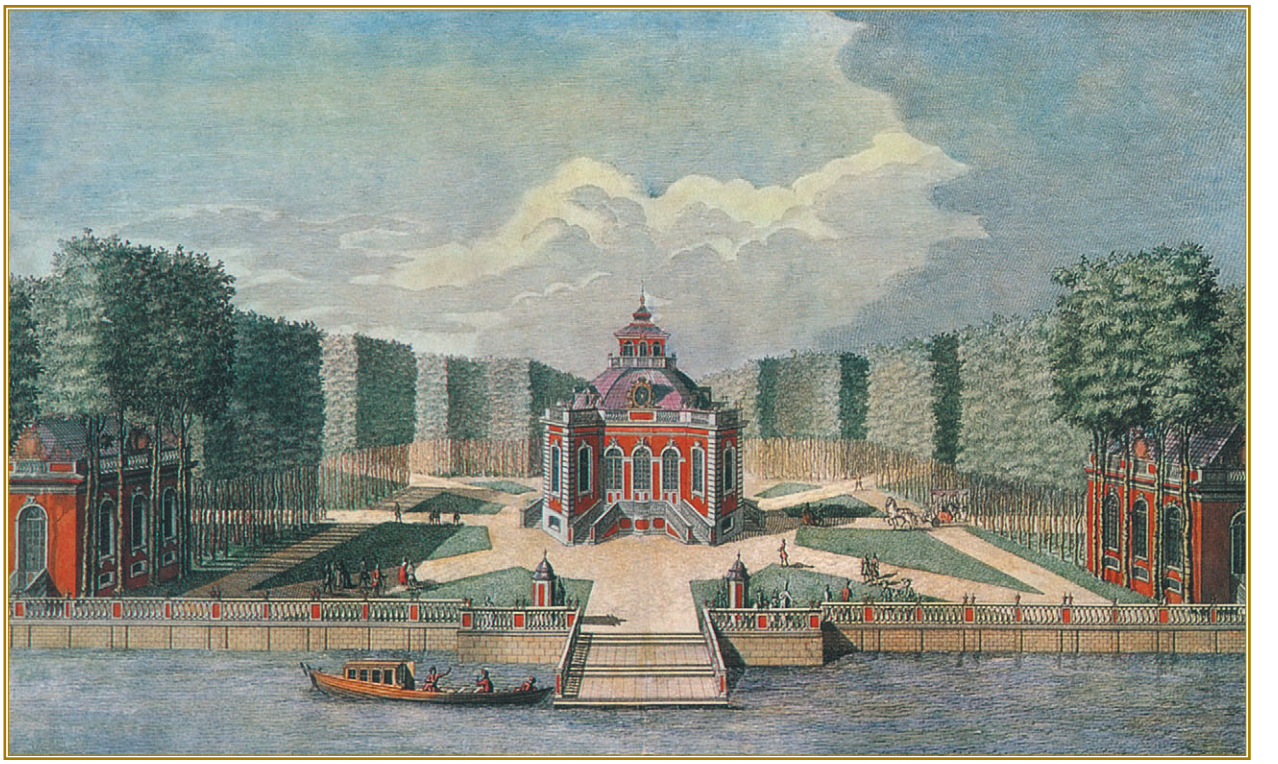
Летний сад и дворец.
Гравюра 1716 г.

весьма объемистые; всего не уместить, даже главное нелегко выбрать,— вследствие чего удовольствуюсь лишь некоторыми данными, более или менее входящими в мою программу. При этом я, ради краткости и наглядности, обойду сады не синхроническим порядком, а каждый отдельно.

Одним из самых важных пунктов Петрова «парадиза» — как величал царь свою новую столицу — было устье Фонтанки, наискосок от крепости; здесь, в 1704 г., был основан Адмиралтейский дом для служилых людей, а на месте нынешнего Соляного городка учреждена Невская верфь. Левый берег устья Фонтанки принадлежал в 1702 г. шведскому майору Конау (впоследствии фамилия искажена на «Кононов», как Гамильтон — в «Гантонов»). Часть поместья занимал сад, которым царь воспользовался, чтобы положить тут, в 1705 г., основание цветочному саду. Сад этот, насажденный «летником» (однолетними цветами), получил название «Летнего» и занимал пространство всего нынешнего сада и часть Марсова поля. В самом начале Летний сад был разбит по голландскому типу, но осенью 1716 г., во время бытности государя за границей, поступил другой план, составленный учеником Лёнотра, Жаном Лёблоном, о котором уже упомянуто выше. Лёблон занимавший в Петербурге новую должность генерал-архитектора и создавший лучший проект плана Петербурга, отчасти выполненный Петром I. Он также составил план преобразования Летнего сада и создания Стрельны по старо-французскому образцу, так же как он несколько ранее, исполнил проект Петергофа,

Вид реки Фонтанки близ устья и Летнего сада.
Гравюра Ходжеса. XVIII в.

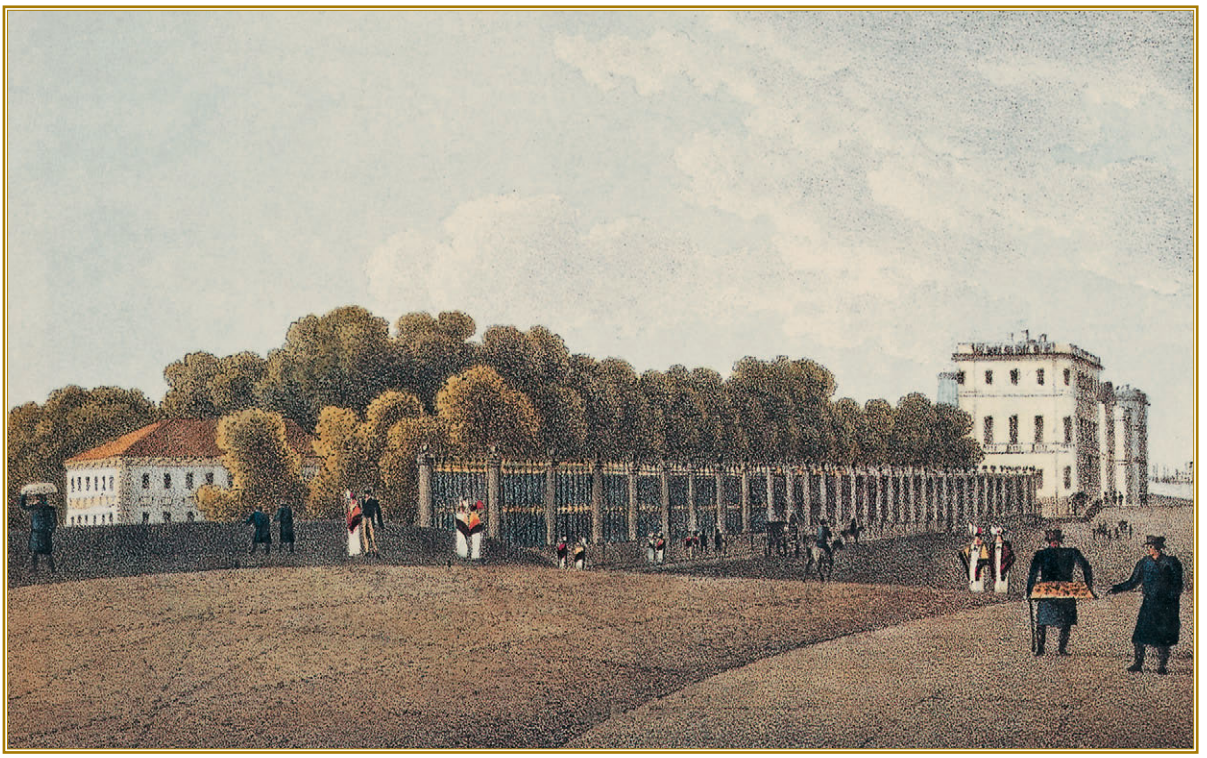
руководствуясь Версальским планом. Лёблон, которому г-н Петров отводит очень видное место в своем капитальном историческом сочинении, скончался от оспы в марте 1710 г.; но большинство проектов его исполнено. Между прочим, в Лёблоновском проекте Летнего сада уже существуют те затеи, которых впоследствии описал камер-юнкер герцога Голштинского, Беркхольц. Для насаждения Летнего сада,— разбитого на длинные аллеи, окаймлявшиеся липами, дубами, ильмами, грабинами, кедровыми и фруктовыми деревьями,— семена и растения были выписаны из различных мест: ильмы — из Москвы, грабины — из Киева, яблони — из Швеции, барбарис — из Данцига, кедры — из Соликамска, липы, толщиною до 15 дюймов,— из Нарвы. Часть этих лип сохранилась и по настоящее время. Кроме того, дорожки были обсажены сибирским гороховником, таволгой и зеленицей, а в цветниках красовались пионы, присланные голландским резидентом Брандтом (Петру I очень хотелось не только красивых, но и душистых пионов, о существовании которых в то время понятия не имели), майоран и белые лилии из Нарвы, розаны из Данцига и другие цветы. Царицын Луг, принадлежавший к Летнему саду, был сплошь усажен красивым низким кустарником; между кустами извивались широкие дороги для экипажной езды. В самом саду помещалась фруктовая школа, а вперемежку с цветниками шумели каскады и фонтаны, в бассейне одного из которых сидел тюлень. Специально ради питания фонтанов и каскада Летнего сада был вырыт Лиговский канал. Фонтаны эти, устроенные в 1718 г., просуществовали до половины царствования Екатерины II: 10 сентября 1777 г. разразилась страшная буря, поломавшая много деревьев, из которых иные ветераны — с железными скобами, на костылях — живут и поныне; та же буря попортила фонтаны и каскады до такой степени, что, по совету Бецкого и Остермана, императрица уничтожила их, а свинцовые трубы подарила угодливым советникам. Одной из «диковинок» Летнего сада был искусственный грот, помещавшийся в особом каменном павильоне; грот этот был снабжен лестницей и украшен морскими раковинами. В гроте помещалась превосходная мраморная статуя Венеры антично греческой работы, купленная Петром I у Папы за 3000 скуди. Царь так дорожил этой статуей, что во время гуляний и праздников ставил к ней часового, хотя статуя стояла на высоком пьедестале. При Екатерине II Венера была поставлена в Таврический дворец, а затем ее перевезли в Эрмитаж. Кроме того, в гроте имелся орган, приводи-



Павильон Эрмитажа усадьбы Бестужева-Рюмина на Каменном острове.
С рисунка М. И. Махаева. 1753 г.

мый в действие посредством гидравлического механизма; в 1714 г. случилась порча мехов — починку произвел «обер-мастер колокольной игральной музыки, Яган Христофор Ферстер. Грот существовал еще в начале XIX столетия, а затем в двадцатых годах сменился кофейным домом. Перед гротом находилось несколько площадок — Архиерейская, Шкиперская, Донская; тут стояли скамейки и столы, а вперемежку с ними — свинцовые позолоченные фигуры, изображавшие сюжеты из Эзоповых басен, подлежащий текст с назидательным толкованием, напечатанный четким русским шрифтом, помещался тут же на столбах, за стеклом в рамках. К. Штеллинг в своем сборнике «Любопытные и достопамятные сказания о Петре Великом» (1787) умиляется перед народно-педагогической идеей царя; но Бецкий и Остерман были, очевидно, иного мнения, так как, в придачу к трубам, выпросили себе и свинцовые статуи.

С набережной стороны сад замыкался длинной деревянной галереей и залой, имевшей по фасаду 11 окон; галерея эта была построена при Екатерине I, по случаю бракосочетания великой княжны Анны Петровны с герцогом Голштинским; Анна Иоанновна велела сломать залу и в 1731 г. выстроила на ее месте одноэтажный, но очень обширный дворец с богатым убранством и зеркальными окнами (в то время редкостью). Дворец этот — в котором жил Петр II, скончалась императрица Анна и произошел арест Бирона — был сломан по повелению Елизаветы Петровны; а на том месте, где стояла галерея, была выстроена знаменитая чугунная решетка (1778—1784). Коллекция мраморных статуй, доныне украшающая сад, привезена Суворовым из Саксонского сада, после покорения Варшавы. Наконец, порфировая урна, стоящая у пруда и ценная как монолит, была подарена Николаю Павловичу шведским королем в 1833 г. Летний сад — подобно всем царским садам времени Петра Великого — был открыт публике для гулянья, а в Духов день тут происходили «смотрины» невест, до сих пор еще не забытые петербургскими старожилами.



А. Е. Мартынов.
Решетка Летнего сада.
Литография, раскрашенная акварелью. 1821—1822 гг.

Летний сад огражден великолепной решеткой (Ю. Фельтен, 1780—1784).
Через Екатерининский канал и Мойку переброшены два деревянных мостика.
В то время исток канала был обращен в сторону Мойки
и перекрыт одним из этих мостиков; другой находился на продолжении улицы,
пролегавшей вдоль западной границы Царицына луга (Марсова поля)

САД ИМПЕРАТРИЦЫ

Там, где в настоящее время возвышается эффектный, хотя мрачный Инженерный замок, Петр I построил для своей супруги небольшой, но роскошно убранный летний дом, вокруг которого был разведен Императрицын сад. За садом расстилался обширный луг, где в 1740 г. начали разводить другой сад, который в 1749 г. был значительно увеличен так, что сад прихватил всю Михайловскую площадь и доходил до набережной Екатерининского канала. Обширный сад этот — согласно преданию, разбитый пленным шведом Шредером,— отличался совершенно иным характером, чем Летний: он был изрезан множеством крестообразных узких аллей и дорожек, окаймленных деревьями, стриженными фигурно, содержал большое количество узорчатых клумб, на месте нынешней Итальянской улицы имел громадный цветник с прудами по бокам, множеством зеленых переходов и с большим лабиринтом позади; по середине сада тянулся «глухой канал». Впоследствии сад этот неоднократно видоизменялся, то урезывался, то расширялся, пока не стал, мало-помалу, дворцовым Михайловским садом, каким мы его знаем в настоящее время; отдельная часть отошла под Михайловский городской сквер. Прежний дворец, пришедший в совершенную ветхость, был перестроен графом Растрелли, при императрице Анне, а сломан в 1797 г. при императоре Павле.

Если описать все сады, устроенные в Петербурге в течение XVIII столетия — Аничков, три Итальянских, Кадетский, Меншиковский, Строгановский, Таврический, Тепловский (Безбородинский), Юсуповский, Нарышкинский, Разумовский, Елагинский, Вольфов и т. д. и т. д.,— то пришлось бы отвести им особую книгу. Петр Великий усиленно заботился о лесах и садах Петербурга, собственноручно насадил множество дерев, особенно дубов, издал строжайшие указы против лесограбительства, даже специально сооружал виселицы, в виде угрозы, и добился того, что уже при нем почти при каждом доме был сад; даже Александро-Невская Лавра, вынужденная иметь свою яхту, не могла, конечно, обойтись без сада в подлежащем стиле. Еще недавно, всего полсотни лет тому назад, в центре Петербурга насчитывалось 1688 садов, которых было всего больше около Владимирской церкви и по Загородному проспекту. Но сады эти, при всей затейливости беседок, мостиков, аллей и клумб, не представляют особого интереса,— даже барские, аристократические: лучшие из них почти все на один покрой, заимствованный у царских садов. Обратимся поэтому к некоторым из важнейших вилл, находящихся в окрестностях Петербурга.

Основание Петергофа состоялось в 1711 г., когда Петр I устроил на возвышенном месте дворец и велел провести сюда воду, для орошения сада и снабжения фонтанов. Первоначально предполагалось устроить летнюю резиденцию в Стрельне, и для этой цели начали было проводить туда канал из деревни Лапиной через Самонгондские болота; но, по представлению Миниха, канал был остановлен на полпути, а р. Шинкарку запрудили, обратив ее к Петергофу. План Петергофского дворца и парка, как я уже упомянул, составил Лёблон, но исполнил Растрелли, так как Лёблон до времени скончался. Петр Великий, не могший забыть грандиозной обстановки Лёнотровских созданий, возлагал на этот сад особые надежды; один из членов польского посольства, бывший в Петербурге в 1720 г., слышал от государя следующее: «Если проживу еще три года, то буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля». И действительно, по сознанию принца де Лигне — судьи вполне компетентного — Петергофские фонтаны лучше Версальских; и хотя Андрэ находит во всем насаждении недостаток гармоничности, однако и он, в общем результате, отдает справедливость изящной красоте Петергофского парка, невесть сколько раз описанного иностранцами и русскими составителями всяческих новых новейших и самоновейших путеводителей по Петербургу и его окрестностям. Замечание Андрэ относительно неполной гармоничности, не лишено справедливости: дворец и парк, построенные Петром I и отличающиеся идеальной панорамой, были в загоне при Анне Иоанновне и снова вошли в милость лишь при Елизавете Петровне, перестроившей и разукрасившей их уже несколько иначе против оригинального плана. О Петергофском парке времен Елизаветы Петровны дает наглядное понятие план, исполненный Махаевым в 1760 г. В царствование Екатерины II модным садовым стилем был английский; в силу этого императрица велела устроить английские сады не только в своем любимом Царском Селе и в Петровско-Разумовском парке, но и в Петергофе. Петергофский английский сад устроил садовник Мидес. Современник его, Гоулд, ученик Броуна, испол-

Портрет А. И. и А. Ф. Стрелковых (Аничковых)
Акварель из альбома Хрущевых-Стрелковых. 1815 г.

А. Е. Мартынов.
Дом Апраксина.
Литография, раскрашенная акварелью. 1821—1822 гг.

Вид набережной Екатерининского канала (ныне — канал Грибоедова) при слиянии его с Мойкой. *Слева* — угол придворных конюшен, на другом берегу Мойки — дом Апраксина и в глубине — дом Ивана Бецкого. *Справа,* за высоким забором,— часть Михайловского сада

нил несколько других царских садов, по временам работая и у Потемкина. Так как в Петергофском парке встречается смесь различных стилей и типов, согласно времени и характеру строителей, то, пожалуй, можно согласиться, что, по единству идеи, Петергоф небезукоризнен. Но, по роскошной панораме, богатству фонтанов, в подражании которых Версальским не могли, конечно, не упрекнуть Петергоф, по изяществу вековых, на диво разросшихся деревьев,— Петергофский парк все-таки красавчик из красавцев, ничуть не уступающий Царскому Селу! Петергофский дворец расположен на краю крутой террасы — прежнего морского берега, возвышающегося сажен на десять над уровнем моря. Между террасой и морем тянется береговая полоса, не шире 1/8 версты. Полосу эту, на протяжении двух верст, занимает Нижний сад; на самой террасе, вокруг дворца, разбит Верхний сад, имеющий 200 сажен в длину и 150 в ширину. Нижний сад перерезывается почти пополам Самсоновым каналом, имеющим в ширину 9 сажен и заканчивающимся у подножия дворца круглым бассейном. На самой окраине левой половины помещается дворец Марли, от которого ведут три аллеи; сред-

К. П. Беггров.
Вид Инженерного замка из Летнего сада в 1833 г.
С акварели В. Садовника. Литография

А. Е. Мартынов.
Фонтан «Самсон» в Петергофе.
Литография, раскрашенная акварелью. 1821—1822 гг.

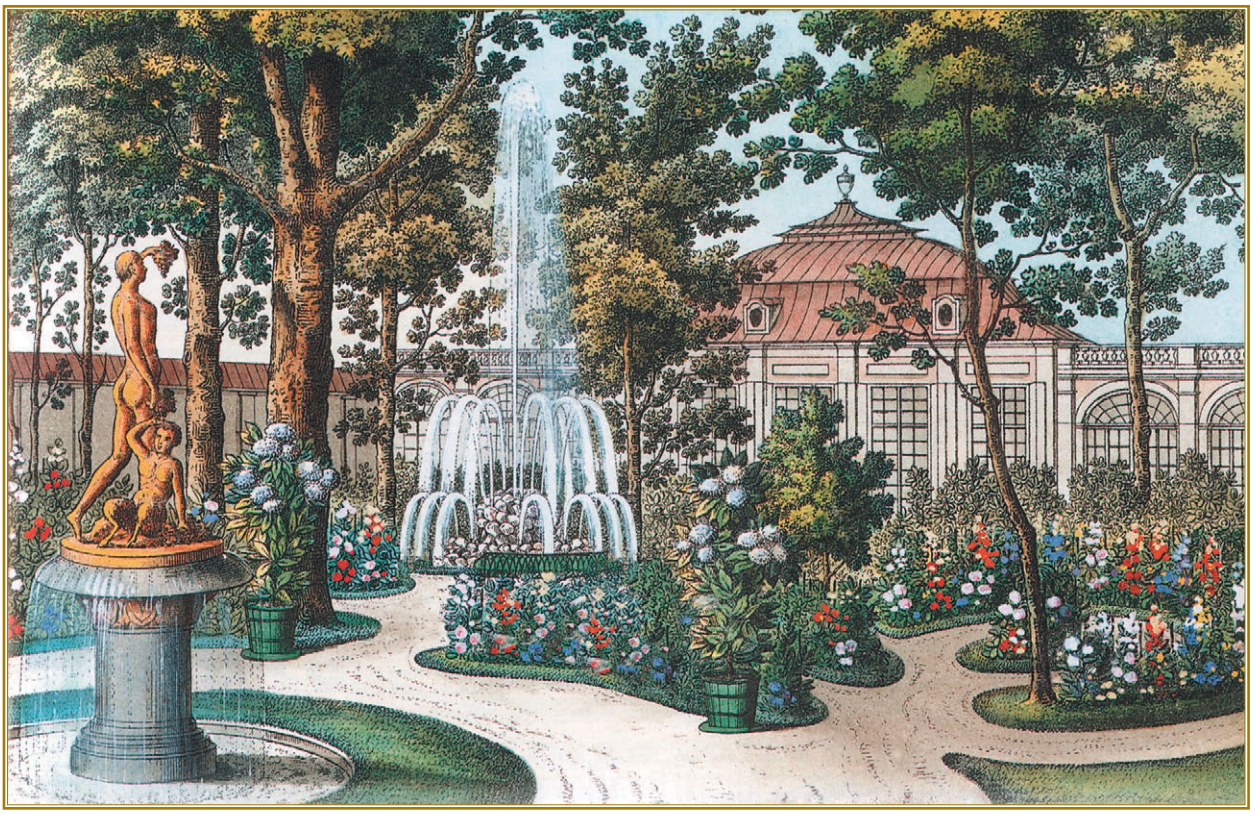
Вид на центральный фонтан Большого каскада в Петродворце —
прославленном пригородном дворцово-парковом ансамбле Петербурга.
Скульптурная группа «Самсон, раздирающий пасть льва» (К. Растрелли) — аллегория победы над Швецией
в Полтавской битве — была установлена в 25-ю годовщину победы.
В 1801 г. обветшалая свинцовая скульптура была заменена бронзовой по модели М. Козловского

няя, называемая Марлинским проспектом, перерезывает весь Нижний сад вдоль и когда-то заканчивалась лабиринтом, оставившим следы только в расположении дерев. Проспект перекрещивается двумя аллеями: по эту сторону канала (около Марли) — аллеей, ведущей в Эрмитаж, а по ту сторону — аллеей, ведущей в маленький дворец Монплезир; на перекрестках помещаются фонтаны «Адам» и «Ева», окруженные трельяжем. Таким образом, Нижний сад распадается на три особых участка: Дворец, Марли и Монплезир, имеющие, каждый, отдельную водометную установку. Главная краса Нижнего сада — богатырь Самсон, раздирающий пасть льва; Самсон, отлитый из бронзы русским художником Екимовым, по модели русского же художника Козловского, помещается под дворцом в середине неглубокого пруда, соединенного с морем посредством канала, выходящего в гавань. Сам канал окайм-

лен фонтанами, образующими водяную аллею. Канал остается равно прекрасен как летом, так и зимой; но резкая разница между величественной, полной жизни и красы, картиной лета, в противоположность к мертвой, скучной, томящей душу картине зимнего бездействия — бросается в глаза, если сопоставить дворец в пыли фонтанов с дворцом в пыли снегов... По спуске с горы, на которой так живописно расположен дворец, стоит направо оранжерея с фонтаном, изображающим сатира; от оранжереи ведет дорога к морю; по пути — фонтан «Адам», в конце — Монплезир. Здесь стоит дворец, устроенный Петром Великим на голландский манер; тут он часто пивал чай, любуясь на вид Петербурга и Кронштадта, отчетливо видные с террасы; постель царя сохранилась во дворце по настоящее время. Рядом с дворцом расстилаются сад и цветники в голландском вкусе. В Монплезире жила также Екатерина II до восшествия на престол и посадила там дуб крайне оригинального вида, хранимый как святыня. Неподалеку — купальня, от которой ведет дорога к фонтанам «Пирамид», а по берегу — в «Лабиринт». Тут при Екатерине II стояла избушка на курьих ножках — гнилая, дряхлая, крыша чуть держалась, дверь и того хуже, а окна были завешаны рогожей; но внутри домик этот был обставлен по всем стенам зеркалами, расположенными так, что посетитель казался в неизмеримом пространстве и положительно не знал, куда выйти или войти; отсюда и название «Лабиринт»,— по придворной же кличке строение это величалось «Домик дурачества». Между

Е. Е. Мейер.
Вид на церковь Большого петергофского дворца. *Акварель. 1842 г.*

Постройка дворцовой церкви начата в 1747 г. и освящена была во имя св. апостолов Петра и Павла 9 сентября 1751 г. в присутствии императрицы, прибывшей нарочно для этого из Царского Села



Монплезирский сад с фонтанами «Колокол» и «Сноп»

Л. Премацци. **Вид Картинного зала в Большом дворце.** *1855 г.*

И. Кестнер.
Отъезд из Петергофа императрицы Екатерины Алексеевны в день восшествия на престол.
1762—1763 гг.

И. Кестнер.
Императрица Екатерина II на ступенях церкви Казанской Божией матери. *1762—1763 гг.*

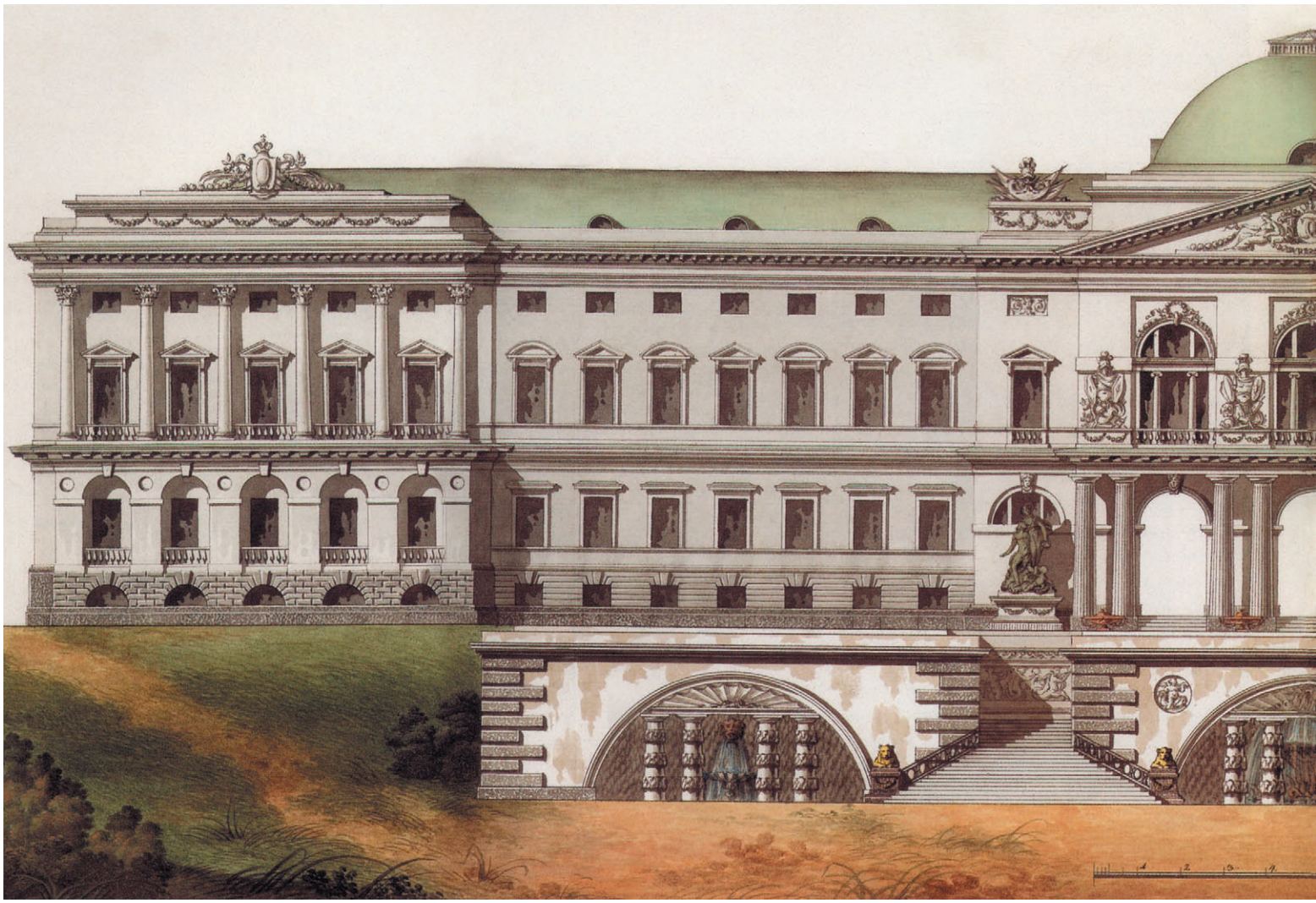
Петергоф. Парк Александрия. Дворец-коттедж

Коттедж построен в 1826—1829 гг. по проекту архитектора А. Менеласа.
В строительстве и отделке интерьеров дворца принимали участие академик живописи Д.-Б. Скотти, резчик В. Захаров, лепщик М. Соколов, многие талантливые русские умельцы — паркетчики, столяры, каменщики и другие мастера

А.-П. Бланшар. **Фермерский дворец в Александрии.** *Около 1858 г.*

оранжереей и «Пирамидами» бьют два больших фонтана, называемых «Римскими», а перед ними — каскад из квадратных плит белого и черного мрамора: «Шахматная доска». От «Лабиринта», почти отвесно к морю, идет каменная ограда, оканчивающаяся у шоссе, возле теплиц; за этой стеной лежит Александрия. Позади дворца, на горе, помещается цветник с фонтанами, по сторонам — густые аллеи; тут же, в искусственном бассейне, стоит краса Верхнего сада — бронзовый фонтан «Нептун», заказанный в Нюрнберге. В парке находятся три пруда: перед «Храмом Венеры» — Песчаный пруд со знаменитыми карасями, являющимися на зов по звонку; около Монплезира — Красный пруд; наконец, в третьем находятся красивые островки, Ольгин и Царицын, с изящными павильонами. Около Марли расположен Золотой каскад в виде лестницы, под медными ступенями которой, во время иллюминаций, горит огонь. Под каскадом, на площадке между деревьями, в круглых бассейнах бьют два сильных фонтана; дальше, по березовой аллее, встречается великолепная колоннада, посреди которой стоит статуя девушки, выливающей воду из кувшина; по углам сидят львы, извергающие воду из пасти, а по сторонам бьют шумящие потоки, обливающие пьедестал сплошною массою воды. Дальше влево, по дороге к берегу,— фонтан «Ева», шагов на 600 откуда — «Адам»; на самом берегу — домик, окруженный глубоким рвом, «Эрмитаж», от которого ведет дорога к военной гавани. И это только самый беглый обзор; всего не перечтешь...

Е. Е. Мейер.
Царицын павильон. *Около 1850 г.*



СТРЕЛЬНА

Я уже упоминал о начале Стрельны: собственно, здесь предполагалось устроить подобие Версаля, но, по совету Миниха, план перенесен в Петергоф. Тем не менее Стрельна была не совсем заброшена при Петре. Был выстроен небольшой дворец и сооружена деревянная церковь, на колокольне которой находился древний шведский колокол, завоеванный при взятии Копорья; неподалеку тянулась оранжерея, а около нее до сих пор красуется древняя липа, под которой, при Петре I, устроена была беседка; тут государь часто сиживал и пил чай, любуясь на свое ненаглядное море. Около оранжереи идет канал, по ту сторону которого Петр I завел дубовый питомник. В 1722 г. государь подарил Стрельну Елизавете Петровне.

При Анне Иоанновне дворец сгорел; Елизавета Петровна отстроила его вновь и приделала к нему два флигеля, но в последние годы не бывала там совсем.

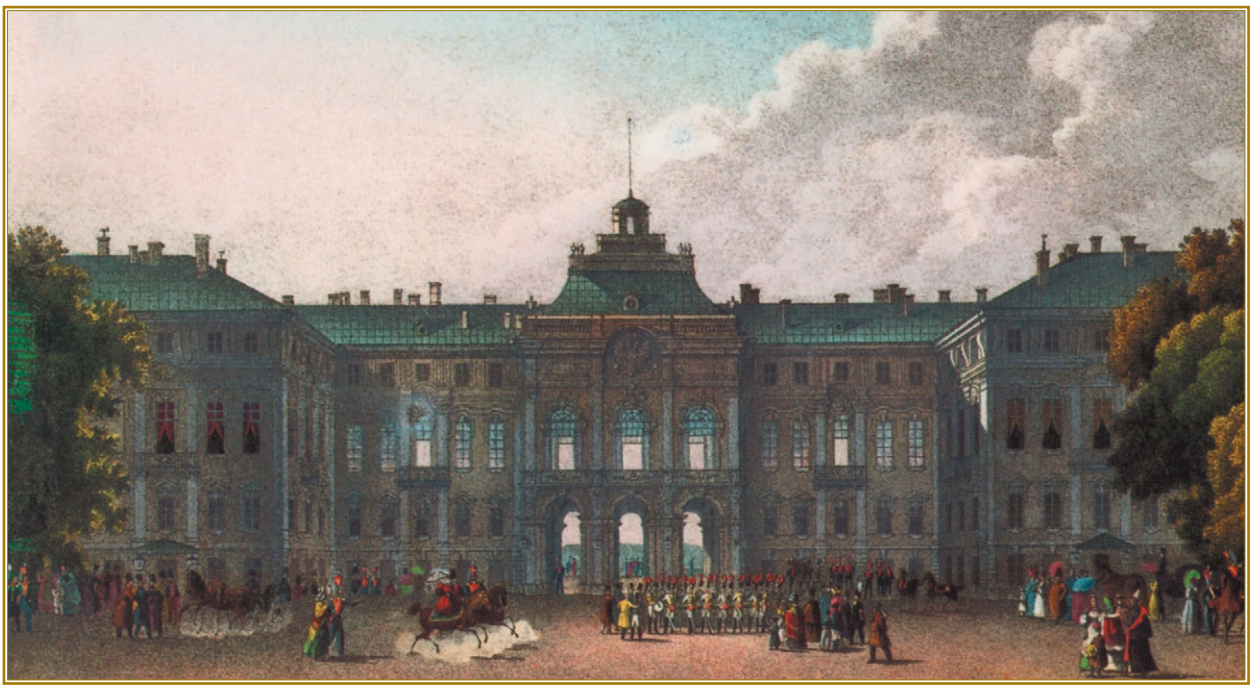
При Екатерине II Стрельна была заброшена. Наконец, в 1797 г., Павел I подарил эту виллу великому князю Константину Павловичу. Тогда Стрельна начала процветать; и хотя в 1803 г. снова пострадала от пожара, но в следующем же году возникла как феникс и, с каждым годом хорошея, считается по справедливости одним из лучших парков в окрестностях столицы.

Франц Вильстер.
Фасад Большого дворца в Стрельне. *1800 г.*

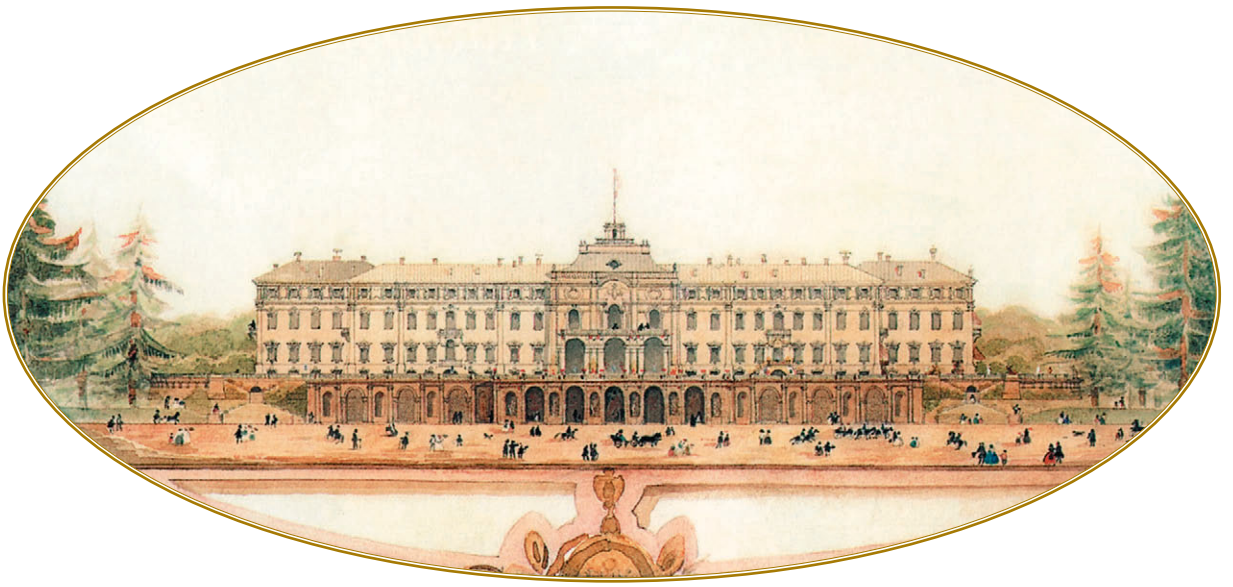
Известно, что вторую жену Петра I, Екатерину, в России недолюбливали, особенно в первые годы ее появления в императорском дворце. Поэтому венчались Екатерина и Петр тайно, не объявляя официально о своей свадьбе. Место венчания первого российского императора и его будущей преемницы до сих пор точно не известно, однако большинство историков считают, что для этого события была выбрана небольшая церковь в поселке Стрельна. Возможно, уже тогда у Петра возникла идея создать в этом месте парк — «Русскую Версалию»

План парка, составленный Лёблоном, выполнен не совсем по его чертежу: во многих отношениях были сделаны отступления с самого же начала работ; но хотя впоследствии, при Константине Павловиче и его наследниках, произошло немало изменений в английском духе, однако основной стиль все-таки не нарушен и чудные, прямые аллеи не искривились под руками брауновцев и их сподвижников. Стрельнинский парк не поражает особым великолепием, зато отличается величественной простотой, которая часто несравненно выше всяких чудодейных затей, вроде тех, которыми щеголяет Таврический сад.

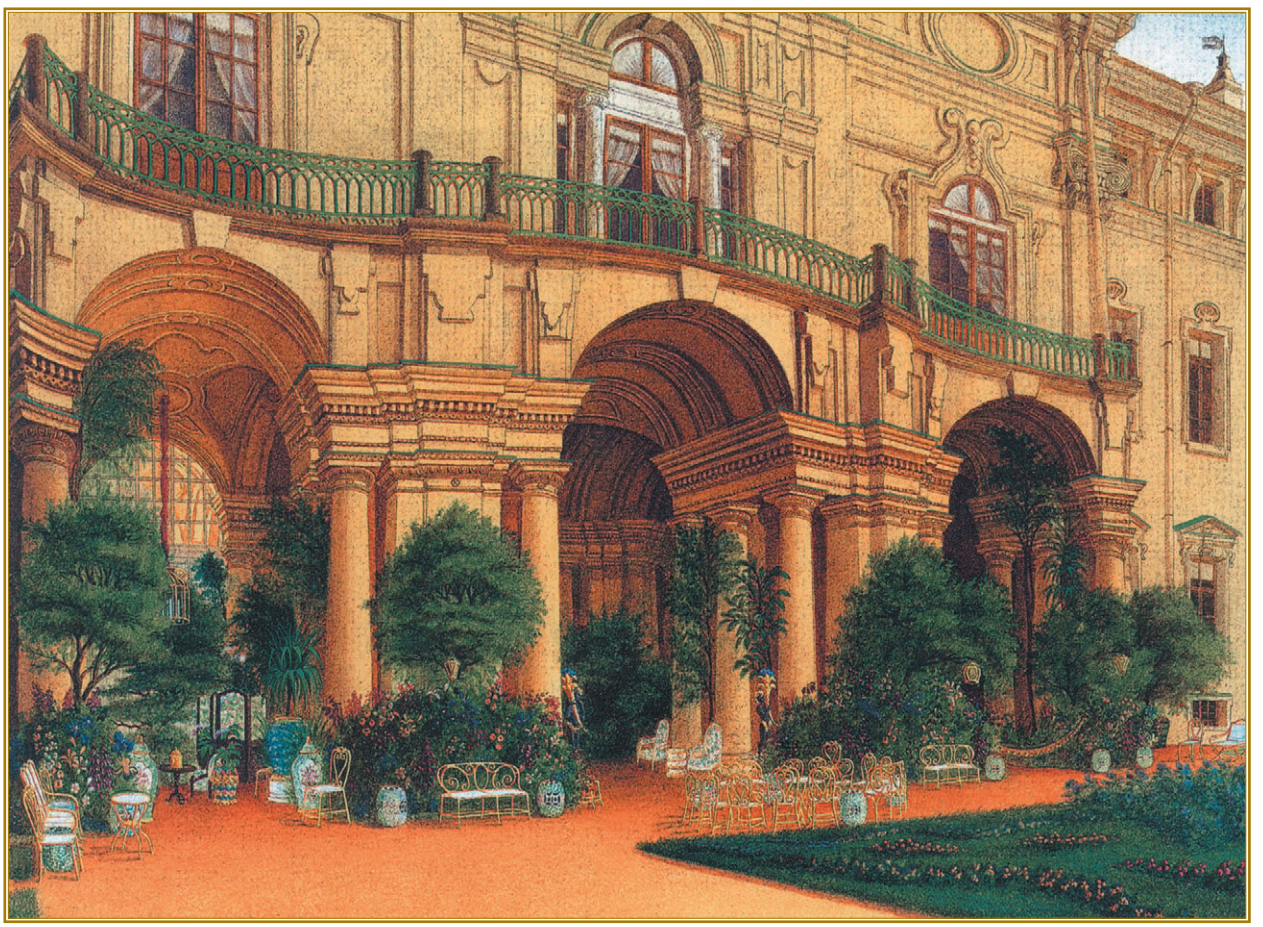
Е. Е. Мейер.
Вид Большого дворца в Стрельне. *1840-е гг.*



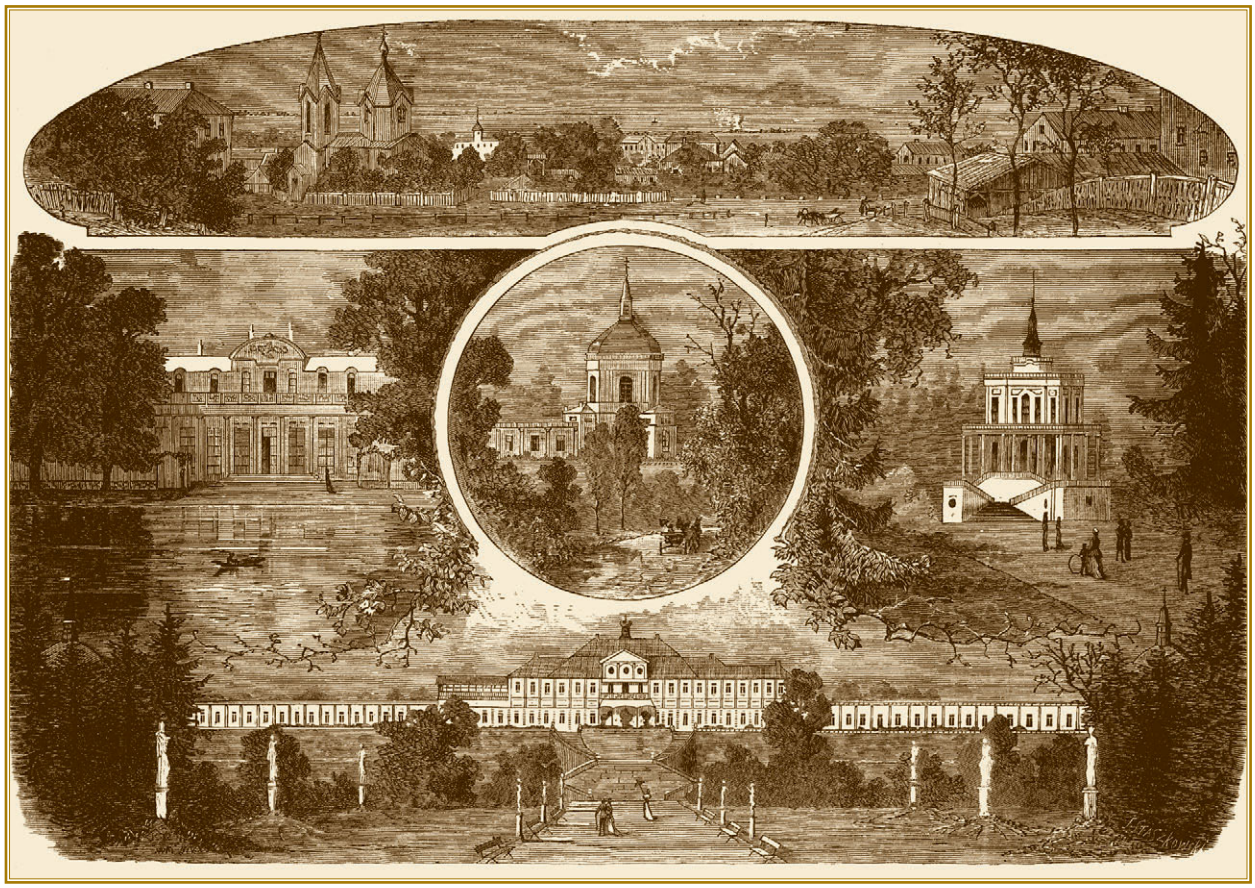
И. А. Иванов.
Вид Большого дворца в Стрельне. *1833 г.*



Неизвестный художник.
Большой дворец в Стрельне



П. А. Черкасов.
Большой дворец в Стрельне. *1855 г.*



Общий вид Ораниенбаума с горы. *Гравюра XIX в.*

ОРАНИЕНБАУМ

Ораниенбаум (Orangenbaum; в просторечии «Рамбов», как Петербург — «Питер», а Шлиссельбург — «Шлюшин») входил в состав владений, отведенных князю А. Д. Меншикову после завоевания Ингерманландии. В 1714 г. Меншиков выстроил на горе обширный дворец, перед которым вырыл канал наподобие Петергофского, но значительно уже и без всяких фонтанов. Вокруг дворца — над которым в виде купола до сих пор возвышается колоссальная княжеская корона — был разбит великолепный сад с пышными цветниками и роскошными аллеями. По ссылке Меншикова в Березов, Ораниенбаум поступил в казенное ведомство, а в 1742 г. вошел в дворцовое управление. В 1743 г. императрица Елизавета подарила Ораниенбаум великому князю Петру Федоровичу, который, два года спустя, выстроил тут летний дворец и соорудил земляную крепостцу «Петерштадт». Екатерина II, будучи великой княгиней, устроила себе одноэтажный домик, в котором жила во время царствования Елизаветы Петровны. В 1796 г. Ораниенбаум пожалован наследнику престола, великому князю Александру Павловичу, впоследствии же перешел во владение Михаила Павловича, а затем к дочери его — великой княгине Екатерине Михайловне. Со времен Екатерины II парк постоянно улучшался, причем часть регулярных насаждений была переделана в английский стиль; в этой части, т. е. в английском саду, устроена была Катальная горка, т. е. горка для спуска в колясочках (Rollbahn). Вид с возвышенных частей парка — замечательно красив, самый же парк, незамет-

Ораниенбаумская катальная гора. *Гравюра XIX в.*

но заканчивающийся лесом, содержащий значительное количество прогалин и вмещающий в себе живописное озеро,— привлекает многочисленную публику не только из Кронштадта и Ораниенбаума, но даже из самого Петергофа. Петергоф как-то давит своею роскошью; Ораниенбаум, при всей простоте, изящнее.

В окрестностях Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны встречается еще несколько замечательных парков и садов: Ропша, славящаяся своими розами; Бабигон новый (не «бабий гон», а с финского «paapigont»), иначе: «Олино» — бельведерный дворец, с которого открывается великолепный вид, очень любимый Николаем Павловичем; Гостилицы, загородная вилла Потемкиных, отличающаяся прекрасным парком и фруктовым садом; наконец, целый ряд частных вилл, расположенных в ближайших окрестностях Петергофа и Ораниенбаума, как то: князя Дондукова-Корсакова, графа Зубова, В. А. Ратькова-Рожнова (бывшая Жадимеровского), адмирала Грейга и др.

А. Е. Мартынов.
Вид дворца в Гатчине. *1821—1822 гг.*

Слово «Гатчина» происходит от финского «кассина» — красивый, пригожий, нарядный (по-эстонски «кассино» обозначает «наряжать невесту к венцу»). Финская мыза, название которой исказилось в «Гатчино», вполне заслуживала имя красавицы,— не по собственной красе, а по чудному местоположению на склоне Дудергофских гор. Мызу эту, в 1708 г., Петр Великий подарил любимой сестре, великой княжне Наталье Алексеевне, по смерти которой мыза перешла в дворцовое ведомство. Екатерина II пожаловала ее князю Григорию Орлову, который в 1766 г. основал здесь зверинец (Thierpark), а в 1770 г. построил великолепный дворец по проекту итальянского архитектора Ринальди и разбил парк в английском вкусе. В 1783 г. Екатерина II купила Гатчину у наследников князя Орлова и подарила ее великому князю Павлу Петровичу. В 1800 г. император Павел подарил Гатчину своей супруге, Марии Федоровне, после смерти которой царская вилла эта стала собственностью царствующих государей Всероссийских. Но, вплоть до конца царствования Александра II, в Гатчине редко кто жил из особ царского дома, так как в исключительной чести были Царское Село и Александрия; со времени же воцарения Александра III Гатчина попала в милость: великий миротворец полюбил красивую, хотя и закинутую виллу своего прадеда настолько, что даже зимнюю резиденцию перенес туда же. Естественно, что при таких условиях Гатчина еще усовершенствовалась и что прежнего запустения пропал всякий след.

Дворец, содержащий около 600 комнат и зал, помещается на плоском месте, окруженном лесом и деревнями, и расположен в виде продолговатого четырехугольника; построен он в три этажа, с маленькими башнями по краям. К нему примыкают два громадных флигеля, устроенных при императоре Николае Павловиче, из пудостского камня, здание дворца окаймляет обширную квадратную площадь, перед которой раскинут величественный лес, прочищенный так, что сквозь чащу его видна прелестная перспектива. Внутреннее расположение дворца — совершенно в духе покойного государя: оно отличается изяществом и простотой. Парков три: английский, регулярный и зверинец; бывший здесь же ботанический сад уничтожен

С. Ф. Щедрин.
Каменный мост в Гатчине. *1799—1801 гг.*

в 1820 г. Из тех комнат, которые обращены в английский сад, представляется роскошный вид, главным пунктом которого является зеркальное озеро, разливающееся на множество ручьев с искусственными водопадами. Озер три: Большое, Белое и Черное. На островках, соединенных с берегом эффектными мостами, красуются различного рода памятники и сооруже-

ния: рыцарский замок Коннетабль и крайне эффектный Приорат Мальтийского ордена; «Березовый домик» — беседка, имеющая вид сложенных дров, внутри которых помещается роскошный кабинет; обелиск Г. А. Орлова, сооруженный братом бывшего владельца; на Большом озере — чаще всего называемом «Серебряное»,— на острове «Любви», помещается павильон Венеры; павильон этот, отличающийся роскошною живописью плафона, содержит красивую статую Венеры. Гатчинская резиденция неоднократно описана в лучших русских и заграничных иллюстрированных журналах и особенно в течение последних 15-ти лет; но особой монографии, как для Павловска и Царского, я, к сожалению, не встречал — не отрицая, впрочем, нимало возможность и даже вероятность ее существования.

И.-Я. Меттенлейтер.
Вид зверинца в Гатчине. *1792 г.*

«При Гатчине,— писал академик Н. Я. Озерецковский во второй половине 1810-х годов,— находится большой зверинец, окружностию в 8 верст; он огорожен высоким частоколом, крест-накрест поставленным.
В нем содержатся сибирские и американские олени и буйволы...
Кроме оленей и буйволов, находятся в зверинце один лось и один осел»

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Историю Царского Села писал ученый пастор Авенариус, объясняющий, что в данной местности, еще в XVII столетии, существовали две большие мызы: Сарская и Пурколовская (Пулковская). Название «Сарский» произошло от финского слова «esaari» (остров) и дано мызе по той причине, что она, стоя на холме, как бы образовала остров в отношении к окружной равнине. Мызу эту Петр I подарил супруге своей в 1708 г., для заведения сельского хозяйства. Императрица, в бытность Петра I за границей, построила здесь в 1716 г. небольшой каменный дом в виде сюрприза для супруга; дом этот существовал еще во времена Елизаветы Петровны; в 1716 г. императрица соорудила деревянную церковь во имя Успения Богородицы. С 1725 г. мыза, успевшая обогатиться несколькими каменными зданиями, стала называться «Царским Селом», а в 1728 г. поступила во владение Елизаветы. Императрица Елизавета велела снести скромный дом родительский и, в 1744 г., выстроила роскошный дворец по плану графа Растрелли; при Анне Иоанновне дворец этот обогатился различными украшениями, но своею настоящею пышностью Царское Село обязано Екатерине II.

Собственно говоря, Царское Село — создание Екатерины II, тут почти каждый камень, каждое дерево напоминает о ней, чуть не на каждом шагу встречаются следы ее деятельности и памятники ее деятелей, и, вообще, вся вилла до такой степени проникнута ее духом, до того рельефно характеризует весь умственный склад императрицы, что Царское как бы неразлучно с историческою личностью его владелицы, так же как Сан-Суси неразлучно с личностью Фридриха Великого.

Парк — когда-то разбитый на болоте, а в настоящее время покрывающий ареал в 4,5 мили в окружности — имел первоначально регулярную форму в старофранцузском стиле; под руководством императрицы, садовый инженер Буш, отец обер-интенданта, в 1778 г. превратил часть его в английский сад. Это было первое применение английского стиля в царских садах России (в частных садах стиль этот был принят

А. Е. Мартынов.
Царское Село. Вид на Большое озеро. *1815 г.*

Все, что сделала Екатерина в Царском Селе, было исполнено прочно, широко, тщательно отделано и выдержано в деталях. Лучшие архитекторы того времени были выписаны императрицей из-за границы: Ч. Камерон, А. Ринальди, Дж. Кваренги — и украсили своими работами дворец и парк

несколько раньше); по примеру Царского был переделан и Ораниенбаумский парк, затем Павловский и, наконец, Петергофский. Ввиду этого, относительно стиля, XVIII век делится на две эпохи: на Петровскую, в которой преобладает регулярный стиль, и Екатерининскую, в которой процветает (хотя и не исключительно) английский тип. По проекту того же Буша, инженер-генерал Бауэр провел сюда воду из Ганнибальских ключей, находящихся в Таиц-

кой мызе, за 14 верст; водопровод идет через реки и горы. Самый pleasure-ground образует площадь, имеющую в длину 230, в ширину 250 сажен. Основанием парка и садов послужил прежний березняк, выросший на топком холмистом грунте. Легкие березовые рощи сменяются густыми темно-зелеными дубравами, ельниками и сосняками; между ними расстилаются зеленые, бархатные лужайки; там и сям блестят пруды и серебрятся ручейки, вперемежку с холмами, утесами, ущелинами и глубокими рвами. Сквозь чугунную ограду, напоминающую Сан-Суси, ведут 9 ворот: 7 для экипажей, 2 для пешеходов. Мраморные ворота, находящиеся по направлению к Гатчинской дороге, воздвигнуты в честь братьев Орловых, в память прекращения ими моровой язвы, свирепствовавшей в Москве в 1771 г.; портик этих ворот, сделанный из разноцветного мрамора, исполнен во вкусе римских триумфальных ворот; чугунные, с надписью «Любезным сослуживцам моим», поставлены Александром I, по возвращении русских победоносных войск из Парижа.

Но грандиознее всех — колоссальная гранитная арка на Подкапризовой дороге: арка эта как бы высечена в природной скале, на крутой

Императрица Екатерина II в Царскосельском саду.
Гравюра XIX в.

Из всех загородных резиденций Екатерина больше всего любила Царское Село. Начиная с 1763 года, она, за исключением двух-трех лет, жила в Царском Селе весну, проводила почти все лето и уезжала осенью, когда наступали холода. Она ежедневно совершала прогулки пешком по парку, в сопровождении придворных кавалеров и фрейлин

В. Л. Боровиковский.
Екатерина на прогулке в Царскосельском парке. *1794 г.*

К концу царствования Екатерины II Царское Село изменилось до неузнаваемости: выстроен Александровский дворец; Большой дворец увеличен пристройкой Агатовых комнат, Камероновой галереи, Великокняжеского корпуса, надстройкой Церковного корпуса и возведением Зубовского; сады расширены и украшены множеством новых зданий и памятников в честь сподвижников императрицы

вершине которой стоит зорким сторожем китайский «Подзорный павильон». «Капризами» — малым и большим — называются два проезда, окаймленные театральной обстановкой. Императрица была в восторге от декорации, виденной ею в театре и изображавшей перспективу городка,— перспективу эту, в виде сюрприза для императрицы, Потемкин тогда же велел исполнить в натуре. Дальше по Капризовой дороге тянется Китайская деревня, обнесенная шпалерником и легкою чугунною решеткой. В деревне этой, явно выстроенной под

влиянием Уэтле, все в китайском вкусе. На берегу одной из речек, которыми пересекается вся эта часть сада, стоит поодаль пестрая пагода на гранитной пристани; высокие, вогнутые крыши домов деревни, как бы служащие цистернами для дождевой воды, расписаны прихотливыми узорами и украшены выпуклыми изображениями драконов, крокодилов и змей. В Китайской деревне Н. М. Карамзин написал свою знаменитую «Историю государства Российского»; здесь же, летом 1822 г., проживал, во время проезда из Москвы, поэт Дмитриев.

Дорога к Софии ведет через Китайский мост и колоссальные чугунные ворота.

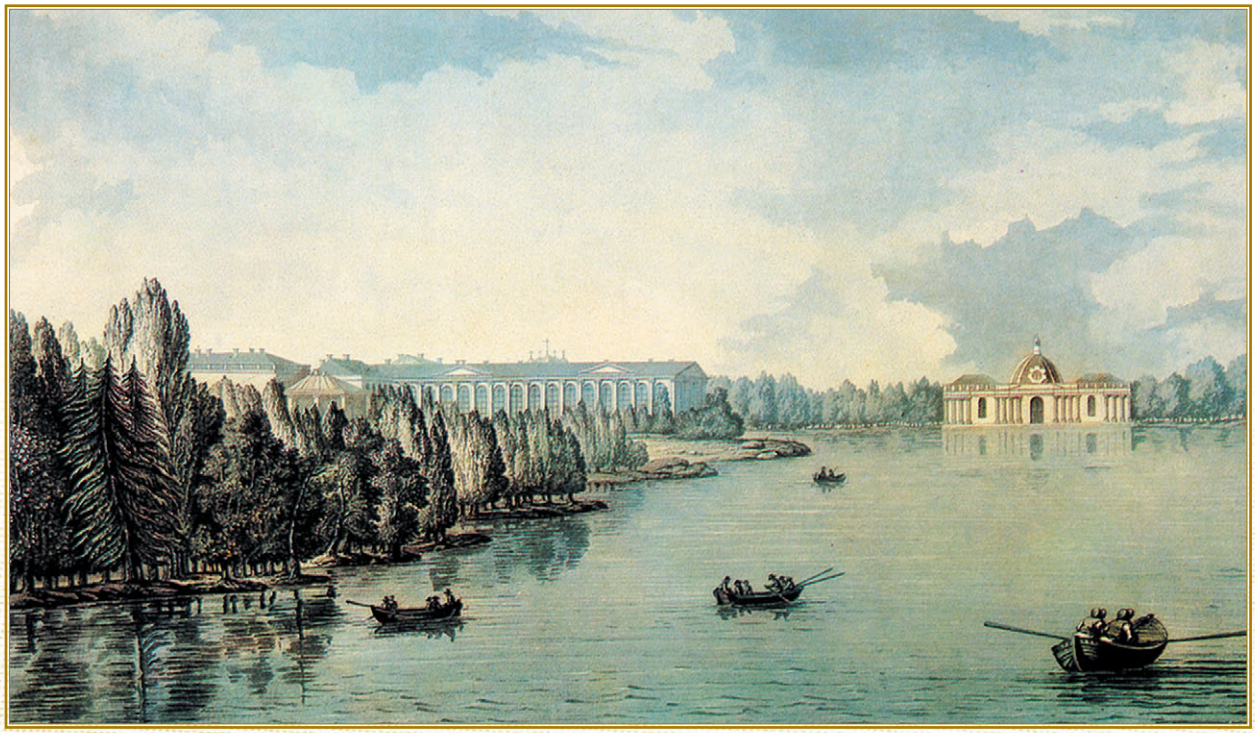
С причудливым Китаем граничит живописная Греция. Первым по Екатерининской дороге встречается греческий храм; дальше — в виде продолжения террасы — следует средняя аллея, разделяющая сад на две половины и лежащая против мраморного фасада дворца. Перед зеркальными окнами кабинета стелется бархатный луг, в средине которого возвышается мраморный обелиск, сооруженный в 1771 г., в память победы Румянцева над турками при

А. Е. Мартынов.
Вид части парка в Царском Селе. *1821—1822 гг.*

Китайская деревня лежит в Александровском саду, за каналом; от нее, по обе стороны, идут дороги, соединяющие Александровский сад с Большим, а неподалеку лежит часть города, называемая «Софией». София, основанная в 1780 г., была зачатком города Царское Село, и в течение некоторого времени название «София» всецело относилось к городу.

р. Кагуле (21 июля 1770 г.). Несколько дальше, под мрачною сенью плакучих берез и серьезных елей, скрывается могильная урна, с мечом и щитом и завядшим миртовым венком. Направо — Jeu de paume, красивый домик, украшенный кариатидами, служивший для игры в мяч. Вблизи, среди грациозной чащи деревь, возвышается храм Аполлона — великолепное

сооружение, внутренняя пышность которого вполне соответствует наружной красоте; у подножия храма медленно извивается ручей, отражая круглый портик и величественный купол. В соседней роще красуются остатки Афин, привезенные А. Орловым. Здесь кончается греческий мир.

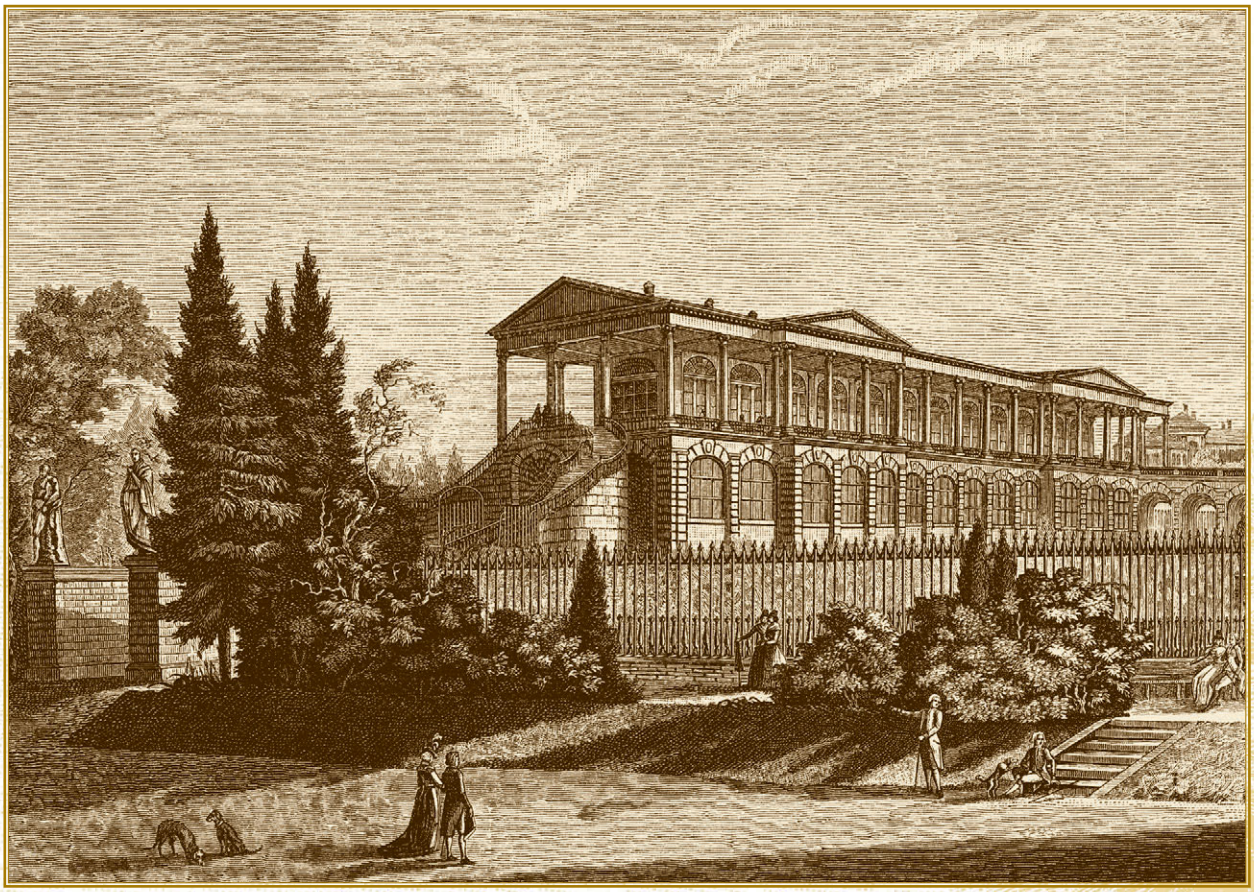


М. Ф. Дамам-Демартре.
Вид Царского Села. *1813 г.*

Недалеко от Аполлонова храма стоит Турецкий киоск, весь в стеклах, убранный со всею роскошью сераля и окруженный водой. Императрица построила его в память отъезда Репнина послом в Царьград и любила давать в нем домашние праздники. Вправо — обширная поляна, прежде усеянная розами, в середине поляны — мраморный храм на 32 столбах, основание которого превращено в площадку для оркестра. Все воды этой половины соединяются в широкий поток, проходят под мшистым утесом и, на большой аллее, низвергаются серебристым водопадом, над которым висит красивый мостик из дикого камня. Поток образует еще несколько водопадов, проходит под мраморным мостом и, наконец, впадает в большое искусственное озеро. Терраса вдоль средней аллеи обложена гранитом с балюстрадами и навесами и уставлена лимонными и померанцевыми деревьями. Перед террасой — зеленый скат, лежащий лицом к озеру и засаженный ароматными кустарниками, группами развесистых деревьев и кущей берез. Сход с террасы — по двум каменным лестницам; вокруг — цветник, способный поспорить с лучшими в Европе, несмотря на разницу в климате. Вниз по скату ведет дорога в лес; там, среди площадки, на глыбе гранита сидит горюющая молочница с разбитым кувшином, из которого льется чистая ключевая вода (сюжет басни Лафонтена). От статуи этой идет темная аллея; налево мелькает озеро; вокруг — мрачно и дико; вдруг является крытый, великолепный мост, а за ним стелется зеркалом большое серебристое озеро. Вокруг этого озера изгибаются железные мостики, шумят водопады, выглядывают минареты; близ деревьев — обширная купальня; вправо — множество островков, на которых имеются особые домики для лебедей; а возле — небольшая пирамида, окруженная липами и березами, могила любимых собачек императрицы (подражание Сан-Суси). За пирамидой возвышаются чугунные ворота в готическом стиле — копия с ворот

в рейнском замке Рудольфа Габсбурга; ворота эти ведут по излучистой крутизне, поросшей лесом, в древний рыцарский замок, причем высокая башня, огромные своды и нависшие дикие камни еле мирятся с мыслью, что вся эта руина создана искусством.

Замок этот — памятник исторического события, в наружном своде помещается камень со следующею надписью: «Положен в день объявления войны с Турцией». С вершины башни видна вся окрестность, у подошвы зияет крепостной ров с зубчатым мостиком; за рвом — поляна. Дорога вдоль берегов озера слегка изгибается; по ней высятся холмики, с покойными сиденьями под сенью дерев. На противоположном берегу виден дворец, наружные лепные работы которого, во времена Екатерины II, были вызолочены, но, после пожара 1820 г., покрыты желтой краской. Всего более выделяется построенная при Екатерине же колоннада в готическом стиле; сооружение это — шедевр Камерона, отстроившего его в 1783 г.,— поставлено на возвышенности и имеет 39 сажен в ширину и 7 сажен в высоту; между колоннами находятся бюсты и статуи, и между прочим — Демосфена, Цицерона, Фокса и Вольтера; последний представлен в натуральную величину, сидящим в креслах, в халате и колпаке. В середине озера покоится остров Калипсо, с концертной залой; возле него — Чесменская колонна, вся в волнах



Камеронова галерея в Царском Селе.
Гравюра XIX в.

Контракт на строительство Камероновой галереи заключили с камнерезным мастером М. Кезой, который взял на себя обязательство строить в точном соответствии с чертежами и планами Ч. Камерона. Договор подробно описывал облик будущего здания: «Верхний этаж с колоннами, внутренние арки и стены должны быть из кирпичей, а базы под колонны из пудостского камня. Верхний пол в галерее выстлан должен быть мраморными плитами квадратными ... половина серого и половина белого мрамора». Договор скреплялся залогом со стороны подрядчика: в случае невыполнения контракта М. Кеза лишался своего каменного дома в Санкт-Петербурге

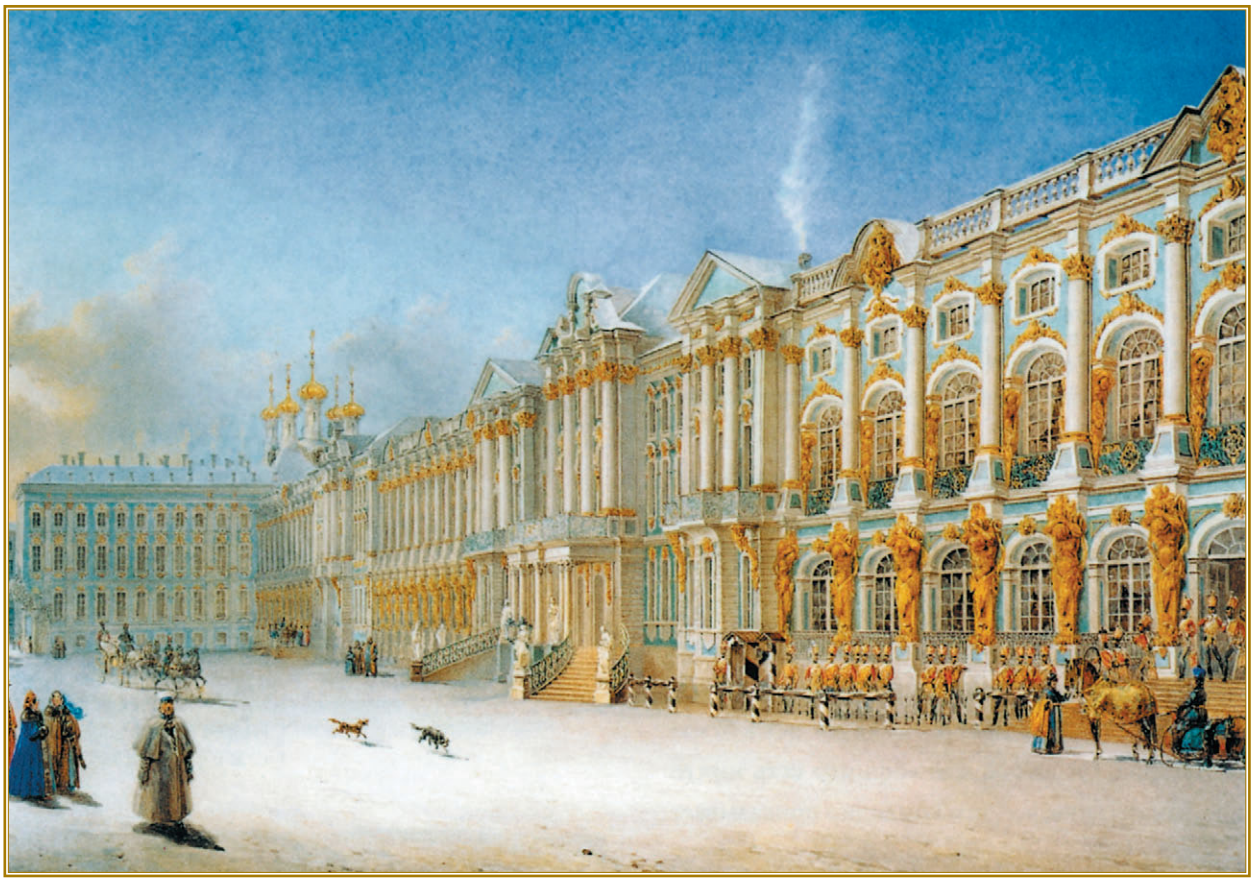
на подножии из желтого мрамора с бронзовыми барельефами, а наверху парит орел с распростертыми крыльями.

Местное адмиралтейство помещается в небеленом доме голландского стиля; в нижнем сарае хранятся раззолоченные лодки и шлюпки, между которыми всего более замечательна байдарка, сделанная из цельного кокосового дерева, размером 18 аршин в длину и 1/2 аршина в ширину. Царская яхта, со всеми снастями, стоит посреди озера; на зиму ее втаскивают на берег и обшивают парусиной. В верхнем ярусе адмиралтейства находится большая готическая зала, уставленная видами Царского Села; в боковых флигелях — птичники. Вода удерживается в озере посредством каменной плотины, устроенной на сводах; в плотине оставлено несколько отверстий, сквозь которые прорываются маленькие, мирно журчащие водопады; каскады сливаются в светлый поток, который, встречая «пороги», пенится, шумит и, дробясь об огромные глыбы гранита, низвергается сверкающими лучами. Несколько деревьев и частый кустарник скрывают деревянный мостик, положенный на камнях. Направо — лесистая насыпная гора скрывает границы сада; ниже — опять водопад, у которого стоит мраморный памятник Федору Орлову. Еще ниже кончается английский и начинается правильный сад так, что памятник как бы служит пограничным столбом века Екатерины и времен Елизаветы.

Регулярный сад образует совершенную противоположность английскому парку: на ровном выглаженном пространстве проведены стриженые липовые аллеи и длинные светлые каналы с горбатыми мостиками. Между аллеями

Е. Е. Лансере.
Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. *1905 г.*

В двадцатилетнее царствование Елизаветы начался бурный расцвет Царского Села.
Императрица не жалела средств для украшения любимой резиденции. Были реконструированы
«каменные палаты» Екатерины I в Большой Екатерининский дворец.
Архитекторы возвели по приказу императрицы «Эрмитаж», дворцовое управление, зал на «Острову»,
«Монбижу», «Грот», «Кавалерские» дома, Нижние конюшни, и другие дома.
Изменены очертания «Большого» пруда, на месте оврага устроены четыре пруда, прорыты каналы



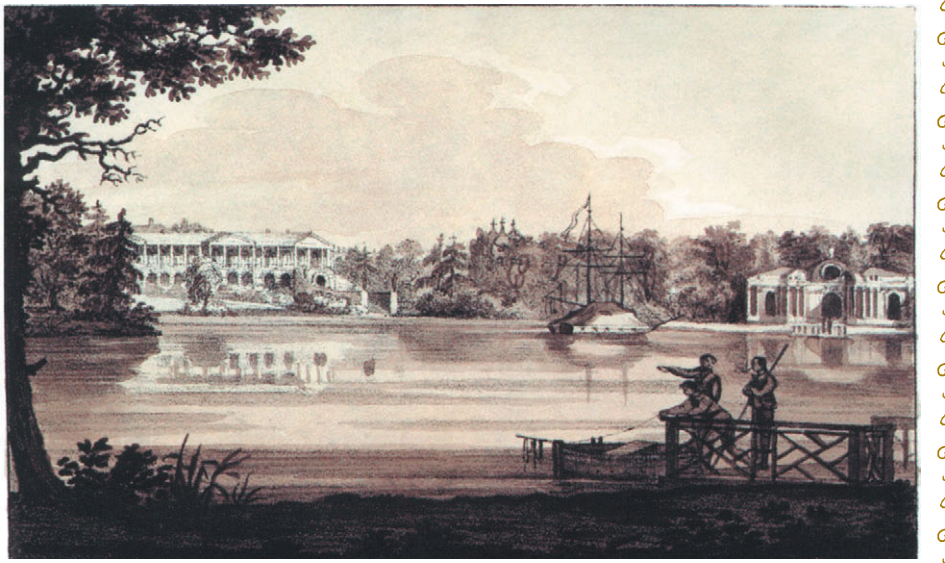
В. Садовников.
Вид Екатерининского дворца

всего интереснее Петровская: она идет вдоль канала и окаймлена сибирскими деревьями, насаженными Петром Великим. Площадки, со статуями в центре, расположены в геометрическом порядке; между ними — так же точно систематически — помещаются бассейны, купальни, храмы и т. д. Большая средняя аллея, начинающаяся у парадного крыльца и украшенная четырьмя статуями, упирается в Эрмитаж. Это здание имеет вид храма древнефранконского стиля и содержит внутри особую залу с подъемными столами: все нужное к столу поднималось из нижнего этажа посредством машин так, что можно было обойтись без прислуги. Эрмитаж выстроен графом Растрелли в 1746 г. До 1777 г. здание это окружено было каналом; кухнею для него служило небольшое каменное красное здание, теперь служащее воротами и известное под названием «придворной булочной». Через канал были переброшены подъемные мостики, а пространство около Эрмитажа вымощено белыми и синими мраморными плитами. Зеркала, находящиеся в этом Эрмитаже, замечательны тем, что представляют образцы работ первой в России зеркальной фабрики, основанной князем Потемкиным (за Невским монастырем). В 1750 года на берегу Большого пруда устроен павильон, названный «Гротом»; но кавказские раковины, украшавшие его стены, скоро обвалились, и Екатерина II обратила грот в «Утреннюю залу», где иногда занималась делами по утрам. В зале сохраняются статуя Утренней Зари и бюсты именитых лиц, между прочими — турецкого султана и его жены.

Охотничий замок Елизаветы Петровны, названный ею «Mon bijou» (в просторечии «Монбеж»), теперь не существует: при Александре I его перестроили в четырехбашенный замок в английском вкусе. Близ оранжерей — славящихся не менее Виндзорских — стоит капелла, построенная в 1825 г.; тут хранится драгоцен-

В. П. Лангер. **Вид на озеро и памятник графу А. Г. Орлову-Чесменскому.**
Из сюиты «Двенадцать видов Царского Села». 1820 г.

В. П. Лангер. **Вид садовой набережной с частью Екатерининского дворца и лицея.**
Из сюиты «Двенадцать видов Царского Села». 1820 г.



В. П. Лангер. **Вид на озеро и колоннаду Камероновой галереи.**
Из сюиты «Двенадцать видов Царского Села». 1820 г.

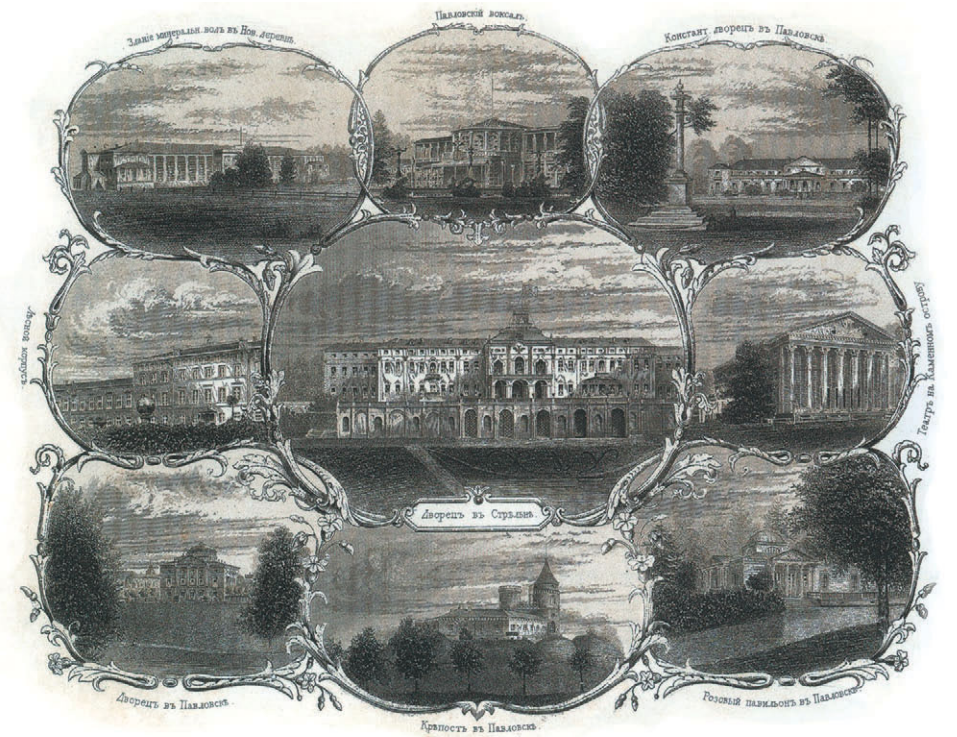
В. П. Лангер. **Вид Большого Каприса.**
Из сюиты «Двенадцать видов Царского Села». 1820 г.

Д. Ф. Герасимов.
Дворцовая церковь в Царском Селе

ная мраморная статуя — Христос Спаситель, знаменитого художника Даннекера; первый эскиз этой статуи создан в 1816 г., окончена она в 1824 г.; приобрела ее императрица Мария Федоровна за 30 000 рублей.

Между остальными достопримечательностями Царского, которых буквально не пересмотреть за неделю, если обойти дворец и его драгоценные галереи — особенно интересна воспроизведенная здесь статуя Ставассера «Рыболов», помещающаяся на берегу пруда.

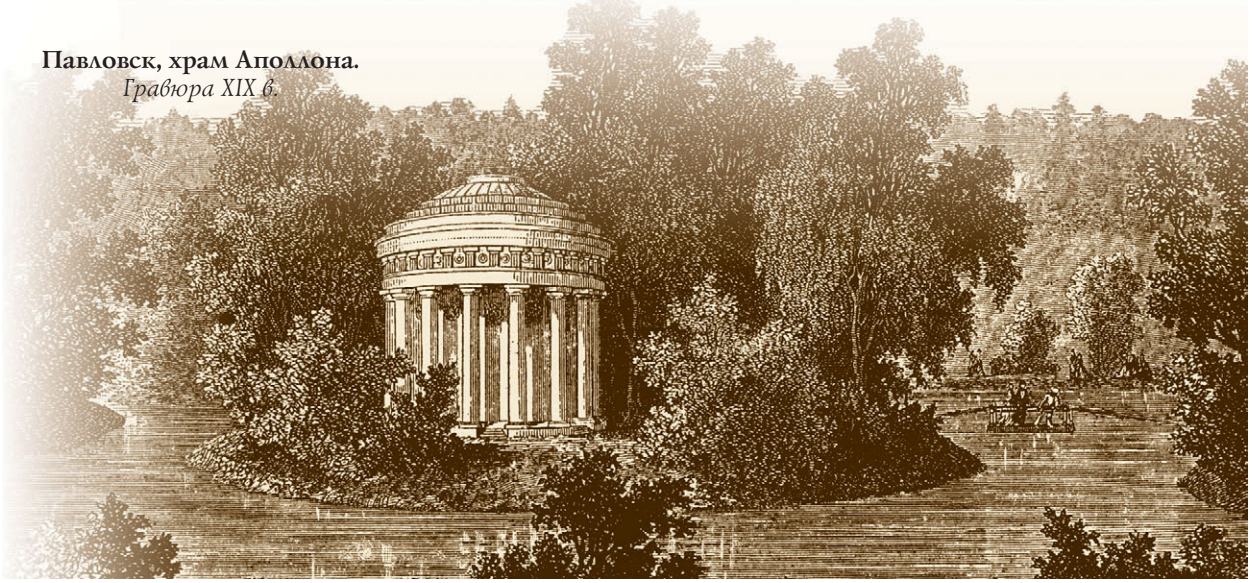
В общем можно сказать следующее: Царское Село представляет собою целый мирок, в котором Екатерина Великая желала собрать образчики природы и искусства различных стран, времен и народов и, вместе с тем, хотела создать Пантеон славы в память тех деятелей, которыми блистал ее век. Идея царицы удалась вполне. Она, действительно, оставила в Царском живой, долговечный памятник и себе, и своим пособникам, но самое создание ее до того искусственно, до такой степени перегружено архитектурными украшениями, а главное — так мало оставляет места природным мотивам, что оно поневоле поражает каждого своею роскошью и пышностью, достойною великой Екатерины, но едва ли вдохновит художника...



Санкт-Петербург и его окрестности. *Гравюра XIX в.*

ПАВЛОВСК

На юго-восток от Царского Села — подобно Версалю, возникшего пышно, горделиво, «из тьмы лесов, из топи болот»,— на многие десятки верст тянулась почти сплошная чаща леса, перемежавшаяся оврагами, болотами и полянами; лес этот пересекала извилистая речка Славянка, которая, во время разлива, образовала обширные «заводи», а местами — непроходимые топи. В убогих деревушках, кое-где разбросанных, пресмыкалось очень немного людей; зато лес изобиловал дичью, привлекавшею аристократических охотников, и между ними — Петра III и Павла Петровича. Для охотников было выстроено два охотничьих домика, «Крик» и «Крак»; первый сохранился и поныне; место, где находился второй, состоит в пожиз-



Павловск, храм Аполлона.
Гравюра XIX в.

ненном владении г-на Швабе. Названия «Крик» и «Крак» — чисто охотничьи клички, краткие и зычные; тем не менее, на основании созвучия, составилась этимологическая басенка по поводу названия «Крик». Павел Петрович будто бы слышал на этом месте какой-то крик. В сущности, это такое же случайное совпадение, как «кулебяка» и «Kohlgebück», «городовой» и «garde a vous», «семья» и «семя» и тому подобные паронимы. В день рождения старшего внука Екатерины II, Александра Павловича, ским, а в 1798 г. — уже при царствовании Павла I — село возведено на степень «беспосредственного» города Павловска.

Мне встречалось множество описаний Павловска, преимущественно в журналах, письмах и мемуарах, иногда и в специальных сочинениях — так как Павловский парк, недостаточно ценимый петербургской публикой, в среде знатоков садоводства считается образцовым; но отдельно изданных монографий Павловска я знаю всего две. Обе книги эти взаимно дополняют

А. Е. Мартынов.
Вид окрестностей дворца в Павловске. *1821—1822 гг.*

императрица подарила отцу его 362 десятины помянутого бора, с домиком «Крик» и двумя деревеньками — Линна и Кузнецы — в придачу. Впоследствии удел был значительно увеличен так, что в 1794 г. он уже состоял из 879 десятин да еще прибавилась к угодью деревня Рысь-Кабачок. Павел Петрович, имевший свой любимый центр в Гатчине, всецело предоставил новое поместье августейшей супруге, желавшей иметь свой уютный уголок. Дата подарка, 12 декабря 1777 г., увековечена надписью на обелиске, сооруженном на берегу Славянки; самое же урочище стало первоначально селом Павлов-

друг друга: «Павловск», роскошно изданный иждивением августейшего внука императрицы Марии, великого князя Константина Николаевича, содержит множество любопытных исторических сведений и, несмотря на неизбежный полуофициальный-полуофициозный тон, невольно увлекает теплым, искренним чувством, когда описание касается светлой личности той, кому сотни тысяч людей — сирот глухонемых, инвалидов, убогих — обязаны, кто воспитанием, кто пристанищем, а кто и просто жизнью. Автор другой, Шторх, налегает на сад, и хотя он вовсе не специалист, однако в этом отношении

представляет материал, ускользнувший от талантливого автора «Павловска». Я воспользовался и тем и другим как вообще пользовался каждым источником, и из книги «Павловск» извлек прилагаемые здесь рисунки; но, в отношении критической оценки,— полагался только на себя.

История Павловска — донельзя коротка: пока Мария Федоровна была великой княгиней, Павловск сооружался постепенно, мало-помалу, на личные, иногда весьма скромные, средства

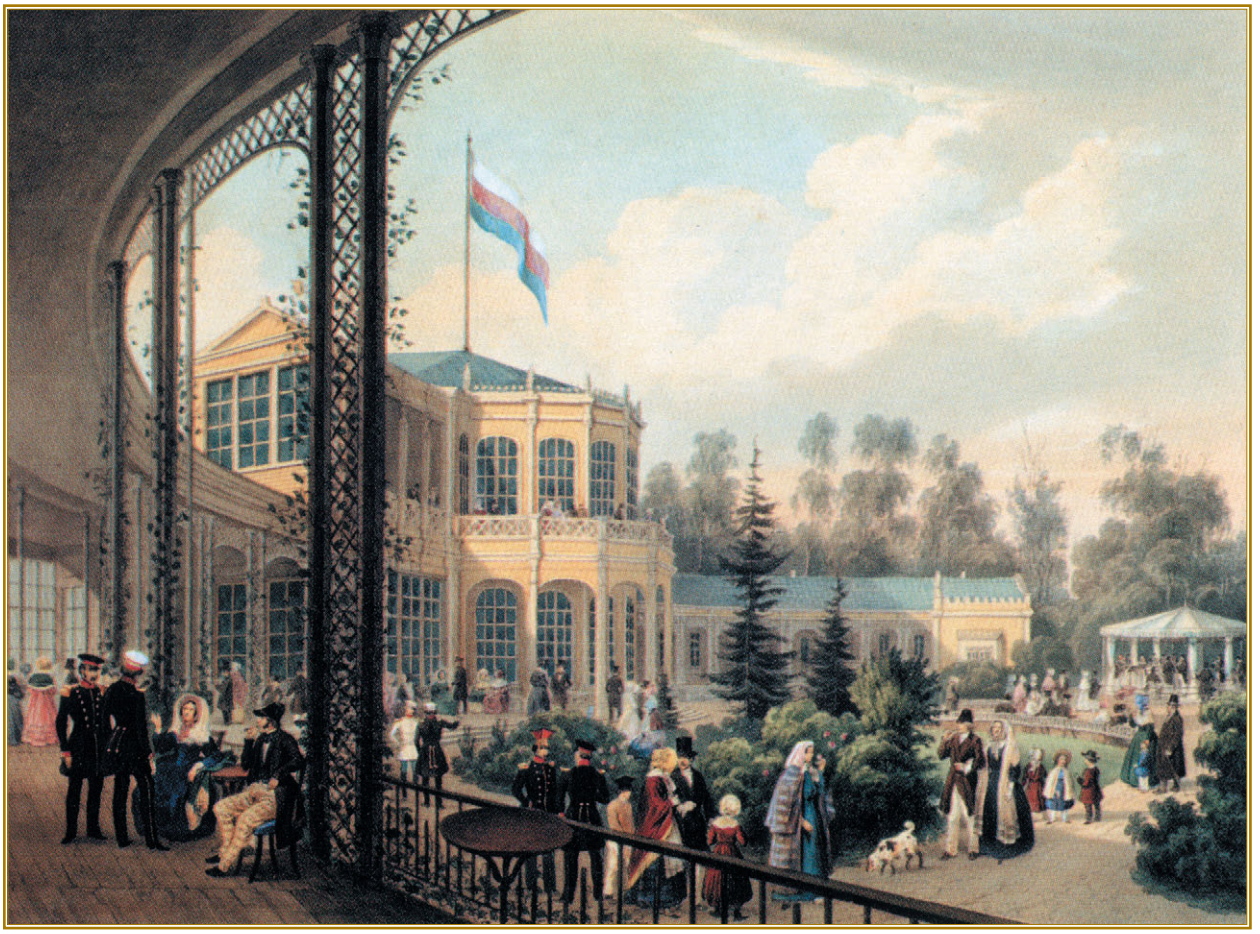
А. Е. Мартынов.
Вид окрестностей дворца в Павловске. *1821—1822 гг.*

и под непосредственным наблюдением высокой владелицы. Когда Мария Федоровна стала императрицей Всероссийской, Павловск расцвел окончательно, и уже тогда стал приблизительно тем, чем мы его застаем в настоящее время. Создания в Павловске начались с постройки двух дач: домика «Пауль-Луст» и дачи Marienthal; оба сооружения, так же как и дворец, возведенный в 1780 г. и сгоревший в 1783 г., были работы знаменитого зодчего Чарлза Камеруна. В 1779 г. возникла молочная ферма, играющая в письмах императрицы особенно видную роль. Государыня, отзываясь о ней, пишет не иначе, как «ma jolie ferme», «ma chere ferme». В 1780 г. воздвиглись: китайская беседка, оранжерея, хижина отшельника и швейцарское шале. В 1781 г. августейшие супруги отправились за границу, после чего спесивый, зазнавшийся Камерон неохотно принялся за постройку главного дворца, возведенного вместо прежнего «Пауль-Луст». Затем — смотря по средствам и обстоятельствам — возникает целый ряд мавзолеев, памятников, храмиков, крепость Биб, оригинальная «аттрапа» «Пиль-башня», изображающая мельницу, воздушный театр, наподобие Веймарского, горбатый мост, Золотые ворота, зверинец и т. д. и т. д. Особенно интересен Розовый павильон (Pavilion des Roses), воздвигнутый по повелению императрицы Марии в 1814 г., в течение нескольких дней, для приема возлюбленного сына, возвращавшегося из Парижа. В то время Розовый павильон был действительно окружен розовыми кустарниками, а внутри — по карнизам и вокруг люстр — вилось несколько рядов искусственных роз. Розовый павильон служил много раз для литературных бесед, в которых участвовали

А. Я. Головин.
Пейзаж. Павловск

Жуковский, Гнедич и другие поэты; в нем постоянно находились альбомы для посетителей, желавших излить свои чувства, и на одном из листков такого альбома Крылов написал прелестную басню «Василек» (драгоценный листок этот подарен императрицей одному из августейших детей).

Все сооружения, созданные в Павловске, так же характерны для первой владелицы его, как великолепия Царского для Екатерины II. Державная монархиня создала нетленный памятник славы и величия, скромная супруга императора Павла устраивала только сельский уютный уголок для своей семьи; в Царском увековечено воспоминание о выдающихся деятелях и о великих событиях блестящего царствования,— в Павловске, как в Сан-Суси, хранится память о тех, кто был дорог и близок императрице Марии: память родителей, супруга, дочери, друзей. В Царском, как в вилле Веспасиана, встречается и классическая Греция, и пышный Рим, и дальний Пекин, и позолоченный Париж. Павловск почти весь создан из воспоминаний детства и отрочества императрицы, да еще из впечатлений путешествия по Франции, Германии, Швейцарии. Царское напоминает на каждом шагу о царице, которая, вершая судьбы мира, отправляла Суворова, Потемкина, Орловых, Румянцева в дальний, победоносный поход; Павловск напоминает о той, кто, благословляя



К. К. Шульц.
Вокзал в Павловске. *По оригиналу И. Я. Мейера. 1840-е гг.*

русских воинов, отправлявшихся отстаивать родную землю, сама еле удерживая горячие слезы, утешала рыдающих жен и детей солдатских: «Бог милостив! Вернутся!..»

Павловские старожилы помнят мало блестящих фейерверков и пышных торжеств, устраиваемых императрицей Марией, но не забыли они о радушной, приветливой хозяйке, угощавшей всех без разбора и позволявшей каждому посетителю гулять где угодно, с уговором не рвать цветов и не мять травы. Последнего она просто не выносила: когда резвые ребятишки, заигравшись, бегали по лужайке, то императрица, никогда не сердившаяся (по природной сдержанности и деликатности, государыня от роду не сказала резкого, обидного слова), останавливала шалунов такими словами: «Дети, не мните травки, ей больно!» Однажды, во время прогулки, императрица встретила крестьянку, та, с переполоху, отскочила на газон. «Милая, что ты делаешь!.. — кротко заметила государыня.— Не топчи травы! Это все равно, будто ты мне на ногу наступила!..» Я невольно увлекся, заговорив об императрице Марии; что делать,— это, вероятно, и с каждым бы случилось, кому хоть издали пришлось бы коснуться такой светлой, именно святой личности, которой всего ближе подобна была только одна из царственных женщин: королева Луиза, бабушка царя-освободителя...

Самый стиль Павловского парка, разбитого садовником Вислером (и вовсе не по плану Броуна, а по указаниям самой императрицы), отличается самым резким образом от Царскосельского английского сада. Екатерина II была художником в смысле Людовика XIV, т. е. признавала не безыскусственную, а как бы ювелирно обработанную природу, так что принятый ею английский стиль был не более, как французский рококо, с извилистыми аллеями, волнистым грунтом (terrain accidente) и подобранными под тень красивыми группами неподрезанных дерев. Императрица Мария отчасти подчинялась примеру тогдашней законода-

тельницы мод Марии-Антуанетты, которая, создавая свой Маленький Трианон, была не ближе к природе, чем Екатерина II, и, вводя моду элегантных пасторалей, только видоизменила времена прежних маркизов; но подражание было крайне скромное, почти шуточное, и в основе садового плана императрицы лежала идея, всего нагляднее высказанная медоточивым, слезообильным автором «Бедной Лизы»: «Вижу сады, аллеи, цветники,— говорит Карамзин,— иду мимо них; осиновая роща для меня привлекательнее. В деревне всякое искусство противно. Луга, лес, река, буерак, холм — лучше французских и английских садов. Все эти маленькие дорожки, усыпанные песком, обсаженные березками и липками, производят на меня какое-то противное чувство. Где видны труд и работа, там нет для меня удовольствия. Дерево, пересаженное, обрезанное, подобно невольнику с золотою цепью; мне кажется, что оно не так зеленеет, не так и шумит в веяние ветра, как лесное. Я сравниваю его с таким человеком, который смеется без радости, плачет без печали, ласкается без любви. Природа лучше нас знает, где расти дубу, вязу, липе; человек мудрит и портит». Вся эта елейная тирада является плагиатом с «Эмиля» Руссо, но, безусловно, точно высказывает тогдашнее направление. Основная идея о прелести природных мотивов вполне соответствовала воззрениям императрицы; поэтому она и выполнила ее в Павловском парке, хотя вовсе не избегала ни дорожек, ни явно заметных трудов: мысль и почин совершенно скрыть работу — принадлежат уже Пюклеру; даже Леннэ не мог избавиться от невольного впечатления искусственности, вследствие слишком явного проявления следов труда.

Вообще же, про Павловский парк — не вдаваясь в лишние подробности — можно сказать следующее: благодаря художественному вкусу императрицы Марии, благодаря множеству усовершенствований, исполненных ее наследниками, великими князьями Михаилом Павловичем и Константином Николаевичем,— Павловский парк, без всякого сомнения, является образцом того, что может быть достигнуто естественным стилем на северной окраине России, т. е. при помощи одной только местной флоры и природных мотивов. В этом отношении Павловск не имеет соперника,— так же как Царское и Петергоф, каждый в своем роде, могут смело поспорить со всякими парками и садами, в которых главную роль играет не естественная природа, а изысканное искусство.

А. Рослин.
Портрет императрицы Марии Федоровны. *1866 г.*

Неизвестный художник.
Император Павел I

И. А. Иванов. **Пейзаж с рекой Екатерингоф.** *1844 г.*

ЕКАТЕРИНГОФ

К числу самых старинных петербургских созданий Петра Великого принадлежит Екатерингофский парк, возникший на топком, болотистом месте, возле устья р. Фонтанки. Около этого места Петр Великий одержал над шведами победу в морском сражении, происходившем 6 мая 1702 г. В память этой победы государь заложил два дворца: один — каменный, с башней, на небольшом островке, для наблюдения за судами, прибывавшими из Кронштадта, вследствие чего дворец этот назывался «Подзорным»; другой — деревянный, двухэтажный, на берегу залива, для жилья. Между дворцом и берегом росла густая чаща леса, сквозь которую, через прямую просеку, вел канал, сообщавший залив прямо с крыльцом. По обеим сторонам канала были выкопаны небольшие бассейны, обсаженные деревьями; позади дворца пестрел цветник в голландском вкусе. Лес был настоящим лесом, с тропинками и просеками вместо аллей; дворец, украшенный вышкой (бельведером), имел по фасаду всего по 7 окон на этаж. Все это угодье получило название «Екатерингоф», в честь супруги государя, и было подарено ей же. После смерти Петра Великого Екатерингоф пришел в запущение.

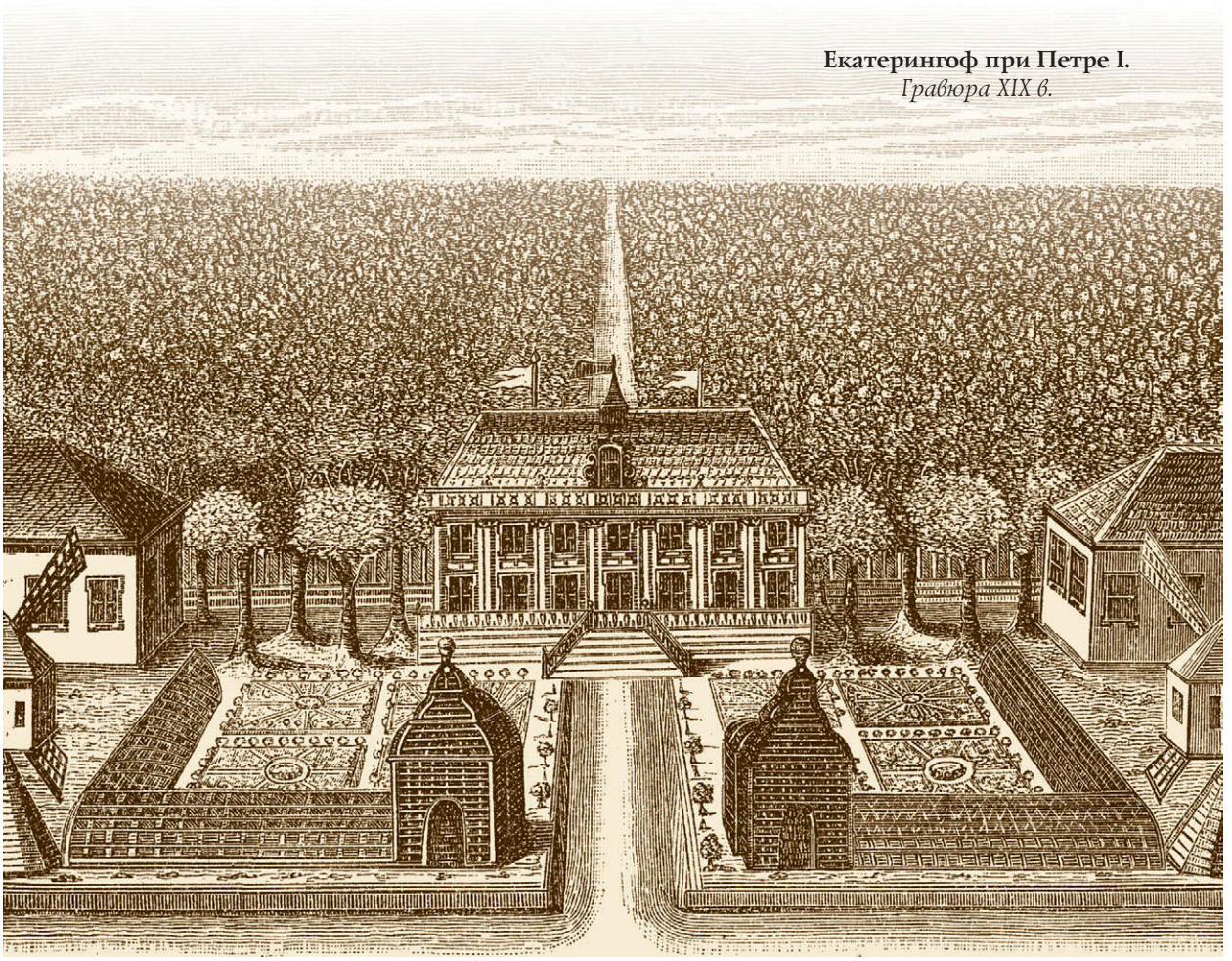
Елизавета Петровна, став императрицей, велела обнести частоколом лес, находившийся между речкой и большой дорогой, и сделать из него зверинец для оленей; самый же дворец был ремонтирован по плану Растрелли: с каждой стороны пристроили по три окна, спустили крышу и обвели главный корпус золоченой колоннадой, вполне пригодной для сельских балов. Тем не менее Елизавета Петровна редко посещала Екатерингоф. Дорога в эту виллу проходила мимо двух кладбищ, Екатерингофского и Вознесенского, содержавшихся донельзя скверно, а императрица пуще всего боялась призрака смерти. При Екатерине II Екатерингоф снова захирел. Император Павел, указом от 31 марта 1800 г., подарил большую часть урочища — за исключением дворца — княгине А. И. Гагариной, а почти такое же угодье, Анненгоф,— генерал-губернатору Петербурга, графу фон дер Палену. В 1804 г., по повелению

Гуляния в Екатерингофе.
Гравюра XIX в.

Александра I, Екатерингоф перешел в ведение города. Тогдашний военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович обратил особенное внимание на это место, служившее излюбленным гуляньем каждого 1-го мая: дворец развалился окончательно, лес все еще был обнесен частоколом, сад — по местоположению топкий — был непроходим в дождливое время, особенно осенью и весной. Милорадович представил на высочайшее утверждение проект перестройки Екатерингофа, по плану молодого архитектора Монферрана, будущего строителя Исаакиевского собора. Монаршее согласие последовало не сейчас же: император Николай Павлович сначала приобщил Екатерингоф к Дворцовому управлению (1826), а затем разрешил перестройку. Работы эти, веденные крайне энергично, продолжались всего с весны до осени 1828 г. В течение одного лета исполнено следующее: канал прочищен; по бокам сделана насыпь; через канал переброшен легкий чугунный мостик; при входе на мостик поставлены с обеих сторон трехарочные чугунные ворота (как у Египетского моста), украшенные фигурами; направо от моста, на песчаной косе, выведена «Ферма» — большое деревянное здание в готическом стиле, с решетчатыми фигурными окнами и галереями, и с высоким бельведером; фундамент был каменный. «Ферма» служила дачей графу Милорадовичу. В самом парке — по сведениям, имеющимся у М. Пыляева,— устроили красивую палатку, в которой поместилась кондитерская; затем — восьмиугольный павильон с четырьмя портиками, перед каждым из которых лежало по два чугунных льва, служивших основанием для столбов павильона; шпиль был обит белым железом; с боков кровли были изображены прыгающие зверьки. На лугу был устроен детский садик с китайской беседкой, стояли качели, малень-

кая карусель, гимнастические игры, кегельбан и т. д. В лесу, по направлению к Черной речке, выстроена русская изба с распашными тесовыми воротами, высокою пестрою голубятней и деревянным кружком на окнах и крыше; на створчатых ставнях были размалеваны яркими красками цветы в горшках; на широком дворе возвышались высокие качели на зеленых столбах; в палатке дымился огромный самовар, продавались мед и пиво, селянка, ботвинья и другие яства. Главным зданием в саду был «вокзал», т. е. увеселительный дом; вокзал был выстроен в мавританском вкусе, с огромной ротондой, накрытой голубым куполом с золотыми полосами, на высоком шпиле развевался флаг. К ротонде примыкали с обеих сторон два павильона, а спереди помещались две огромные вазы, наполненные цветами. В самой ротонде содержалась круглая зала, с хорами для музыкантов; в прочих помещениях были красивые комнаты и залы. Одновременно с Екатерингофским парком был расчищен и близлежащий Гутуевский остров, а рыбачьи хижины, стоявшие на нем, превратились в сельские домики итальянского типа. Парк был разбит на английский манер.

Видно, не слишком прочна была вся эта постройка, так как 12 лет спустя, в 1840 г., последовал капитальный ремонт. Это было лучшее время Екатерингофа. Царь, отправляясь в Петергоф, постоянно проезжал по Екатерингофскому шоссе, содержавшемуся в блестящем порядке, и часто навещал прапрадедовскую виллу. Но когда появилась железная дорога, то шоссе потеряло почти всякое значение; в 1850 г. большая часть исторических вещей, сохранявшихся в Екатерингофском дворце, перешла в Петровскую галерею Эрмитажа, и дворец, вкупе с парком, в третий раз запустел, осунулся и обветшал. В настоящее время вся эта вилла — в крайне жалком положении, но едва ли надолго: здесь, в недалеком будущем, предвидится новое оживление, благодаря новому порту; и легко может быть, что Екатерингофский дворец и парк найдут нового, деятельного хозяина в лице Таможенного ведомства.



Екатерингоф при Петре I.
Гравюра XIX в.

МОСКОВСКИЕ САДЫ XVIII ВЕКА

Теперь обратимся к московским паркам и садам XVIII столетия. История их — значительно короче петербургских, так как в данную эпоху большинство этих садов не создалось, а только переродилось в духе времени, да и то довольно медленно: коренная черта Руси Святой,— стойкая, непоколебимая консервативность, свойственная всем народам, отличающимся патриархальным строем; вследствие этого Москва, не особенно торопившаяся принять регулярный стиль, но все-таки освоившаяся с ним в первую половину XVIII ст., значительно дольше Петербурга не могла расстаться с прямыми аллеями и геометрической разбивкой, следы которых сохранились в старых московских садах до настоящей минуты. Кроме того, московские сады отличаются от петербургских еще тем, что, с перемещением резиденции царей в новую столицу, «красное садоводство» Москвы одно время сосредоточивалось главным образом в барских, но уже не в царских угодьях, хотя казенные сады никогда не переставали играть видной роли; впоследствии же, когда Москва, пострадавшая от французского погрома, оправилась и снова заселилась, множество частных городских садов было уничтожено, а за городом, под Москвой, многое из лучшего поступило в казну.

Москва Белокаменная — «несокрушимый Кремль русской старины» — была не в особенной милости у Великого Реформатора: тем не менее, и он уважал древнюю матушку Москву и сделал для нее очень многое, причем не осталось обиженным и садоводство, которое государь страстно любил. Но наибольшей степенью развития изящного — не плодового — садоводства Москва обязана блестящему веку русской Семирамиды, Екатерины II. Уже до нее, при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, русские магнаты вообще, а московские и петербургские в особенности, начали вести ту широкую, пышную барскую жизнь, о которой с таким глубоким вздохом вспоминали прежние старожилы — «those dear, old, merry days, for ever, ever gone...»[10] При Екатерине II наступил самый разгар русского барства, в смысле западноевропейском — и роскошные сады, вернейший показатель подобной эры,

стали всеобщей модой; крупные баре и богатые вельможи не жалели никаких денег, чтобы выписывать из-за границы первоклассных мастеров садового дела, а за ними и господа средней руки, вплоть до «сошки мелкой», горячо принялись убирать и разукрашивать свои угодья. С этого же времени наступает и для России пора идиллий и эклог: Державин был одним из первых в ряду бесчисленных поэтов, которые стали воспевать растения и сады, когда-то входившие исключительно в область народной поэзии.

В числе иностранных садовников, прибывших в Россию и главным образом поселившихся в Москве, были не одни званые: явились и незваные, чующие поживу; садовники эти устроили промышленные садовые заведения и теплицы, и почти тогда же появились в «Московских ведомостях» объявления о продаже кадочных деревьев — апельсинных, лимонных, померанцевых — комнатной культуры. Примеру этому не замедлили последовать и «барские» садовники, и уже с 70-х годов минувшего столетия в продажу поступили избытки, дублеты и собственные культуры княжеских и графских садов. Наконец, нашлись и другие подражатели: русские рабочие, насмотревшись на барское садоводство и — худо ли, хорошо ли — выучившись садовому искусству у «немцев», стали разводить цветы на собственный лад и страх, и с этих пор московская цветочная торговля приняла грандиозные размеры. По указанию Тонина, Цветочный рынок на Театральной площади был чуть ли не первым, который был отведен русским цветочникам, но торговали они и в разных иных местах — особенно бойко на Арбате, Пречистенке и Поварской. «Путеводитель Москвы», изданный в начале 30-х годов, дает восторженное описание Цветочного рынка, отделявшегося от стен Китай-города широким бульваром, построенным в 1825 г.

После эмансипации явился еще один конкурент: отпущенные на волю садовники и огородники открыли собственные заведения в Москве и за Москвой, а под Клином образовались обширные садоводства, занимавшиеся раннею выгонкой овощей. Торговцам было отведено место по р. Неглинной, тогда уже закрытой; это — нынешний Цветочный бульвар, где, вместо прежних временных яток и палаток были устроены постоянные теплицы и цветочные галереи. Большинство оранжерей перешло в руки богатого купечества, остальное перестроено в доходные дачи и квартиры. Таким образом, с половины текущего столетия, «место русских бар,— как замечает Тонин,— заняли ученые немцы-садоводы; крепостная реформа дала русских садоводов и ученых огородников, но, в сравнении с садовниками-немцами, еще господствующими в Москве, процент их все-таки незначителен».

Ж. Делабарт.
Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. *1797 г.*

Ж. Делабарт. **Вид на Москворецкий мост и Кремль.** *1790-е гг.*

МОСКОВСКИЕ БУЛЬВАРЫ

В 1775 г. Екатерина II утвердила в Каменном приказе «прожектированный план Москвы», по которому, вдоль границ Белого и Земляного городов намечены бульвары: Тверской, Страстной, Никитский и др.; тогда же появилась Садовая улица с палисадниками. По словам вышеупомянутого «Путеводителя», Тверской бульвар летом весь пестрел в куртинках и цветах, во многих местах искрились фонтаны и водометы, дорожки были украшены бюстами знаменитых людей, через ручейки были перекинуты красивые мостики. Несколько позднее на этом месте была рассажена плантация тутовых деревьев, но впоследствии — срублена.

При Екатерине II р. Неглинная оделась камнем наподобие красавицы Невы; на берегу было устроено несколько террас с вазами цветов и сделаны спуски к реке, а вдоль набережной посажены деревья. После 1812 г. Неглинная оказалась засоренною до такой степени, что пришлось закрыть ее навсегда. Поверх нее построили каменные площади — Театральную и Воскресенскую,— а вдоль русла, у Кремлевских стен возник увеселительный сад. В саду этом били фонтаны, пестрели густые чащи куртин, красовались гирлянды и имелись спуски с мостов, ведущих в Кремль. Здесь, при Николае Павловиче и Александре Николаевиче, происходили гулянья в день тезоименитства их величеств, а вечером весь сад освещался десятками тысяч пестрых шкаликов. От всего этого насаждения сохранились только газоны, которыми выложены спуски. Вообще же, вся тогдашняя Москва представляла роскошную картину, которую в начале 40-х годов воспитанники Земледельческой школы воспроизвели на иллюстрированном плане «Москвы, пестреющей в садах»; план этот, по указанию Тонина, хранится при библиотеке Московского архива министерства иностранных дел.

Покончив с общим состоянием московского садоводства, обратимся к некоторым из наиболее выдающихся отдельных садов и парков, как московских, так и подмосковных.

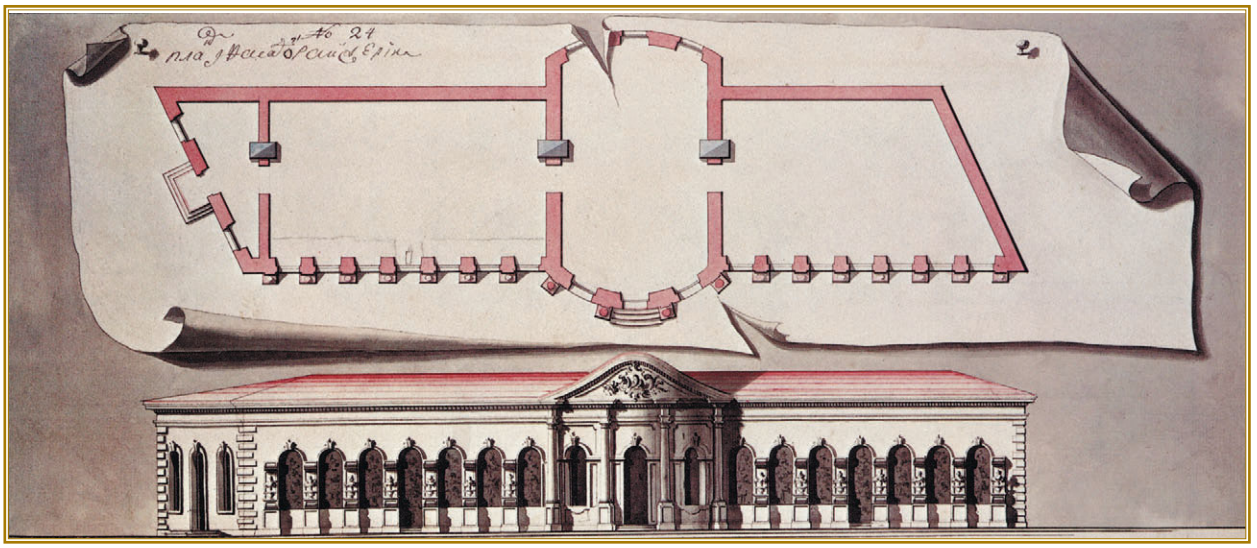
Адриан Шхонебек.
Усадьба адмирала Ф. А. Головина в московской Немецкой слободе в 1705 году. *Лист 1. Офорт*

ГОЛОВИНСКИЙ САД

Против Немецкой слободы, за Яузою, позади Кадетских корпусов, помещался сад, разведенный Петром Великим. В 1730 г. Анна Иоанновна повелела выстроить подле этого места деревянный дворец «Анненгоф» (Annen-Hof) и развести при нем сад; близлежащая роща стала также называться Анненгофскою. Анненгофский сад разбит голландским садовником Тимофеем Брантгофом, который в 1733 г. представил по этому случаю подробный реестр семян и кореньев для выписки из Голландии и список деревьев для привоза из Петербурга. Азиатские деревья были выписаны для Анненгофа из Персии уже в 1732 г. Реестр этот, как справедливо замечает Забелин, любопытен тем, что дает возможность определить постепенность водворения, разведения и содержания в России различных иноземных растений: многое, на что теперешние садоводы не обращают ни малейшего внимания, сто лет назад представляло если не всегда особенную редкость, то, во всяком случае, новость, а потому заботливо сберегалось. Анненгофский дворец сгорел в 1753 г.; императрица Елизавета повелела тогда же выстроить на том же месте Головинский дворец, который также сгорел и, по повелению Екатерины II, был в 1774 г. заменен огромным Екатерининским дворцом. Император Павел

Адриан Шхонебек.
Усадьба адмирала Ф. А. Головина в московской Немецкой слободе в 1705 году. *Лист 2. Офорт*

превратил дворец в казармы, а Александр I пожаловал его Первому кадетскому корпусу. Анненгофский сад был уже при Брантофе соединен с Головинским и образовал так называемый «Дворцовый сад», ничем особенным не отличавшийся, кроме того, что в нем сохранились деревья, посаженные Петром Великим, около них устроена беседка. В саду этом некогда происходили знаменитые гулянья, особенно в конце минувшего столетия, в Вознесение и Троицу. В царствование Павла I многие являлись на эти гулянья, держа шляпу под мышкой, потому что высокая прическа, пудра, шпильки и помада, отягчавшие голову дворян, составляли такой груз, что накинуть на все это тяжелую аляповатую шляпу было просто невыносимо. Купцы — до царствования Екатерины II мало отличавшиеся от мещан как по костюму, так и по правам и получившие разные привилегии по гильдиям лишь с 1782 г.,— стояли в два ряда на площадке сада и, слушая музыку, держались особняком, не смешиваясь с аристократией; у купцов, ходивших в немецком платье, имелись на шляпах темные кокарды с такими же пуговицами, а у чиновников — светлые. В настоящее время Дворцовый сад не существует для публики.



Нескучное. План и фасад садового павильона.
Лист из альбома чертежей Д. В. Ухтомского усадьбы Н. Ю. Трубецкого на Воробьевых горах. 1753 г.

НЕСКУЧНЫЙ САД

На юго-запад от Москвы, близ Донского монастыря, на правом, довольно крутом берегу Москвы-реки, помещались три знаменитые барские виллы: Орловская, Голицынская и Нескучная. Первая принадлежала графу Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому, славилась гуляньями и рысистыми бегами, и особенно охотно посещалась потому, что граф — по обычаю старинных русских бар — был радушный хлебосол, любезно угощавший знакомых и незнакомых.

Нескучный сад когда-то принадлежал князю Трубецкому, затем перешел к кн. Шаховскому, наконец, приобретен казной. В саду этом, действительно, было не особенно скучно: волнистая местность, представляющая с возвышенных пунктов грандиозные виды, бесчисленное множество живописных естественных красот, целые рощи дубов, лип, ильм, берез, ольхи, сосен и елей,— уже сами по себе могут оправдать название; но, вдобавок ко всему, там можно было насмотреться на великолепные фейерверки и блестящие иллюминации, наслушаться оркестровой и хоровой музыки («песельников»), полюбоваться на всяких фокусников, «балансиров» и «штукмейстеров», и даже побывать в настоящем театре, имевшем только одно неудобство: действие происходило под открытым небом, так что, во время дождя, комических интермедий случалось больше в публике, чем на сцене. Из Нескучного виден как на ладони Кремль; а с другой стороны — выделяются лесистые холмы Воробьевых гор, с высоты которых в 1812 г. Наполеон впервые увидал матушку Москву Белокаменную, игравшую в истории его жизни такую трагическую роль. Нынешнее официальное название Нескучного — «Александринский сад», в честь Александры Федоровны, супруги императора Николая Павловича; но старинное имя «Нескучного» упрочилось за ним, так что публика иного прозвища и не знает.

Нескучный сад разбит в естественном стиле, и притом — благодаря блестящей природной обстановке — крайне удачно; но одна часть, преимущественно состоящая из длинных прямых аллей, обсаженных высокими вековыми липами, отличается регулярностью. То — бывший Голицынский сад, приобщенный к Нескучному лишь впоследствии. Князья Голицыны сами было намеревались соединить Нескучное с Голицынским, чтобы устроить больницу, но дело не состоялось и место для больницы было куплено у Строгановых (1790). К князю Дмитрию Михайловичу Голицыну — одному из образованнейших людей первой половины минувшего столетия — я еще вернусь, когда дойду до подмосковных садов.

Парк в Царицыно. *Гравюра XIX в.*

ЦАРИЦЫНО

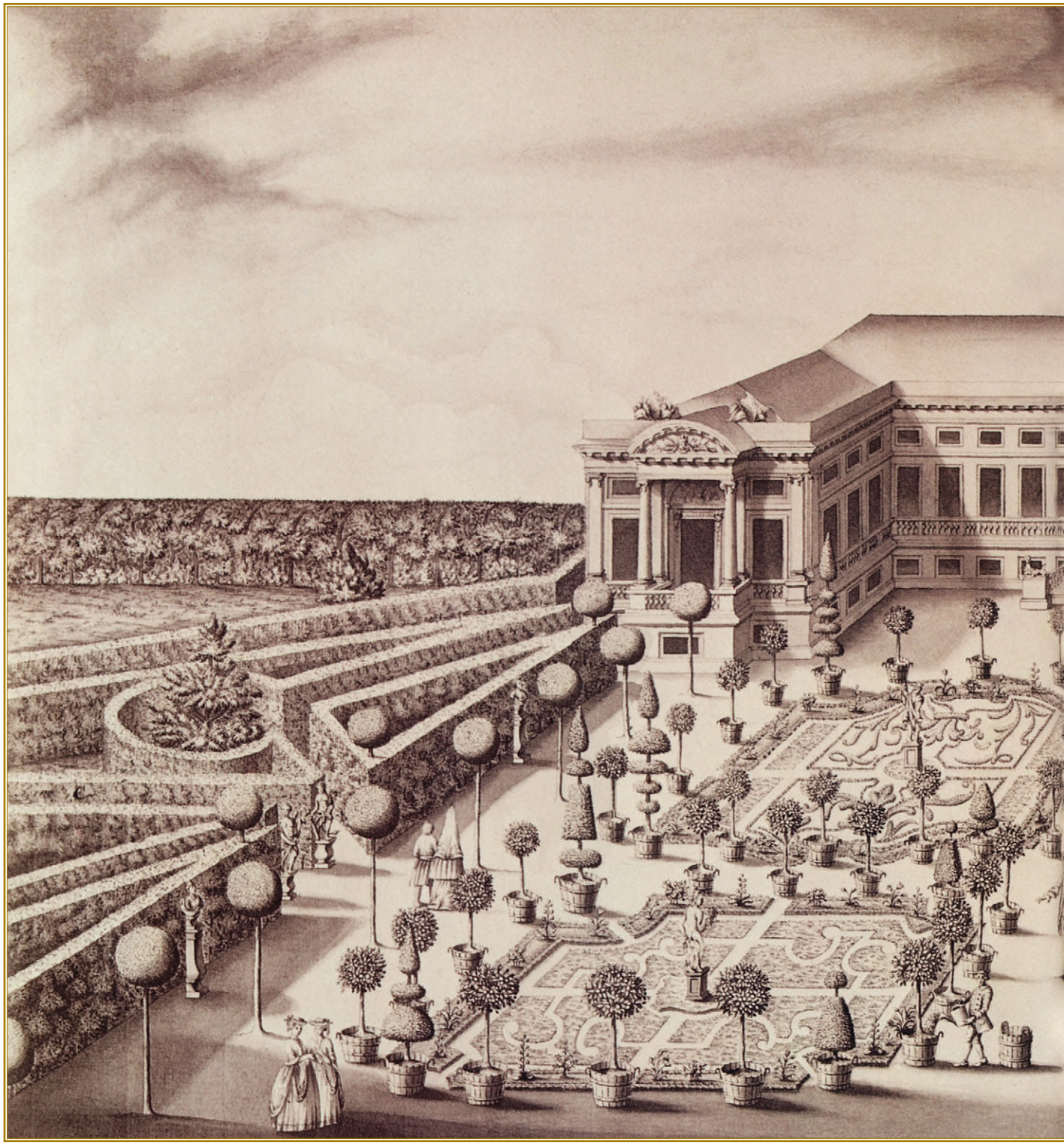
Под Москвой имеется тоже свое Царское; это — село Царицыно, пышный сад которого устроен П. С. Валуевым, бывшим начальником казенных дворцов и садов, находившихся в Москве; тут же он летом проживал на даче. Забелин приводит опись Царицынского сада, замечая при этом, что некоторые названия даны императрицей Екатериной II.

Позволю себе прибавить, что и сад, по всей вероятности, был — хотя в общих чертах — намечен императрицей; идея плана и множество деталей — почти те же, как и в Царском. Приводу в оригинале некоторые названия: «английский сад, Миловидова беседка (название дано императрицей), утренняя дорожка, оперный дом, галерея Миловидова, руина, ниша из гротескового камня (свод был убран цветными раковинами), галерея Нерастанкина, храм Цереры, избушка из березового лесу, статуя из белого камня, глухая дорожка, пещера, шалаш, пристань, каменный мост с парапетом из гротескового камня (туфа), лазорева хижина, “Эзопка”, турецкая палатка, каменная арка», и т. д., и т. д.

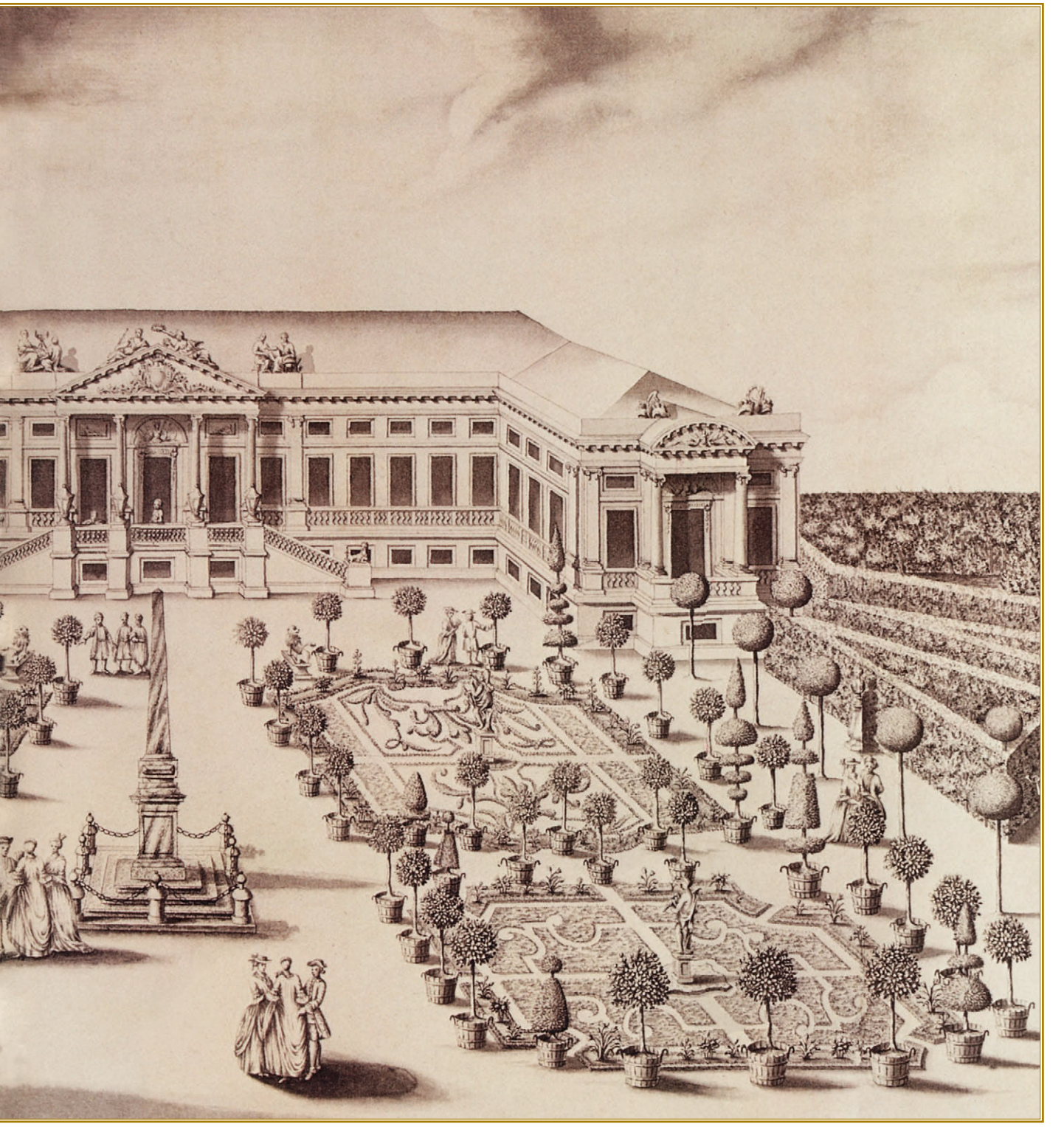
КУСКОВО

В семи верстах от Москвы, между Владимирской и Рязанской дорогами, лежит село Спасское, известное в Москве лишь под своим вторым прозвищем: Кусково. Село это — родовое имение русских крезов, графов Шереметевых,— всего более прославилось в Москве при самом пышном, самом радушном из его владельцев, графе Петре Борисовиче. При нем Кусково было любимым местом для гулянья; по четвергам и воскресеньям стекались сюда массы народа; тогда дом, беседки, сад, пристань, пихты — освещались; на гондолах и шлюпках, двигавшихся по прудам гремели песни гребцов; в саду раздавалась музыка; в театр — на котором шли, по большей части, оперы и балеты — публика пускалась бесплатно; народ угощали фруктами; для почетных гостей сервировался роскошный ужин; за большим прудом блистал великолепный фейерверк. Приглашение urbi et orbi помещалось на двух каменных столбах, стоявших на Московской дороге, и выражалось следующею надписью от имени графа: «Веселится как кому угодно, в доме и в саду». Ну, понятно — веселились!..

Кусково и его роскошное собрание драгоценностей искусства описаны многими путешественниками; между прочим, император Австрийский Иосиф II, сын Марии-Терезии и брат Марии-Антуанетты, отметил в своих записках, что в отношении лавровых и апельсинных дерев померяться с Кусковым могут только сады Неаполя и Сицилии. Екатерина II посещала Кусково неоднократно: в первый раз она была там 23 августа 1775 г., в сопровождении нескольких владетельных особ; следующий визит, бывший целым торжеством, состоялся 30 июня 1787 г., по окончании празднования двадцатипятилетия царствования государыни (23 июня 1787 г.). Праздник этот был обставлен так роскошно, что о нем упоминается в «Отечественных записках» 1822 г., в старинном топографическом описании Московского уезда, в альманахе «Северные цветы» 1825 г., в старинном «Путеводителе по Москве», «Вестнике Европы» старых годов и официально в «Московских ведомостях» 1787 г., а особенно часто — в современных мемуарах иностранных гостей. Благодаря этому сохранилось довольно наглядное



представление и о том, чем был Кусковский сад во времена о́ны. Сад — с трех сторон окруженный высоким валом и глубоким рвом, а с четвертой обнесенный каменною оградой,— распадался на две части: регулярную, в старофранцузском вкусе, и иррегулярную, в английском стиле. Первая была украшена трельяжами, мавзолеями и мраморными статуями; вторая — беседками, храмами, гротами, памятниками, фонтанами, яшмовыми урнами, чудными цветниками, пестревшими, как громадные корзины пышных благоухающих цветов, или огромными оранжереями. В саду, перед домом, построенном по плану французского архитек-

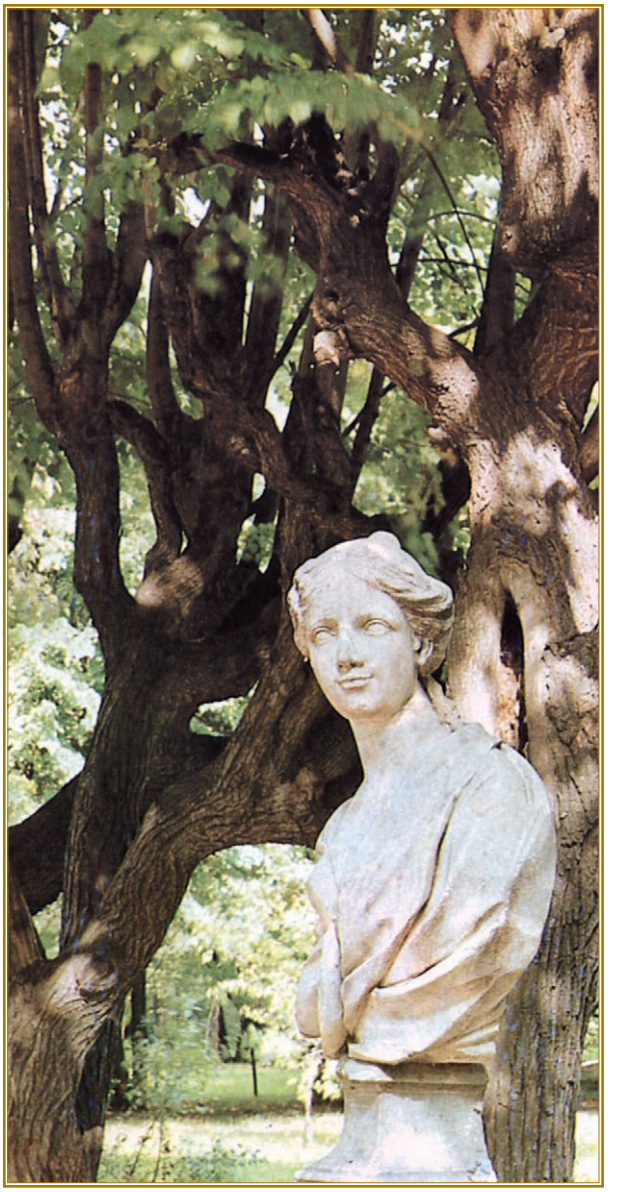


А. Миронов.
Вид дворца в Кусково. *Северный фасад. 1782 г.*

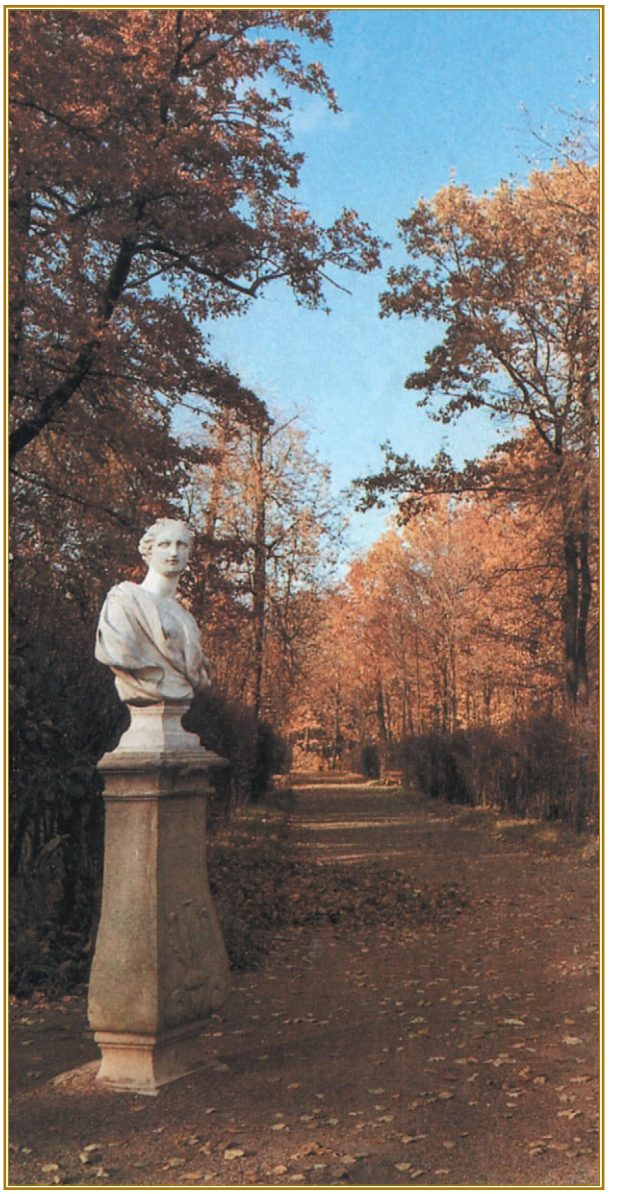
Владельцы усадьбы — Шереметевы. Первое упоминание о Кускове как подмосковной усадьбе боярина В. А. Шереметева относится к началу XVI в. В роду Шереметевых усадьба Кусково оставалась более четырехсот лет. Расцвет Кускова связан с именем Петра Борисовича Шереметева, сына знаменитого фельдмаршала Б. П. Шереметева, героя Полтавской битвы

тора Валли — возвышается мраморный обелиск с надписью: «Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву в 1785 году, во время бытности его губернским предводителем московского дворянства»; около обелиска — мраморный столб, служащий подножием беломраморной статуе Венеры; на столбе — надпись, гласящая о том, что 22 марта и 23 августа 1775 г. императрица осчастливила графа своим посещением. В боковых частях сада, в аллеях и за аллеями, помещались: индейская пагода, квадратный лабиринт, каменный грот, убранный белыми и красными корольками и цветными раковинами, воздушный театр (т. е. театр на открытом воздухе, как в Веймаре, в Петровском и в Павловске); декорацией служила природная обстановка — деревья да кусты. Там во время лета, когда хозяин бывал дома, исполнялись небольшие оперы. По всему саду были разбросаны фонтаны, беседки, руины, кегли, карусели, и пять домиков: английский, китайский, голландский, итальянский и эрмитаж. Последние три были в два яруса. Итальянский домик — как бы закутанный садом в итальянском же вкусе — отличался прекрасными картинами итальянской школы, превосходною мебелью и,

Венера с голубем.
Скульптура итальянской работы. Вторая половина XIX в.

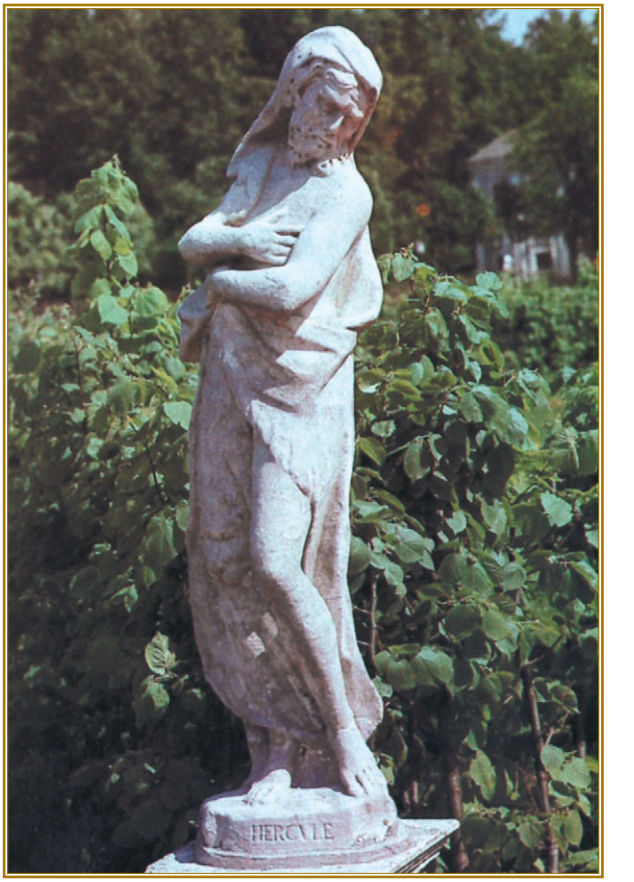


Флора.
Скульптурный бюст итальянской работы. Вторая половина XVIII в.



Евридика.
Скульптурный бюст итальянской работы.
Вторая половина XVIII в.

в особенности, изящными столами из мозаики. Голландский домик, окруженный пестрым голландским партером, в котором пестрели гвоздики и тюльпаны, был выложен изразцами вместо обоев и увешан картинами фламандской школы, между которыми занимал первое место портрет Ван Дейка, написанный им же; чистенькая, светленькая голландская кухня содержала шкафы, наполненные японской, китайской, саксонской фарфоровой посудой и венецианским хрусталем. В Эрмитаж — отведенный от сада березовою рощей — вели шесть дорожек с шести различных сторон; в верхний этаж не всходили, а поднимались посредством машины, причем гости сидели на софе. Наверху находился стол, накрытый на 16 приборов; прислуги не требовалось: здесь, как и в Царскосельском Эрмитаже, скопированном с одного из «маленьких домов» регента, каждая тарелка спускалась «в преисподнюю» и немедленно заменялась новою, с другим блюдом, которая тотчас же появлялась перед гостем. В пещере, убранной кристаллами, цветными камнями и кораллами, лежал алебастровый лев с надписью: «Non furit, seel indomitus» («Не неистовствует, но и не укрощен»); кроме льва, лежала тут же большая каменная плита с окаменелыми морскими раковинами, найденными около Кускова; вокруг журчали невидимые ключи, проведенные под землей. Китайский домик имел вид башни и был увешан колоколами (наподобие Нанкинской башни); граф называл ее голубятней. Зверинец имел до трех верст в окружности и обра-



Умирающий Геркулес.
Скульптурный бюст итальянской работы.
Вторая половина XVIII в.

зовывал непроходимые дебри, в которрых вмещалось до 600 оленей — сибирских, архангельских, американских, немецких — и множество сагаек, серн, лосей, диких коз, лисиц, медведей, пегих и черных волков и другого зверья. Весь сад был обнесен высоким валом, земля для которого была вынута из прудов, а самый вал обсажен деревьями, и теперь образующими непроницаемую ограду...

Особого интереса заслуживает гидрография Кускова. Имение это — подобно Петровскому урочищу — первоначально состояло из топкого, низменного болота; когда, в 1770 г., случился голод, то граф, желая доставить пропитание нескольким тысячам бедняков, велел вырыть искусственное озеро и 16 прудов — два больших и 14 маленьких; по преданию местного священника, записанному С. М. Любецким, в одном из этих прудов, которые граф называл «зеркалами», якобы найдено несколько жемчужных раковин, а в 1786 г. из такой раковины вынута жемчужина, хранившаяся в Кусковском музее. Кроме прудов, в Кускове прорыто много каналов, так что, благодаря всему этому дренажу, место осушено и ассенизировано, а лишняя земля — как сказано — пошла на вал. Посреди озера, раскидывающегося перед господским домом, зеленеет тополевый островок, за которым на противоположном берегу виднелись красивые рыбачьи хижинки; по концам раздвижного моста, соединявшего остров с берегом, стояли два маяка.

Островов в Кускове было довольно много: их образовала красивая речка, с шумом вырывавшаяся из одного из больших прудов и делившаяся на несколько рукавов; на одном из таких островков помещалась рыбачья хижина, с сетями, удочками и большим неводом, сплетенным из травы и выписанным из Парижа. Все эти снасти были предназначены для забавы гостей. На другом островке ютилась китайская беседка, под навесом высоких кедров, присланных из Сибири. Через рукава речки, во многих местах рассыпающейся шумными водопадами, перегибались красивые горбатые мостики с раззолоченными решетками и резными перилами;

Круглая беседка на канале.
Гравюра П. Лорана, выполненная по рисунку М. И. Махаева в 1770-е гг.

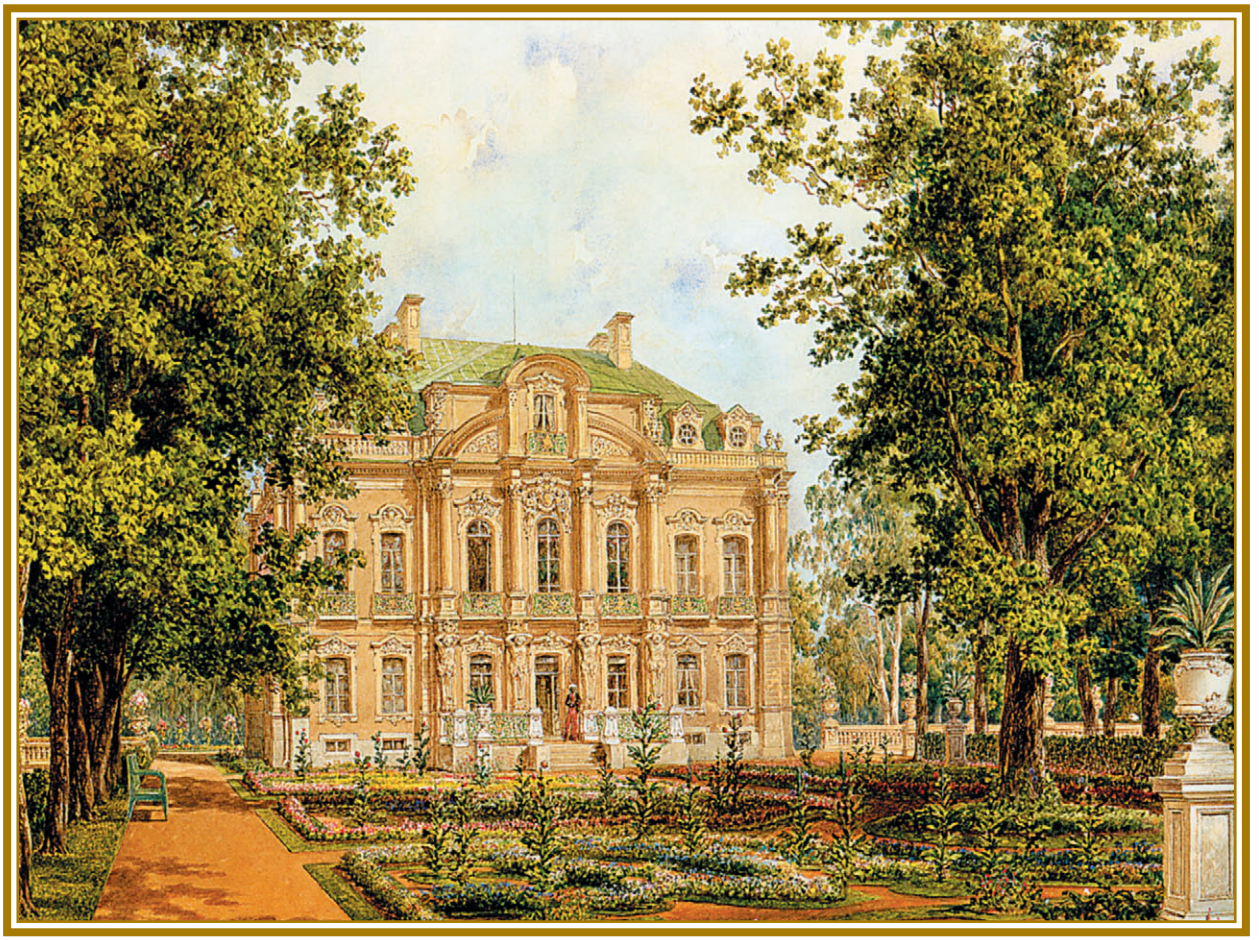
До 1754 г. всеми работами в усадьбе Кусково руководил Ю. И. Кологривов, долго живший в Италии и отлично знавший итальянскую архитектуру. После его смерти ведущим архитектором становится 23-летний крепостной графа Шереметева Ф. С. Аргунов. С 1765 по 1780 г. в Кускове «смотрение имел» известный московский зодчий К. И. Бланк. Деловая переписка владельца усадьбы называет еще несколько имен архитекторов — «собственных его сиятельства» и вольных

Грот.
Гравюра П. Лорана, выполненная по рисунку М. И. Махаева в 1770-е гг.

Одно из самых интересных сооружений в Кускове — Грот, построенный в 1755—1761 гг. под руководством Ф. С. Аргунова. Каменный павильон в стиле барокко на трехступенчатом цоколе щедро декорирован скульптурой в нишах, украшениями на фронтонах, львиными масками над окнами. Стены Грота оформлены цветным стеклом и известковым туфом. По замыслу архитектора, Грот должен был олицетворять стихию камня и воды

через один из них вела дорога в «Убежище философов», укромный уголок, расположенный в глубине рощи, всего более замечательный кустом белых корольков.

При графе Петре Борисовиче празднества в Кускове задавались такие, каких знали только Фуке да Людовик XIV, и, еще долго после смерти графа, москвичи, по старой привычке, не переставали ездить в барскую виллу. Но, за отсутствием хозяев, мало-помалу все пришло в упадок: позолота облетела, потолки почернели, гобелены и штофы полиняли, подъемные мосты обрушились, рвы поросли травой, пруды затянулись тиной. Визит французов в 1812 г. довершил работу времени: несмотря на строгий запрет Наполеона, многое было переломано, перебито, разграблено; но обошлось это им не даром: отыскивая клад, французы забрались в погреб графа, нашли доброе старое вино, напились им до бесчувствия и, в этом состоянии, попались на расправу окрестным мужичкам... Когда миновала французская гроза, Кусково оправилось: хозяева привели свое имение в такой вид, что в 1826 г., во время коронации Николая Павловича, великая княгиня Елена Павловна прожила в Кускове шесть недель. Соперник Кускова — Останкино, тоже принадлежит графам Шереметевым и отличается более представительным и обширным, но менее роскошно убранным домом. Обе эти виллы являются следом неостывшей старины, живою памятью Екатерининского века...



В. Садовников.
Собственная дача. *Около 1850 г.*

Выстроен (точнее, перестроен) этот дворец в 1842 г. архитектором Штакеншнейдером для великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и его жены Марии Александровны. Находился он где-то между Нижним парком Петергофа и усадьбой князей Лейтенбергских в Серегиевке

САДЫ И СКВЕРЫ XIX ВЕКА

Первая и последняя четверти XIX века разнятся друг от друга так резко, точно между ними лежат не десятки, а целые сотни лет. Но это относится только к России; такой крупной противоположности остальная Европа не знает: несмотря на 30-й, 48-й и 70-й годы, французы, немцы, итальянцы, а всего более англичане, остались почти тем же, чем они и были. В России имеется иная дата, как грань, лежащая между обеими половинами текущего столетия: 19 февраля 1861 г.; до этого дня Россия переживала эпоху старинного, пышного барства, а после манифеста об эмансипации — возникла эпоха муниципалитета.

Художественные сады, вроде Кускова и Петровского, мыслимы при меценатах старинного покроя; а потому, когда перевелись прежние баре, когда заменило их купечество и мещанство, когда барские угодья раздробились по мелочам, как червонец разменный на медяки,— тогда настал конец и барским садам, на смену которым появились городские сады и скверы. Тут уже были заявлены совершенно иные условия, а потому и сады получили иной характер: городские скверы и сады, огражденные решеткой от улиц и домов, не имеют и не могут иметь ничего общего с окружающей обстановкой; это — микрокосмос или, вернее, оазис среди го-

родской сутолоки и пыли; поэтому никакой идеи пейзажного садоводства в них провести не мыслимо: иллюзии нет. В отношении же стиля, новейшие скверы — преимущественно состоящие из широких аллей и пестрых клумб, вперемежку с небольшими группами и маленькими куртинами,— придерживаются принципа, который всего ближе можно назвать франко-американским: тут все искусственно, от ковровых клумб до скопища разнородных дерев, как бы собравшихся на свидание со всех концов света; и искусственность эта не только не скрывается, даже не стушевывается, а как бы нарочно бьет в глаза; это и есть главный признак французских и американских садов новейшего времени, и именно эта черта лежит в основе плана любого из городских скверов. Понятно, что заявлять против такого направления какой бы то ни было протест — вполне неосновательно: тип этот выработался в силу данных условий, как бы по законам Дарвина, а вовсе не под давлением взмыленной репутации парижских моделей, как полагает г-н Андрэ; но считать эти скверы чем-либо художественным — тоже нет основания: некоторые из них очень красивы, спору нет, но только это не сады, а своего рода гульбища, бульвары,— так же как зимний сад, как его ни верти, все-таки почти та же теплица. Таких скверов, как в Петербурге, так и в Москве, развелось довольно много; самый крупный из петербургских скверов Александровский, разбит в 1874 г. по плану моего покойного отца, так же как и другой сквер — Екатерининский, в 1878 г.

Здесь приложен первый проект Александровского сквера, составленный отцом в 1873 г. Проект отца был несколько изменен в самом принципе; впоследствии состоялась значительно большая переделка: первоначально памятник Основателя Петербурга помещался в крайнем конце сада, ныне же величественная статуя снова высвобождена из объятий зеленой листвы, и самый сад сокращен до одной линии с Галерной улицей.

В. Э. Борисов-Мусатов.
Весна. *1898—1901 гг.*

К. А. Сомов. **Конфиденции.** *1897 г.*

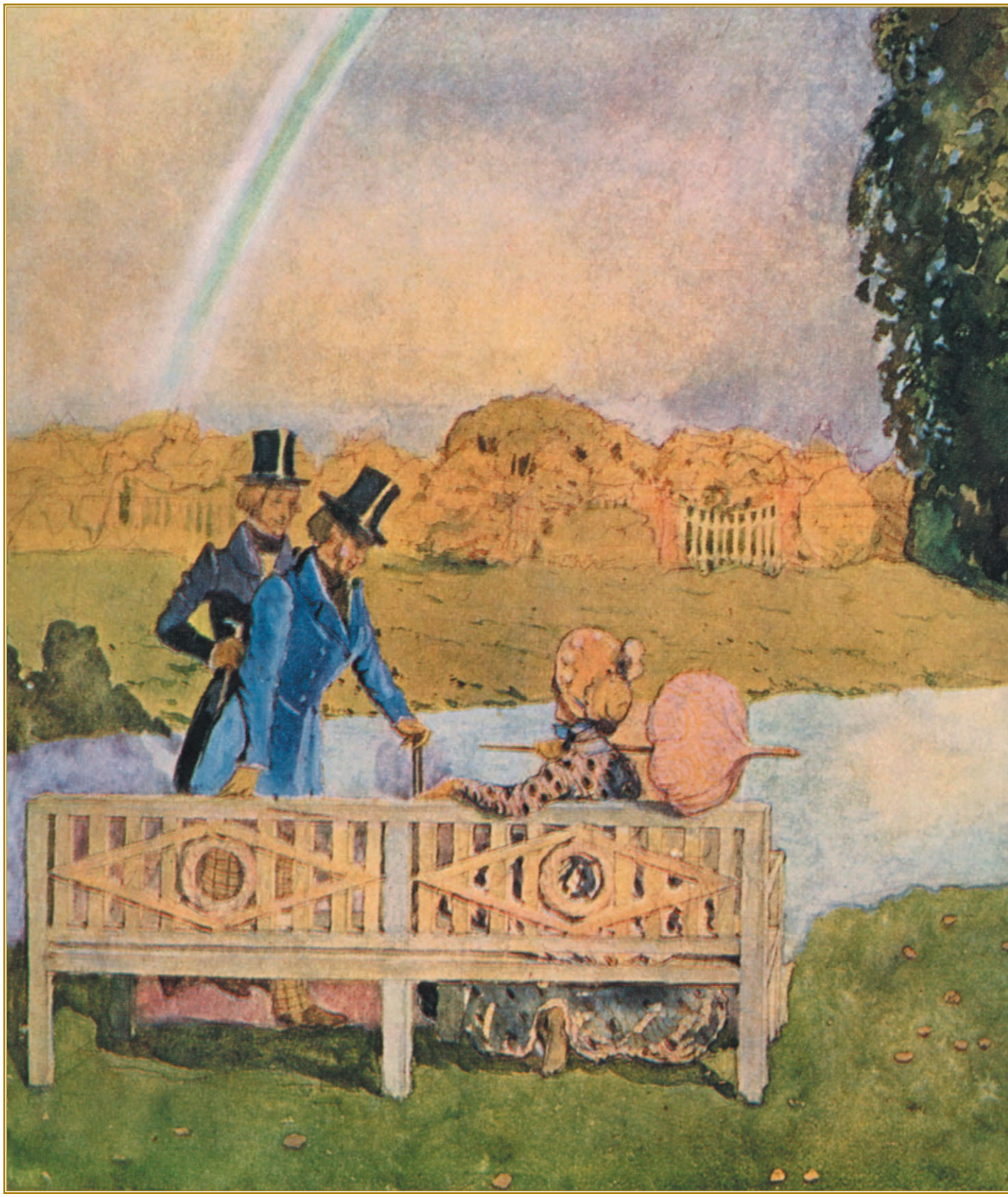
ГОРОДСКИЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПАРКИ

Городские и загородные парки, пользуясь несравненно выгоднейшими условиями, чем скверы, выдерживают совершенно иную критику. Преобладающий стиль их — англо-германский, выдающаяся черта — доведенное до совершенства умение располагать тени и оттенки деревьев (Bavimschlag), а главный недостаток — излишнее дробление посредством ненужных дорожек.

Больших частных парков «доброго старого времени», принадлежавших прежним помещикам, осталось очень немного: с тех пор как прекратилась барщина, сменившись платным трудом, содержание таких предметов роскоши стало многим не под силу. В былое время, при холопах и рабах, было, конечно, не то; стоит, например, полюбоваться на пресловутое

К. А. Сомов. **Лето.** *1906 г. Фрагмент*

К. А. Сомов. **Белая ночь. Сергиево**



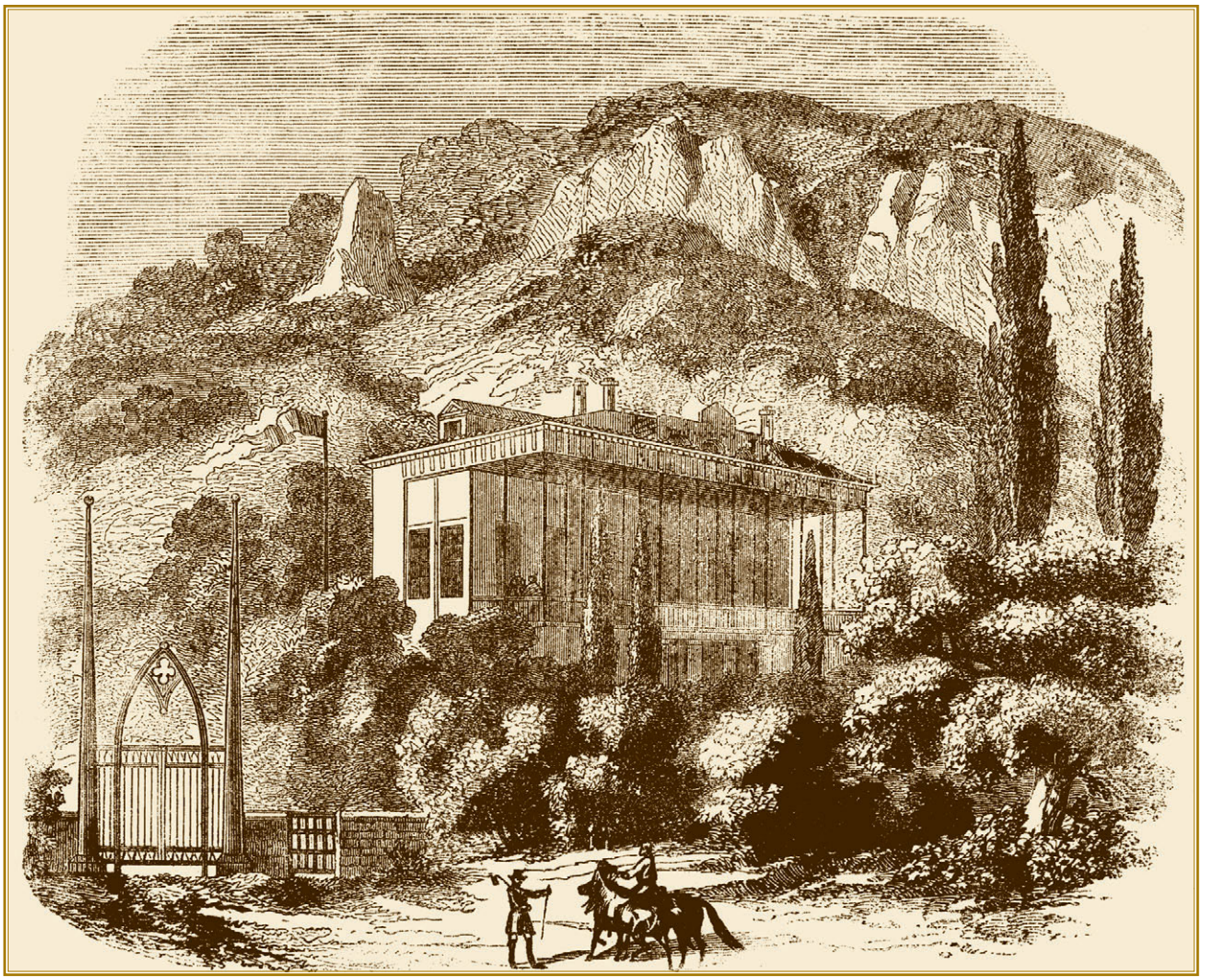
К. А. Сомов. **После дождя.** *1896 г. Фрагмент*

Грузино, образцовое имение, принадлежавшее изобретателю военных колоний, временщику Аракчееву; хозяин — ярый поклонник симметрии — создал в Новгородской губернии типичный парк, наглядно изобличающий всю узость тиранического ума, целиком направленного на соблюдение математических линий, щепетильной аккуратности и мелочного порядка. Что стоило устроить этот парк «по ранжиру» и содержать его так, чтобы соринки не оставалось, про то знали не графские карманы, а спины тех, кого за малейшую провинность — по большей части мнимую — водили в «эдикул» пороть розгами, или, и того хуже, отправляли в Матросскую слободку, за р. Волково, нещадно бить батожьем... И заметьте: Грузино может считаться прототипом, но было вовсе не исключением! Теперь при подобных условиях парка не выстроишь.

Парк старинного покроя — характерный памятник русского барства времен Елизаветы Петровны — я посетил летом 1895 г., по поручению Института земледелия. Парк этот, лежащий в Переяславском уезде (Владимирской губ.), близ ст. Рязанцево, в 150 верстах от Москвы — судя по всем данным, создан в эпоху графа Растрелли и, несмотря на позднейшие переделки, в главных чертах сохранил основной характер регулярного типа. В настоящее время парк со всем угодьем принадлежит Успенской сельскохозяйственной школе.

В средней, юго-западной и южной полосе России, вплоть до Крыма, о котором поговорю отдельно, существует довольно много превосходных парков: «Александрия», «Кинь-Грусть», Киевский городской парк, Гомельский парк князя Паскевича, Царицын сад в Умани и т. д.

К. Е. Маковский. **В жаркий день.** *1881 г.*



Поместье князя Воронцова в Крыму.
Гравюра XIX в.

КРЫМ

По разрушении местного ханства, Крым надолго заглох и завял; но за последнюю полусотню лет он снова ожил и расцвел так, что в настоящее время, все побережье Крыма стало почти неузнаваемым: на берегу Черного моря — в Алупке, Ореанде, Мисхоре и других местностях — появились чудные сады, отчасти созданные из остатков прежних ханских, преимущественно Бахчисарайских садов, между которыми царская вилла Ливадия немногим уступает знаменитому Мирамаре.

Южнокрымские виллы расположены на уступах, спускающихся к морю, и по стилю близко напоминают некоторые виллы итальянского Ренессанса. После Ливадии первое место принадлежит бесспорно «Алупке», вилле графа Воронцова-Дашкова; каждому памятен вид с партера, раскидывающегося перед этой аристократической виллой, дает лишь крайне ограниченное понятие о пышной роскоши, соединенной с тонким, изысканным вкосом, которым отличается эта редкостная дача. Третье место в ряду крымских садов занимает Гурзуф, в Ялте. Тут главную роль играют не миллионы владельца, а редкостное расположение места, на берегу моря, и чудная полутропическая растительность, которою художник распорядился с большим вкусом, хотя и не всюду безгрешно.

Е. М. Корнеев.
Вид Балаклавского залива. *1804 г.*

Е. М. Корнеев.
Вид ханского дворца в Бахчисарае. *1804 г.*

С. И. Васильковский.
Околица Ай-Тодора. Крым. *1890 г.*

С. И. Васильковский.
Партенит. Крым. *1900 г.*

С. И. Васильковский.
Крымский мотив. *1900 г.*

П. П. Верещагин. **Сухум-Кале.** *Фрагмент*

КАВКАЗ

Самое выдающееся место после крымских садов занимают на юге кавказские и туркестанские сады, имеющие вдобавок весьма серьезное экономическое значение. Тут природа почти тропическая, так что, помимо винограда, сады приносят великолепные фрукты, зреющие на влажном воздухе и притом на замечательно красивых деревьях: подобных деревьев и плодов — не скоро сыскать в самых теплых, самых благодатных местах Европы; но, конечно, и на Кавказе такое фруктовое хозяйство не повсеместно. Лучший район — около Тифлиса, лежащего под 41-м градусом северной широты, т. е. приблизительно на одной линии с Опорто, Барселоной, Римом, Константинополем и т. д.; над уровнем моря местность эта возвышается на 2429 футов; средняя температура летом +9,14 градусов по Цельсию, а самая низкая зимой —25 градусов по Цельсию. Зерновые фрукты зреют превосходно, а из косточковых —

только вишни и сливы; персики кислы и невкусны. Садоводство здесь лишь в зачатке; сюда перевели несколько станиц казаков, которых наделили небольшими садами, с требуемыми семенами, саженцами, черенками, инструментами, инструкциями и даже с перспективой строгого взыскания, в случае лени или недосмотра; но хотя казаки и постарались сделать все зависящее, даже чересчур засадили свои участки, но умение их еще плоховато. Владикавказ находится, в этом отношении, в значительно лучших условиях: благодаря стараниям графа Воронцова во Владикавказе учрежден питомник, а вдобавок — по всему району поселились опытные садоводы: г-да Неручев, Ульянов, Самсонов, Сильвестрович, Грабовский, генерал Эйлау, д-р Кох и др.

Всего интереснее «Школьная ферма» (Ferme-ecole), учрежденная директором Башек в 1876 г., в 14 верстах от Владикавказа. Прославились на всех рынках владикавказские и алагирские фрукты, но виноград растет вполне хорошо только в знойной равнине Нижнего Терека. Из числа кавказских парков всего интереснее Кисловодский лесной парк, отличающийся сильными, резкими, но крайне живописными эффектами. Особенно красиво дикое озеро, которое — подобно купальне Дианы и ее свиты нимф — ютится в глухих дебрях густейшей зеленой чащи. Совершенно своеобразный вид представляет там же Тополевая аллея: громадные, прямые тополи, разросшиеся до колоссальных размеров образуют прямую, правильную аллею, не особенно длинную, но, по эффекту, прямо-таки грандиозную. Именно при таких условиях и в таком виде тополь — сам по себе, донельзя скучный — способен к применению в саду; в такой аллее самая громадность, массивность и неуклонная прямизна тополя являются достоинствами, тогда как при других условиях тополь, разросшись, занимает слишком много места, а мотив образует слишком неблагодарный.

С. И. Васильковский.
Геленджик. Кавказ. *1900 г.*

К. Е. Корнеев.
Вид цепи снежных гор Кавказа. *1804 г.*

К. Е. Корнеев.
Живописная картина Кавказских гор в четырех верстах от крепости Кисловодск.
1804 г.

К. Е. Корнеев.
Вид кузницы на дороге из Иркутска в Тобольск. *1810—1812 гг.*

ИРКУТСК

Перескочу теперь с крайнего, знойного юга на дальний, ледяной север.

Средняя и южная полоса Сибири — «Золотого Дна» — во многих местах отличается особым богатством растительности, и мне, быть может, еще когда-нибудь удастся поговорить поподробнее о сибирских садах, специально о Владивостокских. В настоящее же время коснусь только главнейшего центра Северной Сибири — Иркутска. По описанию Эйзенбрандта, местные климатические условия представляются в следующем виде: с конца октября или с начала ноября начинаются крутые морозы, градусов от −25 до −30, сопровождаемые частыми вьюгами и бурунами; в январе стужа доходит до −40 градусов по Цельсию, но зато ветер почти совершенно стихает. В это время небо чаще всего совершенно чисто, тогда как вначале оно, вплоть до полудня, постоянно заволакивается густыми облаками; причиной является р. Ангара, которая, благодаря крайне сильному течению, замерзает не раньше половины декабря, а до этого выделяет массу испарений, не без ежедневного боя расступающихся перед лучезарным солнышком. Снег падает довольно редко, более всего в начале зимы, и уже в феврале негустой покров тает под солнечными лучами, но оттепели все-таки никогда не бывает и земля остается в ледяных оковах вплоть до апреля. В апреле начинаются весенние дожди и настает короткое лето: в первой половине — сухое, во второй — дождливое. Тогда тут в течение дня такая жарынь, что просто еле дышать; а по ночам — такая стужа, что хоть шубу надевай... Ясно, что, при подобных условиях местная флора носит совершенно своеобразный характер и что акклиматизация привозных растений удается лишь очень туго. Тем не менее флора эта прозябает роскошно и за кратковременное, но тропически горячее лето наверстывает то, что ей приходится терять в течение долгой зимней спячки.

К. Е. Корнеев.
Незаходящее солнце на Енисее в окрестностях села Саввина. *1810—1812 гг.*

К. Е. Корнеев.
Развалины города Сибирь в пятнадцати верстах от Тобольска. *1810—1812 гг.*

П. Джогин. **На Валааме.** *1865 г.*

ВАЛААМ

Закончу обзор русских парков с того же, с чего и начал: монастырским насаждением — далеко не лучшим или наиболее красивым из всех существующих в России, и даже не самым оригинальным, но одним из самых характерных, самых типичных в смысле воплощения руководящей идеи: это — Валаам, то место усиленного труда и честной, черной работы, которое В. И. Немирович-Данченко так метко охарактеризовал названием «Крестьянское царство». Описаний Валаама существует довольно много, особенно в форме статей; лучшие же иллюстрации — помимо целого ряда картин и фотографических снимков — принадлежат гениальному перу И. И. Шишкина; но специально для моей цели всего пригоднее оказалось «Собрание видов местностей о-ва Валаама», изданное в 1863 г. художником П. И. Балашовым (который и зарисовал описываемый вид), а в отношении указаний и справок — «Описание Валаамского монастыря и подвижников его», составленное в 1864 г. безымянным иноком. Оттуда заимствую следующее.

Валаам состоит из группы островов, которые, в общей сложности, занимают около 3100 десятин. Почти все это пространство состоит из сплошного камня — темно-синей луды, местами совершенно голой; остальные части либо покрыты красноватой, малоплодородной почвой, образовавшейся из той же луды, либо же (и это самая незначительная доля) имеет на поверхности камня нетолстый пласт глины, с примесью чернозема. Каменные массы покрыты мхом, брусничником и бесполезным кустарником; не менее места занимают топкие болота. Леса, преимущественно хвойные: сосны и ели довольно много; есть и ольха, береза, рябина, осина, черемуха, можжевельник, жимолость и мелкая калина. Лес растет очень медленно; однако несколько огромных дубов и лип, занесенных рукой человека, явно доказывают что на хороших местах Валаама и такие деревья способны произрастать. Удача этого давно прошедшего опыта убедила отца игумена Дамаскина устроить на Валааме питомники и развести там не только дуб, но и несколько иностранных деревьев; один из таких рассадников помещался в пустыне отца игумена Назария. Попытка удалась вполне: разведены и довольно хорошо растут кедры, каштаны, пихта, лиственница, лес-

И. И. Шишкин.
Вид на острове Валааме (Местность Кукко). *1859— 1860 гг.*

Ф. Васильев.
В церковной ограде. Валаам. *1867 г.*

ной орех, тополь серебристый и бальзамический, вяз и другие деревья.

Плодовое и овощное хозяйство, благодаря неусыпному труду, процветает в совершенстве; в садах и огородах, занимающих около 20 десятин, овощи родятся в изобилии; смородины, крыжовнику и малины водится столько, что большего и в умеренной полосе ожидать нельзя. Из фруктовых дерев имеются вишни (простые и шпанские), яблоки (белый налив, антоновка, анисовка, апорт и др.), слива, груши и дули. Вишни, несмотря на климат, замечательно плодовиты, и, несмотря на морозы, доходящие в январе и феврале до 25 градусов по Цельсию, зимой ничем не защищаются. Яблони давали в 1864 г. до 900 четвериков ежегодного сбора; теперь — значительно больше. Культура яблони производилась на Валааме уже исстари; тем не менее монастырь обзавелся дополнительными сортами, выписав их в 60-х годах из С.-Петербургского Помологического сада. Сливы, груши и дули — купленные там же — приносят много плода, но, вследствие климата, плод этот не вызревает на открытом воздухе.

Местность Валаама отличается редкою живописностью, олицетворяющею всю дикую, грандиозную красу северной природы; но интереснее чудных видов, интереснее роскошных скал и утесов, созданных в незапамятное время целым адом разъяренных стихий, даже интереснее величественного, но капризного, как вспыльчивая женщина, Ладожского озера,— интереснее всего этого те результаты, которые принес и еще приносит вечный, нескончаемый труд обитателей Крестьянского царства: Царское, благодаря миллионам рублей и тысячам рабочих рук выросло из болота,— Валаам, благодаря труду какой-нибудь сотни бедных иноков, создался на голом камне...

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сырой, грубый, некультурный (*анг.*).
2 «Поэзия цветущих деревьев».
3 Речь идет о принципе — все новое — хорошо забытое старое.
4 Это свидание с искусством.
5 Речь идет о том, что для подлинного искусства открыт поиск истины.
6 Стиль подобен человеку.
7 Сельскохозяйственная роскошь.
8 Не каждому садовнику под силу разбить изящный сад.
9 Вероятно — половинчатый, незавершенный.
12 «Дорогие, старые, счастливые дни навсегда канули в прошлое» (*анг.*).
13 Она всегда стоит первой любви.
14 Удачное расположение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *Н. Соломадина* 5

Н. Н. Врангель

Старые усадьбы

Помещичья Россия 9
Усадьбы и их обитатели 15
Убранство комнат и любимые предметы 31
Искусство крепостных 43
В былое время 65
Развал 101
Остатки прошлого 109

А. Э. Регель

Художественные сады

Изящное садоводство 129
Любовь русских к природе 136
Сады XVII века 145
Фруктовое хозяйство 147
Виноград и шелковица 152
Овощи 153
Цветы 155
Водоснабжение 156
Измайлово 158
Пруды 163

Коломенские и частные сады ... 164
Сады в конце древнемосковской эры ... 166
Веяния XVIII столетия ... 167
Садоводство в XVIII веке ... 168
Сад императрицы ... 172
Стрельна ... 182
Ораниенбаум ... 186
Царское Село ... 191
Павловск ... 203
Екатерингоф ... 209
Московские сады XVIII века ... 212
Московские бульвары ... 214
Головинский сад ... 215
Нескучный сад ... 217
Царицыно ... 218
Кусково ... 219
Сады и скверы XIX века ... 226
Городские и провинциальные парки ... 228
Крым ... 233
Кавказ ... 235
Иркутск ... 240
Валаам ... 242
Примечания ... 245

Литературно-художественное издание

Дворянские усадьбы России

Ответственный редактор *Н. Дубенюк*

Редакторы *Н. Соломадина, Н. Литовченко*

Художественные редакторы *М. Панова, М. Приз, Е. Гузнякова*

Подготовка иллюстраций *В. Мурлыкин, Г. Зеленский*

Компьютерная верстка *Н. Литовченко, Н. Черкашина*

Корректоры *С. Никулин, О. Неро*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.* E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 26.01.2009.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 28,83.
Тираж экз. Заказ №

В эту книгу вошли два знаменитых труда начала XX века —
«Старые усадьбы» Н. Н. Врангеля и «Художественные сады» А. Э. Регеля.
Барон Н. Н. Врангель, младший брат знаменитого русского военачальника,
талантливый историк искусства, устроитель художественных выставок,
блестящий литератор, был и тонким знатоком русской усадебной культуры.
С беспристрастием судьи и изяществом художника барон Врангель
изучил и описал быт и устройство дворянских усадеб.
Во многом благодаря подвижническим усилиям Н. Н. Врангеля
русская усадебная культура была признана неотъемлемой частью
историко-культурного наследия России.
Арнольд Регель, сын знаменитого немецкого ботаника, интеллектуал,
тонкий знаток искусства сада, написал едва ли не лучшую книгу
о русских садах, усадьбах, парках и теории садоводства.
По мнению этого практичного немца, искусство русской усадьбы —
это поэзия, страсть, азарт, художественный вкус,
это восторг жизни, которые не имеют ничего общего
с ремесленным шаблоном и жизненной прозой.

ISBN 978-5-699-32889-5